100

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА **Ф. ПАВЛЕНКОВА.**

8F.11
Л49

ЛЕЙБНИЦЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ: ОБЩЕСТВЕННАЯ, НАУЧНАЯ И ФИЛОСОФСКАЯ.

2579

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

М. М. Филиппова.

Д-РА ФИЛОСОФІИ ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

съ портретомъ Лейбница, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ.

БИБЛІОТЕКА
СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.

ЦѢНА 25 КОП.

С-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія и хромолитографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12
1893

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 18 марта 1893 г.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ. 20 ФЕВРАЛЯ 1893 Г. ТИП. ТОВ. „ОБЩ. ПОЛЬЗА“ В. ПОДЪЯЧ., 39

Лейбницъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

стран.

I. Происхожденіе —Суевѣрія XVII вѣка —Вліяніе отца — Недальновидный учитель.—Чтеніе классиковъ и схоластовъ. 5

II Студенческія работы.—Полигисторъ — Вейгель.—Томазій.—Интриги деканши.—Докторскій экзаменъ — Лейбницъ въ роли розенкрейцера . . 12

III Знакомство съ Бойнебургомъ — Майнцскій курфюрстъ —Полемика съ Гоббсомъ и картезіанцами.— Польская кандидатура —Египетскій проэктъ —Ариѳметическая машина.—Математическія открытія 21

IV Открытіе дифференціальнаго исчисленія —Знакомство съ Спинозой 37

V. Переселеніе въ Ганноверъ —Лейбницъ пропагандируетъ открытіе фосфора.—Пасквиль Бехера.—Горное дѣло. — Курфюрсты и фюрсты — «Христіаннѣйшій Марсъ».—«Acta Eruditorum».—Споръ о живой силѣ и количествѣ движенія 39

VI. Исторія династіи Вельфовъ.—Научное путешествіе Лейбница.—Полемика съ Пелиссономъ и Боссюэтомъ — Опасное приключеніе.—Пребываніе въ Римѣ —Новая система счисленія —Теорія естественнаго права. . 50

VII. Религіозная терпимость —Дѣвица Ассебургъ, хилиасты и пietисты.—Планы возсоединенія церквей.—Берлинская академія наукъ —Любовь королевы —«Монадологія» и «Теодицея» —Смерть королевы Софіи-Шарлотты 66

VIII. Философское ученіе Лейбница . 79

IX. Лейбницъ и Петръ Великій —Послѣдніе годы жизни Лейбница 87

X Наружность и характеръ Лейбница . 94

ГЛАВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. *Лейбницъ* Vita a se breviter delineata. (Краткая автобіографія.)
2. *Fontenelle* Eloge de Leibniz. 1717
3 *Neufville* (Jaucourt) Histoire de la vie etc. 1734
4 *Ludovici* Entwurf einer Historie der leibn. Philosophie 1737 (Съ рисункомъ ариѳметической машины и др.)
5 *Guhrauer.* Leibniz и его же Kurmainz. Эти два сочиненія наиболѣе важны Первое представляетъ единственную полную и критически обработанную біографію Лейбница.
6 *Kuno Fischer.* Leibniz (II томъ его Geschichte der neuern Philosophie). Біографія и очеркъ философской системы Лейбница

Собранія сочиненій Лейбница издавали Dutens, Guhrauer, Foucher de Careil (1859—1873) и Onno Klopp (1864—1884) Кромѣ того есть множество изданій «Теодицеи» и др. отдѣльныхъ трудовъ Лейбница

I

Происхожденіе.—Суевѣрія XVII вѣка.—Вліяніе отца.—Недальновидный учитель.—Чтеніе классиковъ и схоластовъ

Подобно многимъ великимъ людямъ, Лейбницъ былъ смѣшаннаго происхожденія: въ жилахъ его текла не только германская, но и славянская кровь. Самъ Лейбницъ въ составленной имъ краткой автобіографіи утверждаетъ, что предки его по отцу были родомъ «изъ Польши и Богеміи». Фамилія Лейбница несомнѣнно славянскаго корня—это передѣлка имени *Лубенецъ*. По материнской линіи Лейбницъ повидимому имѣлъ чисто нѣмецкихъ предковъ: мать его была урожденная Шмуккъ. По воспитанію и окружающей средѣ, успѣвшей вполнѣ онѣмечить уже прадѣда великаго Лейбница, германскій философъ конечно долженъ считаться такимъ же нѣмцемъ, какъ и Лессингъ—потомокъ лужицкихъ лѣсниковъ.

Большая часть нѣмецкихъ писателей безусловно отвергаетъ въ натурѣ Лейбница всякія «примѣси». Все, что можно сказать въ пользу расовыхъ вліяній, сводится къ замѣчанію, что Лейбницъ, въ противоположность методичному Канту и аккуратному Гайдну, отличался нѣкоторой «славянской» широтой натуры, разбросанностью и порой даже безалаберностью. Черты эти однако встрѣчаются и у романскихъ, и даже у чисто германскихъ выдающихся людей. Болѣе серьезнымъ можно считать указаніе на необычайную легкость, съ которою Лейбницъ усваивалъ иностранные языки—тутъ атавизмъ могъ играть непосредственную роль, весьма легко объяснимую даже съ чисто физіологической точки зрѣнія.

Если оставить въ сторонѣ вопросъ о расѣ, то во всякомъ случаѣ вліяніе наслѣдственности въ болѣе широкомъ смыслѣ слова можетъ быть прослѣжено относительно Лейбница довольно глубоко. Съ обѣихъ сторонъ, и съ отцовской, и съ материнской, мы видимъ у него предковъ, болѣе или менѣе выдающихся по своему умственному развитію. Отецъ Лейбница былъ довольно извѣстный юристъ и втеченіи двѣнадцати лѣтъ преподавалъ философію или, какъ тогда выражались, міровую мудрость, занимая должность ассессора на

философскомъ факультетѣ Лейпцигскаго университета. Онъ былъ также «публичнымъ профессоромъ морали». Его третья жена, Катерина Шмуккъ, мать великаго Лейбница, была дочерью выдающагося профессора, преподававшаго юридическія науки. Семейныя традиціи съ обѣихъ сторонъ указывали Лейбницу на философскую и юридическую дѣятельность.

Изъ автобіографическихъ показаній Лейбница видно, что его отецъ весьма рано распозналъ геніальную натуру сына, можно даже сказать слишкомъ рано, и разсказъ объ этомъ Лейбница не лишенъ—съ точки зрѣнія каждаго здравомыслящаго читателя—извѣстной точки комизма. Когда надъ Лейбницемъ совершали обрядъ крещенія, малютка поднялъ глаза къ потолку. Отецъ Лейбница усмотрѣлъ въ этомъ слишкомъ обыденномъ случаѣ «особое предзнаменованіе великой будущности сына» и записалъ «событіе» въ свою семейную хронику въ витіеватыхъ выраженіяхъ, заявивъ, что сынъ его всегда будетъ обращать взоры къ небесамъ и къ божеству и всей своей дѣятельностью подтвердитъ указанное предзнаменованіе.

Другое не менѣе «знаменательное» событіе, характеризующее суевѣрія того времени, произошло съ Лейбницемъ, когда онъ былъ маленькимъ мальчикомъ. Пусть объ этомъ разскажетъ самъ Лейбницъ, чрезвычайно любившій повторять анекдоты изъ своего дѣтства съ цѣлью доказать, что еще ребенкомъ онъ былъ существомъ необыкновеннымъ. Что касается отца, трудно сказать, играло ли главную роль суевѣріе, или общая многимъ родителямъ склонность считать своихъ дѣтей особенными существами

«Однажды въ воскресенье,—пишетъ Лейбницъ,—моя мать пошла въ церковь слушать проповѣдь. Отецъ былъ боленъ и остался дома въ постели. Я игралъ у печки и былъ еще не совсѣмъ одѣтъ. Кромѣ меня въ комнатѣ была лишь одна изъ тетокъ. Я карабкался на скамью, стоявшую подлѣ стола; у стола стояла тетка и хотѣла меня одѣть. Я шалилъ и со скамьи взобрался на столъ, она хотѣла меня поймать, я кувыркнулся и упалъ со стола. Отецъ и тетя вскрикнули и увидѣли, что я спижу подлѣ стола и смѣюсь, какъ ни въ чемъ не бывало, хотя я полетѣлъ гораздо дальше, чѣмъ если бы спрыгнулъ Отецъ усмотрѣлъ въ этомъ счастливомъ исходѣ особое благоволеніе Божіе и немедленно послалъ слугу съ запиской въ церковь, чтобы, по обычаю, отслужить благодарственный молебенъ. Объ этомъ происшествіи много говорили въ городѣ. Частью изъ этого случая, частью, не знаю, изъ какихъ сновидѣній и предзнаменованій, отецъ мой вывелъ относительно меня такія большія надежды, что его пріятели насмѣхались надъ нимъ за это .

Впрочемъ вліяніе отца на маленькаго Лейбница было въ общемъ благотворнымъ Онъ старался развить въ ребенкѣ любознательность и часто разсказывалъ ему маленькіе эпизоды изъ священной и свѣтской исторіи. Эти разсказы, по словамъ самого Лейбница,

глубоко запали ему въ душу и были самымъ сильнымъ впечатлѣніемъ его ранняго дѣтства.

Лейбницу не было и семи лѣтъ, когда онъ потерялъ отца[1]). Мать Лейбница, которую современники называютъ умной и практичной женщиной, заботясь объ образованіи сына, отдала его въ школу Николаи, считавшуюся въ то время лучшею въ Лейпцигѣ. Помощникомъ ректора этой школы былъ извѣстный ученый и философъ Яковъ Томазій, отецъ знаменитаго Христіана Томазія; но преподаватели школы, за немногими исключеніями, не блистали талантами.

Лейбницъ разсказываетъ одинъ эпизодъ изъ своей школьной жизни, въ достаточной мѣрѣ характеризующій духъ тогдашняго школьнаго образованія. Разсказъ интересенъ сверхъ того, какъ доказательство чрезвычайно ранняго развитія способностей Лейбница. Если Паскаль двѣнадцати лѣтъ изобрѣлъ геометрію, то почти такъ же удивительно изобрѣтеніе Лейбница, который въ такомъ же возрастѣ открылъ способъ изучать римскихъ авторовъ безъ помощи словаря и безъ содѣйствія учителя.

Когда я подросъ,—разсказываетъ Лейбницъ,—мнѣ начало доставлять чрезвычайное наслажденіе чтеніе всякаго рода историческихъ разсказовъ. Нѣмецкія книги, которыя мнѣ попадались подъ руку, я не выпускалъ изъ рукъ, пока не прочитывалъ ихъ до конца. Латинскимъ языкомъ я занимался сначала только въ школѣ и безъ сомнѣнія я подвигался бы съ обычной медленностью, если бы не случай указавшій мнѣ совершенно своеобразный путь. Въ домѣ, гдѣ я жилъ, я наткнулся на двѣ книги, оставленныя однимъ студентомъ. Одна изъ нихъ была сочиненія Ливія, другая—хронологическая сокровищница Кальвизія. Какъ только эти книги попали мнѣ въ руки, я проглотилъ ихъ. Кальвизія я понялъ безъ труда, потому что имѣлъ нѣмецкую книгу по всеобщей исторіи, гдѣ говорилось приблизительно то же самое. Но при чтеніи Ливія я постоянно становился втупикъ. Не имѣя понятія ни о жизни древнихъ, ни объ ихъ манерѣ писанія, не привыкнувъ также къ возвышенной риторикѣ историографовъ, стоящей выше обыденнаго разумѣнія, я, говоря откровенно, не понималъ ни одной строки. Но это изданіе было старинное, съ гравюрами. Поэтому я внимательно разсматривалъ гравюры, читалъ подписи и, мало заботясь о темныхъ для меня мѣстахъ, по просту пропускалъ все то, чего не могъ понять. Это я повторилъ нѣсколько разъ и перелистывалъ всю книгу. Забѣгая такимъ образомъ впередъ, я сталъ немного лучше понимать прежнее. Въ восторгѣ отъ своего успѣха я такимъ образомъ подвигался впередъ, безъ словаря, пока наконецъ мнѣ не стала вполнѣ ясною большая часть прочитаннаго.

Учитель Лейбница вскорѣ замѣтилъ, чѣмъ занимается ученикъ. Не долго думая, онъ отправился къ лицамъ, которымъ мальчикъ

[1]) Лейбницъ родился въ Лейпцигѣ 23 іюня (4 іюля) 1646 года—протестанты считали въ то время по старому стилю, отецъ его умеръ 5 сент. 1652 г.

былъ отданъ на воспитаніе, требуя, чтобы они обратили вниманіе на «неумѣстныя и преждевременныя» занятія Лейбница.

«По его словамъ —пишетъ Лейбницъ,—эти занятія были только помѣхой моему ученію. Ливій годился, по его мнѣнію, для меня такъ, *какъ котурны для пигмея*. Книги, годныя для старшаго возраста, надо отобрать у мальчика и дать ему Orbis pictus Коменскаго и маленькій катехизисъ Безъ сомнѣнія онъ убѣдилъ бы моихъ воспитателей, если бы случайнымъ образомъ свидѣтелемъ этого разговора не оказался одинъ живший по сосѣдству ученый и много путешествовавшій дворянинъ, другъ хозяевъ дома Пораженный недоброжелательствомъ ихъ, лучше сказать, глупостью учителя, который мѣрилъ всѣхъ одною мѣрою, онъ сталъ, обратно, доказывать, какъ было бы нелѣпо и неумѣстно, если бы первые проблески развивающагося генія были подавлены суровостью и грубостью учителей Наоборотъ, надо всѣми средствами благопріятствовать этому мальчику, обѣщающему нѣчто необыкновенное Немедленно попросилъ онъ (пишетъ Лейбницъ) послать за мною, и когда. въ отвѣтъ на его вопросы, я отвѣтилъ толково, онъ до тѣхъ поръ не отсталъ отъ моихъ родственниковъ, пока не заставилъ ихъ дать обѣщаніе, что меня допустятъ въ библіотеку моего отца, давно находившуюся подъ замкомъ. Я торжествовалъ, какъ если бы нашелъ кладъ, потому что сгоралъ нетерпѣніемъ увидѣть древнихъ, которыхъ зналъ только по имени — Цицерона и Квинтиліана, Сенеку и Плинія, Геродота, Ксенофонта и Платона, писателей Августова вѣка и многихъ латинскихъ и греческихъ отцовъ церкви. Все это я сталъ читать, смотря по влеченію, и наслаждался необычайнымъ разнообразіемъ предметовъ Такимъ образомъ, не имѣя еще двѣнадцати лѣтъ, я свободно понималъ по-латыни и началъ понимать по-гречески»

Это личное показаніе Лейбница имѣетъ тѣмъ болѣе цѣны, что подтверждается и сторонними свидѣтельствами, доказывающими, что его выдающіяся способности были замѣчены и товарищами, и лучшими изъ преподавателей. Лейбницъ особенно дружилъ въ школѣ съ двумя братьями Иттигами, которые были значительно старше его возрастомъ и считались въ числѣ лучшихъ учениковъ. Отецъ ихъ былъ учителемъ физики, и Лейбницъ любилъ его больше прочихъ учителей.

Кромѣ физики и Ливія, Лейбницъ увлекался еще Виргиліемъ: до глубокой старости онъ помнилъ наизусть чуть ли не всю Энеиду. Въ старшихъ классахъ его особенно отличалъ Яковъ Томазій, однажды сказавшій мальчику, что рано или поздно онъ пріобрѣтетъ славное имя въ ученомъ мірѣ.

Впослѣдствіи Лейбницъ изобразилъ въ довольно поэтической формѣ свои юношескія стремленія, описавъ себя подъ именемъ Пацидія.

«Когда Пацидія допустили въ библіотеку отца, онъ взялъ себѣ въ учителя Провидѣніе Онъ слышалъ внутренній голосъ, повелѣвавшій ему. tolle lege! (возьми и прочитай) Сама судьба назначила ему остаться безъ посторонней помощи, безъ совѣта, и въ его возрастѣ ему осталось руководствоваться лишь собственной смѣлостью По волѣ случая, онъ прежде всего на-

нать на древнихъ. и подобно тому, какъ люди, много ходящие подъ лучами солнца, загораютъ помимо своей воли, такъ и онъ пріобрѣлъ извѣстнаго рода окраску не только въ выраженіяхъ, но и въ образѣ мыслей Когда онъ позднѣе принялся за новѣйшихъ писателей, ему стало тошно отъ ихъ книгъ, заполонившихъ въ то время книжныя лавки, отъ этихъ мѣшковъ, набитыхъ пустотою или безтолковою смѣсью чужихъ мыслей, безъ привлекательности, *безъ силы и полноты, безъ всякой живой пользы*. Можно было подумать, что все это написано для какого то иного міра, который эти авторы называли то своею республикой, то своимъ Парнасомъ. Когда онъ снова думалъ о древнихъ, съ ихъ мужественными, полными силы мыслями, объединяющими всю жизнь человѣческую какъ бы на одной картинѣ, съ ихъ естественною, ясною, текучею. приспособленною къ содержанію формою,— различіе оказывалось огромнымъ! Оно было такъ велико что Пацидій съ той поры поставилъ себѣ двумя основными правилами искать въ словахъ и выраженіяхъ *ясности*, въ вещахъ—*пользы* Позднѣе онъ узналъ, что ясность есть основа всякаго сужденія, а польза—основа всякаго открытія. и что большинство людей заблуждается именно потому, что слова ихъ неясны, а опыты безцѣльны. Вооруженный такими началами. онъ казался своимъ сверстникамъ по школѣ какимъ-то чудомъ.

Любопытно, что еще въ двѣнадцати-лѣтнемъ возрастѣ Лейбницъ любилъ отыскивать во всемъ «единство и гармонію». Въ первый разъ онъ усмотрѣлъ и то, и другое въ различныхъ наукахъ. Онъ успѣлъ понять, что цѣль всѣхъ наукъ одна и та же и что наука существуетъ для человѣка, а не человѣкъ для науки «Онъ пришелъ къ мысли, что отдѣльному человѣку должно казаться наилучшимъ то, что плодотворнѣе всего для всеобщаго, и что наилучшимъ средствомъ для прекраснаго служитъ *человѣкъ*».

Лейбницу не было еще четырнадцати лѣтъ, когда онъ изумилъ своихъ школьныхъ учителей проявленіемъ новой способности, которой въ немъ никто не подозрѣвалъ. Онъ оказался не только филологомъ, но и поэтомъ—по тогдашнимъ понятіямъ истинный поэтъ могъ писать только по-латыни или по-гречески.

Въ день Троицы, по обычаю, одинъ изъ учениковъ долженъ былъ прочесть праздничную рѣчь по-латыни. Ученикъ, на котораго выпала эта обязанность, заболѣлъ и никто не вызвался замѣнить его. Наконецъ обратились къ Лейбницу: товарищи знали, что онъ мастеръ писать стихи. Дѣйствительно, Лейбницъ взялся за дѣло и въ одинъ день настрочилъ триста гекзаметровъ. причемъ, для пущей важности, нарочно постарался избѣжать хотя бы единаго стеченія гласныхъ. Стихотвореніе вызвало одобренія учителей, которые признали Лейбница выдающимся поэтическимъ талантомъ, хотя и выразили опасеніе, что онъ, ради стихотворства, пренебрежетъ научными занятіями. Опасенія были напрасны Натура Лейбница отличалась такой жаждой новизны. что онъ не могъ остановиться

окончательно на какой либо одной сторонѣ умственной дѣятельности. Тогдашняя сухая школьная логика привлекала его не менѣе поэзіи. Въ этой скучной наукѣ Лейбницъ съумѣлъ найти болѣе того, что ему предлагали въ учебникахъ и въ классѣ. Подъ покровомъ варварскихъ схоластическихъ формулъ, Лейбницъ съумѣлъ увидѣть нѣчто такое, что скрывалось отъ его учителей. Въ четырнадцатилѣтнемъ возрастѣ онъ сталъ вдумываться въ истинную задачу логики, какъ *классификацію элементовъ человѣческаго мышленія* Лейбницъ разсказываетъ объ этомъ слѣдующее:

«Я не только умѣлъ съ необычайною легкостью примѣнять правила къ примѣрамъ, чѣмъ чрезвычайно изумлялъ учителей, такъ какъ никто изъ моихъ сверстниковъ не могъ сдѣлать того же; но я еще тогда во многомъ усомнился и тогда еще носился съ новыми мыслями, которыя записывалъ чтобы не забыть. То, что я записалъ еще въ четырнадцати-лѣтнемъ возрастѣ, я перечитывалъ значительно позднѣе, и это чтеніе всегда доставляло мнѣ живѣйшее чувство удовольствія. Изъ моихъ тогдашнихъ соображеній приведу лишь одинъ примѣръ. Я видѣлъ, что логика подраздѣляетъ простыя понятія на извѣстные разряды, такъ наз. *предикаменты*. *) Меня удивляло, почему не подраздѣляютъ подобнымъ же образомъ сложныя понятія или даже сужденія такъ, чтобы одинъ членъ вытекалъ или выводился изъ другого. Придуманные мною разряды я называлъ также предикаментами (категоріями) сужденій, образующими содержаніе или *матеріалъ умозаключенія*, подобно тому, какъ обыкновенные предикаменты образуютъ *матеріалъ сужденія*. Когда я высказалъ эту мысль своимъ учителямъ, они мнѣ не отвѣтили ничего положительнаго, а только сказали, что мальчику не годится вводить новшества въ предметы, которыми онъ еще недостаточно занимался. Позднѣе я понялъ, что порядокъ, къ которому я стремился, совершенно тотъ же, какъ въ элементарной математикѣ, гдѣ одно предложеніе вытекаетъ изъ другого. Этого самаго я напрасно добивался отъ философовъ».

Въ пятидесятилѣтнемъ возрастѣ Лейбницъ все еще охотно вспоминалъ о своихъ первыхъ школьныхъ занятіяхъ логикой.

«Я долженъ сознаться,—пишетъ онъ Габріэлю Вагнеру,—что и въ прежней (схоластической) логикѣ было кое-что полезное. Я обязанъ сказать это изъ чувства благодарности, потому что дѣйствительно мнѣ принесла пользу и та логика, которую преподаютъ въ школахъ.. Я перечитывалъ всевозможныя руководства, старался выискать въ нихъ родъ общаго реестра всѣхъ вещей, существующихъ въ мірѣ. Часто я задавалъ вопросы самому себѣ и товарищамъ, спрашивая, къ какому предикаменту (категоріи) и къ какому разряду относится то или иное. Вскорѣ я имѣлъ удовольствіе открыть, что съ помощью такихъ предикаментовъ можно многое угадать или вспомнить забытое, когда имѣешь еще въ мозгу нѣкоторое представленіе, но не можешь сразу отыскать его. Въ такихъ случаяхъ надо только спросить себя самого или другихъ по извѣстнымъ предикаментамъ и дальнѣйшимъ подраздѣленіямъ. Съ этою цѣлью я даже составилъ таблицы.. При такомъ допросѣ можно скоро выключить все нейдущее къ дѣлу и дойти до отысканія

*) На языкѣ схоластики *предикаментъ* означалъ то же, что *категорія*

настоящаго виновника. Составляя такія таблицы познаній, я нашелъ, что эти дѣленія и подраздѣленія и составляютъ связь мыслей .. Такого рода занятія доставляли мнѣ особое удовольствіе и изъ того, что я нашелъ тогда, многое даже теперь мнѣ кажется не совсѣмъ дурнымъ .. Эти дѣленія и подраздѣленія составляютъ родъ тенетъ для ловли дичи. Когда мнѣ возражаютъ, что хорошія головы обходятся и безъ такого пособія, я отвѣчаю, что даже дурная голова можетъ съ такимъ пособіемъ иной разъ сдѣлать болѣе, чѣмъ хорошая, дѣйствующая безъ всякой системы. Ребенокъ при помощи линейки можетъ провести лучшую прямую линію, чѣмъ искуснѣйшій рисовальщикъ прямо отъ руки. Превосходные умы навѣрное достигнутъ при такомъ пособіи весьма многаго».

Замѣчательно, что еще въ раннеи молодости Лейбницъ соединилъ свои первыя попытки къ реформѣ школьной логики съ остроумной идеей, впослѣдствіи возобновлявшейся въ самыхъ разнообразныхъ видахъ: онъ пытался создать «азбуку мыслей», идеографію или «пасиграфію». родъ усовершенствованныхъ іероглифовъ, долженствующихъ выражать абстрактныя научныя понятія. Подобно тому, какъ буква есть символъ звука, составляющаго часть слова, знаки Лейбница должны были выражать собою простѣйшія общія понятія, а изъ комбинаціи этихъ знаковъ должны были получаться символы не отдѣльныхъ словъ, а сужденій и умозаключеній. Предположимъ, что буквою А обозначается понятіе *человѣкъ*, буквою Б—понятіе *смертный*, буквою В—понятіе о множественномъ числѣ, въ такомъ случаѣ комбинація А Б В достаточно ясно выражаетъ собою сужденіе: *Люди смертны*. Нечего и говорить, что практическое осуществленіе идеи Лейбница представляетъ почти непреодолимыя трудности. Мысль создать «азбуку идей», одинаково понятную всѣмъ народамъ, увлекательна, но разумное примѣненіе ея уже сдѣлано въ области формулъ математики, химіи и другихъ наукъ. Идти далѣе того едва ли умѣстно. Такъ или иначе, эта мысль пришла на умъ Лейбницу еще въ школьные годы и занимала его втеченіи всей его жизни, не давъ однако сколько-нибудь удовлетворительныхъ результатовъ.

«Двѣ вещи,—пишетъ Лейбницъ,—принесли мнѣ огромную пользу, хотя обыкновенно онѣ приносятъ вредъ. Во-первыхъ я былъ, собственно говоря, *самоучкой*, во-вторыхъ во всякой наукѣ, какъ только я пріобрѣталъ о ней первыя понятія, я всегда искалъ *новаго*, часто просто потому, что не успѣвалъ достаточно усвоить обыкновенное... Когда у меня впервые возникла мысль о возможности составить азбуку, выражающую человѣческія понятія, и когда я подумалъ, что, комбинируя буквы этой азбуки, можно быть можетъ все найти и все изслѣдовать, я пришелъ въ восторгъ. Моя радость была конечно сначала радостью мальчика, не вполнѣ постигшаго величіе предмета. Позднѣе, чѣмъ болѣе я надъ этимъ думалъ, тѣмъ болѣе во мнѣ укрѣплялась рѣшимость заняться столь важнымъ вопросомъ»

На школьной скамьѣ Лейбницъ успѣлъ уже прочесть все болѣе

или менѣе выдающееся, что имѣлось въ то время въ области схоластической логики. Онъ читалъ какого-нибудь Суареца «такъ легко, какъ милезійскую сказку или какъ такъ называемые романы» Богословскіе трактаты также интересовали его. Онъ прочелъ сочиненіе Лютера о свободѣ воли, многіе полемическіе трактаты лютеранъ, реформатовъ, іезуитовъ, арминіанъ, томистовъ и янсенистовъ; то было время, когда ожесточенныя религіозныя войны мало по малу уступали мѣсто теоретической полемикѣ.

Эти новыя занятія Лейбница встревожили его воспитателей. Они боялись, что Лейбницъ станетъ «хитроумнымъ схоластикомъ». «Они не знали,—пишетъ философъ въ своей автобіографіи,—что мой духъ не могъ быть наполненъ одностороннимъ содержаніемъ».

II.

Студенческія работы.—Полигисторъ.—Вейгель.—Томазій.—Интриги деканши.—Докторскій экзаменъ.—Лейбницъ въ роли розенкрейцера

Пятнадцатилѣтнимъ юношей вступилъ Лейбницъ въ число студентовъ Лейпцигскаго университета (1661 г.).

По своей подготовкѣ онъ значительно превосходилъ многихъ студентовъ старшаго возраста. Правда, характеръ его занятій по прежнему оставался крайне разностороннимъ, можно даже сказать «безпорядочнымъ» Онъ читалъ все безъ разбора, богословскіе трактаты на ряду съ медицинскими.

Въ началѣ своей студенческой жизни Лейбницъ много терялъ отъ плохой математической подготовки, не позволявшей ему напр. понять еще въ то время философію Декарта. Неудивительно, что, зная лишь школьныхъ философовъ своего времени, Лейбницъ предпочиталъ имъ древнихъ. Мало по малу онъ однако ознакомился и съ великими умами новѣйшаго времени, съ Декартомъ и Бэкономъ, съ Кеплеромъ и Галилеемъ.

Оффиціально Лейбницъ считался на юридическомъ факультетѣ, но спеціальный кругъ юридическихъ наукъ далеко не удовлетворялъ его. Кромѣ лекцій по юриспруденціи, онъ усердно посѣщалъ и многія другія, въ особенности по философіи и математикѣ.

Въ числѣ профессоровъ философіи въ Лейпцигѣ были Адамъ Шерцеръ, ученый представитель схоластики, и Яковъ Томазій, по-

лонникъ Аристотеля, человѣкъ съ огромной начитанностью и выдающимся преподавательскимъ талантомъ. Самъ Лейбницъ признавалъ, что Томазій много способствовалъ систематизаціи его разнородныхъ, но разрозненныхъ знаній Томазій читалъ исторію *философіи* въ то время, какъ другіе читали только исторію *философовъ*. Очевидно, что въ лекціяхъ Томазія геніальный ученикъ нашелъ не только новыя свѣдѣнія, но и новыя обобщенія, новыя мысли, и безспорно, что эти лекціи не мало содѣйствовали его быстрому ознакомленію съ новымъ направленіемъ, съ великими идеями конца XVI и начала XVII вѣка. То была знаменательная эпоха, когда въ Италіи, во Франціи новый духъ уже совершилъ крупныя завоеванія, система Коперника и Галилея была отвергаема лишь инквизиціей и невѣждами, и мірозерцаніе Декарта вытѣснило даже авторитетъ Аристотеля, превратившись въ свою очередь въ неприкосновенную догму. Картезіанизмъ успѣлъ отчасти повлиять на Германію, хотя и не далъ здѣсь обильныхъ плодовъ, по господствовавшей сравнительной отсталости нѣмцевъ въ математическихъ и физическихъ наукахъ.

Противоположность между схоластикой и новой философіей была такъ велика, что на первый разъ свѣтъ новыхъ идей ослѣпилъ Лейбница. «Этотъ юноша,—пишетъ онъ, изображая себя подъ именемъ Пацидія,— былъ необыкновенно счастливъ, когда ознакомился съ планами великаго Франциска Бэкона, съ глубокими мыслями Кардана и Кампанеллы, съ опытами лучшей философіи, которые онъ нашелъ въ трудахъ Кеплера, Галилея и Декарта»

Какъ уже было замѣчено, несмотря на существованіе отдѣльныхъ геніевъ, какимъ былъ Кеплеръ, въ общемъ Германія не могла въ то время считаться на высокомъ уровнѣ въ области физико-математическихъ наукъ. Преподаваніе этихъ наукъ въ германскихъ университетахъ было поставлено далеко ниже, чѣмъ во Франціи, въ Италіи и въ Англіи. Въ Лейпцигѣ Лейбницъ слушалъ лекціи профессора Кюна, который шелъ не дальше «Началъ» Эвклида и читалъ ихъ такъ неясно, что, какъ говорятъ, изъ юныхъ студентовъ одинъ Лейбницъ понималъ его лекціи и потомъ разъяснялъ товарищамъ болѣе удобопонятнымъ языкомъ. Желая пополнить свое математическое образованіе, Лейбницъ отправился въ Іену, гдѣ славился математикъ Вейгель.

Этотъ профессоръ былъ умъ довольно оригинальный и, по своей многосторонности, до извѣстной степени родственный Лейбницу. Подобно своему великому ученику, Вейгель былъ тѣмъ, что въ Гер-

маніи начала XVIII вѣка называли полигисторомъ (Polyhistor); во Франціи конца того же вѣка онъ получилъ бы названіе энциклопедиста. Вейгель былъ одновременно математикомъ, философомъ и юристомъ. Онъ разработалъ свою систему «естественнаго права», и въ Іенѣ упорно держались слухи, что Пуфендорфъ не мало позаимствовалъ изъ тетрадокъ Вейгеля. Вейгель былъ отъявленнымъ противникомъ схоластики и, какъ впослѣдствіи самъ Лейбницъ, пытался примирить Аристотеля съ новѣйшей наукой Сверхъ того онъ отличался неистощимой изобрѣтательностью и постоянно носился съ разными проэктами, въ числѣ которыхъ было не мало смѣхотворныхъ. Такъ напр., Вейгель вздумалъ замѣнить миѳологическія названія созвѣздій новыми, заимствованными изъ гербовъ европейскихъ владѣтельныхъ лицъ. Онъ носился также съ планомъ устройства особыхъ гигіеническихъ качелей, якобы могущихъ избавить отъ всякихъ недуговъ. Но на ряду съ такими проэктами у Вейгеля попадается не мало дѣльныхъ и здравыхъ мыслей. Между прочимъ онъ много занимался вопросами морали, къ которымъ пытался примѣнить математическій методъ. Не ограничиваясь теоріей, онъ хотѣлъ основать практическую «Школу добродѣтели», т. е. образовательно-воспитательное заведеніе, гдѣ главное вниманіе предполагалось отвести «не словеснымъ, а реальнымъ наукамъ и гдѣ юноши должны учиться не только наукѣ, но и добродѣтели» Многіе смѣялись надъ этимъ проэктомъ, но Лейбницъ былъ иного мнѣнія. Называя Вейгеля «опытнымъ ученымъ математикомъ», Лейбницъ замѣчаетъ, что проэктъ основанія «Школы добродѣтели» вовсе не такъ неосуществимъ, какъ думаютъ иные. Изъ всѣхъ университетскихъ профессоровъ Лейбница, Томазій и Вейгель были его любимыми учителями, оказавшими на него несомнѣнное вліяніе, насколько вообще умъ, подобный Лейбницу, поддается постороннимъ вліяніямъ и чужому руководству.

Кромѣ математика Вейгеля, Лейбницъ слушалъ въ Іенѣ также нѣкоторыхъ юристовъ и историка Бозіуса Послѣдній ввелъ его въ собранія ученаго общества, состоявшаго изъ профессоровъ и студентовъ и именовавшагося «Коллегіей пытливыхъ». Въ числѣ тетрадей Лейбница была одна, переплетенная въ четвертую долю листа съ надписью золотыми буквами: «Отчеты о занятіяхъ коллегіи», но въ эту тетрадь было внесено имъ весьма немногое, да и вообще Лейбницъ недолго пробылъ въ Іенѣ. Главною его цѣлью были все же занятія юриспруденціей, а въ этомъ отношеніи Лейпцигъ стоялъ выше Іены.

О дальнѣйшихъ занятіяхъ Лейбница онъ самъ разсказываетъ слѣдующее:

«Я бросилъ все остальное и занялся тѣмъ, отъ чего ожидалъ наиболѣе плодовъ (т. е. юриспруденціей). Я замѣчалъ однако, что мои прежнія занятія исторіей и философіей значительно облегчили мнѣ пониманіе юридической науки. Я былъ въ состояніи безъ труда понимать всѣ законы, и поэтому не ограничился теоріей, но посмотрѣлъ на нее сверху внизъ, какъ на легкую работу, и жадно ухватился за юридическую практику. У меня былъ пріятель въ числѣ совѣтниковъ лейпцигскаго надворнаго суда. Онъ часто приглашалъ меня къ себѣ, давалъ мнѣ читать бумаги и показывалъ на примѣрахъ, какъ должно судить. Я вникалъ въ глубь науки, обязанность судьи мнѣ чрезвычайно нравилась, но адвокатскіе крючки были мнѣ противны, поэтому я никогда не хотѣлъ вести процессовъ, хотя, по общимъ отзывамъ, я прекрасно писалъ по-нѣмецки».

Послѣднія слова Лейбница необходимо пояснить. Дѣло въ томъ, что въ то время слогъ саксонскихъ канцелярій считался образцовымъ въ Германіи, и Лейбницъ могъ по одному этому играть роль стилиста. На самомъ дѣлѣ его нѣмецкій слогъ былъ довольно тяжелъ.

«Такимъ образомъ,—продолжаетъ Лейбницъ,—я достигъ семнадцатилѣтняго возраста, и болѣе всего меня радовало то обстоятельство, что я работалъ не по чужимъ мнѣніямъ, а по собственному влеченію. Этимъ путемъ я достигъ того, что всегда былъ первымъ между своими сверстниками во всѣхъ общественныхъ и частныхъ лекціяхъ и собраніяхъ, и таково было мнѣніе не только учителей, но и моихъ товарищей».

По тогдашнимъ правиламъ, Лейбницъ могъ держать докторскій экзаменъ не иначе, какъ послѣ пятилѣтняго пребыванія въ университетѣ и по выдержаніи цѣлаго ряда предварительныхъ испытаній. Эти правила чрезвычайно тяготили и досадовали Лейбница. «Мнѣ совѣстно и жалко подумать, сколько времени потерялъ я понапрасну ради этого срока», писалъ впослѣдствіи Лейбницъ.

Лучшіе изъ профессоровъ оцѣнили его: особенно высокаго мнѣнія былъ о Лейбницѣ Яковъ Томазій, который предсѣдательствовалъ на первомъ диспутѣ молодого баккалавра (30-го мая 1663 г). Темою для этого диспута Лейбницъ избралъ вопросъ о принципѣ индивидуальности, выборъ замѣчательный по связи этого принципа съ позднѣйшимъ ученіемъ Лейбница о «монадахъ». Эта первая латинская диссертація Лейбница полна схоластическихъ причудъ и тонкостей: однако и въ ней уже сказывается сильный и независимый умъ. Томазій такъ цѣнилъ эту диссертацію, что самъ написалъ къ ней предисловіе, въ которомъ публично заявилъ, что считаетъ Лейбница вполнѣ способнымъ «къ труднѣйшимъ и запутаннѣйшимъ преніямъ».

Послѣ этого диспута Лейбницъ поѣхалъ въ Брауншвейгъ, гдѣ

жилъ его дядя, извѣстный юристъ Штраухъ, бывшій профессоръ исторіи въ Іенѣ, а въ то время городской синдикъ. Цѣлью поѣздки Лейбница было сговориться съ дядей насчетъ нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ по наслѣдству, оставленному отцомъ Лейбница. Штраухъ цѣнилъ способности племянника и даже переписывался съ нимъ по научнымъ вопросамъ, но тѣмъ не менѣе споръ изъ за наслѣдства произвелъ между нимъ и Лейбницемъ значительное охлажденіе.

Возвратившись въ Лейпцигъ, Лейбницъ блистательно выдержалъ экзаменъ на степень магистра «свободныхъ искусствъ и мировой мудрости», т. е. словесности и философіи. Въ своей диссертаціи онъ чрезвычайно самоувѣренно говоритъ о своихъ занятіяхъ философіей. Указавъ на трудности избранной имъ темы, Лейбницъ прибавляетъ: «едва ли кто либо болѣе моего способенъ къ рѣшенію этого вопроса, потому что я, какъ только посвятилъ себя юридической наукѣ, при каждомъ удобномъ случаѣ возвращался къ философіи». Лейбницъ совѣтуетъ и другимъ юристамъ «не относиться къ философіи съ пренебреженіемъ и понять, что безъ философіи большая часть вопросовъ права представляетъ лабиринтъ безъ выхода»

Лейбницу въ то время не было и 18-ти лѣтъ. Вскорѣ послѣ магистерскаго экзамена, его постигло тяжелое горе: онъ потерялъ мать. По обычаю, ректоръ Лейпцигскаго университета разослалъ печатное латинское приглашеніе на похороны вдовы профессора Катерины Лейбницъ,—документъ любопытный въ томъ отношеніи, что даетъ подробныя свѣдѣнія о предкахъ Лейбница, которые тутъ же перечислены со всѣми ихъ званіями и должностями.

Семейное горе не надолго прервало научныя занятія Лейбница. По смерти матери онъ занялся, кромѣ юриспруденціи, греческой философіей. Частью подъ вліяніемъ Вейгеля и Томазія, частью по собственному влеченію, Лейбницъ пытался согласовать системы Платона и Аристотеля, какъ между собою, такъ и съ системой Декарта. Онъ не принадлежалъ однако къ числу тѣхъ эклектиковъ, которые чисто внѣшнимъ образомъ склеиваютъ и сбрасываютъ въ одну кучу разнороднѣйшія міросозерцанія, не имѣя при этомъ своего собственнаго взгляда. Какъ точный и оригинальный умъ, онъ стремился не къ созданію компилятивной системы, а къ синтезу, къ отысканію общихъ началъ, поглощающихъ въ себѣ прежнія системы, какъ односторонніе частности. Главный вопросъ, представлявшійся его уму, состоялъ въ слѣдующемъ: возможно ли соединеніе въ одномъ высшемъ началѣ двухъ повидимому взаимно исключающихся міросозерцаній, изъ которыхъ одно допускаетъ въ природѣ лишь механи-

ческій принципъ, тогда какъ другое видитъ во всемъ цѣлесообразность?

Судя по письму, написанному Лейбницемъ уже въ старости Монфору, вопросъ о цѣлесообразности, о телеологіи или, какъ выражались схоластики, о «субъстанціальныхъ формахъ» волновалъ Лейбница еще въ пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ. «Когда я только что познакомился съ сочиненіями новѣйшихъ философовъ,—пишетъ Лейбницъ,—я, въ то время еще 15-ти-лѣтній мальчикъ, часто кулялъ одинъ подлѣ Лейпцига, въ рощицѣ, называемой Розенталемъ, и разсуждалъ о субстанціальныхъ формахъ. Наконецъ механическая теорія одержала верхъ и побудила меня взяться за изученіе математики».

Мы видѣли, что Лейбницъ съ этою цѣлью побывалъ въ Іенѣ и слушалъ Вейгеля. Въ Лейпцигѣ математическое образованіе не шло дальше Эвклида, Вейгель познакомилъ Лейбница съ основаніями алгебраическаго анализа. По возвращеніи въ Лейпцигъ, Лейбницъ хотя и не продолжалъ систематическихъ занятій математикой, однако и не разставался съ ними вполнѣ и даже пытался примѣнить математику къ юриспруденціи и философіи. Особенно занимала его теорія сочетаній.

Было уже сказано, что Лейбницъ давно составилъ планъ «азбуки идей». Весьма естественно было предположить, что путемъ сочетанія различныхъ символовъ, изображающихъ понятія, сужденія и умозаключенія, удастся чисто механическимъ путемъ добыть разные полезные выводы. Само собою разумѣется, что результаты, достигнутые Лейбницемъ, при его тогдашней малой математической эрудиціи, не могли быть особенно значительными. Онъ повидимому и не подозрѣвалъ, что теорія сочетаній уже привела къ результатамъ весьма существеннымъ не только для математики, но и для всѣхъ точныхъ наукъ, черезъ посредство созданной Паскалемъ, Ферматомъ и Гюйгенсомъ теоріи вѣроятностей, гораздо болѣе плодотворной, чѣмъ логическія упражненія, которыми онъ занимался.

Между тѣмъ Лейбницъ, еще не достигнувъ 20-ти-лѣтняго возраста, считалъ себя уже вполнѣ подготовленнымъ къ докторскому экзамену. Но тутъ съ нимъ произошло нѣсколько странное приключеніе, различно разсказываемое его біографами. Наиболѣе правдоподобный разсказъ сводится къ слѣдующему.

По обычаю (сохранившемуся въ Германіи до сихъ поръ), Лейбницъ долженъ былъ наканунѣ докторскаго экзамена сдѣлать визиты профессорамъ и прежде всего декану. Лейбницъ явился къ декану и постучалъ въ дверь. Вышла деканша и спросила молодого

человѣка довольно грубо, чего ему надо отъ ея мужа. Когда Лейбницъ объяснилъ, что желаетъ держать докторскій экзаменъ, деканша пренебрежительно осмотрѣла его съ головы до ногъ и сказала:

— Сначала не мѣшало бы отростить себѣ бороду, а потомъ являться по такимъ дѣламъ.

Этотъ отвѣтъ до такой степени задѣлъ самолюбіе двадцатилѣтняго юноши, что онъ, не сказавъ болѣе ни слова, ушелъ и не возвращался.

Изъ этого видно, что, въ буквальномъ смыслѣ слова, Лейбницу никто не воспрещалъ держать экзаменъ, а онъ самъ отказался ради оскорбленнаго самолюбія. Старинный біографъ Людовици, передающій эти подробности, наивно поясняетъ, что деканъ былъ тутъ не причемъ, во всемъ виновата деканша, которая, по общему отзыву, была «не изъ числа набожнѣйшихъ и кротчайшихъ женщинъ Лейпцига». Сверхъ того извѣстно, что деканъ, наоборотъ, былъ отличнѣйшаго мнѣнія о Лейбницѣ: не задолго передъ разсказаннымъ эпизодомъ онъ два раза лично предоставилъ Лейбницу читать съ каѳедры.

Для болѣе полной характеристики нравовъ, необходимо замѣтить, что докторскій дипломъ по юридическому факультету былъ въ то время въ Лейпцигѣ предметомъ соисканія многочисленныхъ кандидатовъ: съ нимъ соединялись чисто практическія выгоды. При юридическомъ факультетѣ состоялъ родъ юридическаго бюро (Spruch-collegium), рѣшавшаго разные практическіе вопросы. Это учрежденіе включало 12 членовъ, непремѣнно докторовъ Лейпцигскаго университета, но не изъ числа профессоровъ. Какъ нарочно, въ 1666 году на открывшіяся вакансіи явилось множество кандидатовъ, изъ которыхъ Лейбницъ, также добивавшійся попасть въ «коллегію», оказался самымъ младшимъ по возрасту. Весьма естественно предположить, что въ числѣ кандидатовъ были и родственники или кумовья деканши, чѣмъ и объясняется пріемъ, оказанный ею Лейбницу.

Лейбницъ въ своей автобіографіи, хотя ни словомъ не упоминалъ о деканшѣ, признаетъ существованіе направленныхъ противъ него интригъ. Онъ пишетъ между прочимъ: «Когда я замѣтилъ интриги моихъ соперниковъ, я измѣнилъ свое первоначальное рѣшеніе и вздумалъ путешествовать. Я считалъ недостойнымъ молодого человѣка оставаться какъ бы прикованнымъ къ мѣсту, и мой духъ сгоралъ нетерпѣніемъ прославиться въ наукахъ и изучить міръ».

Раздосадованный своей неудачей, Лейбницъ оставилъ родной

городъ и буквально «отрясъ прахъ отъ ногъ своихъ». Никогда болѣе онъ не возвращался въ Лейпцигъ, и что замѣчательно, въ Лейпцигѣ вскорѣ совсѣмъ исчезло преданіе о его жизни въ этомъ городѣ. Несмотря на всѣ разспросы нѣмецкихъ біографовъ, въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго вѣка ни одинъ лейпцигскій старожилъ не могъ имъ указать ни дома, ни улицы, гдѣ родился и провелъ дѣтство одинъ изъ величайшихъ философовъ Германіи

Осенью 1666 года Лейбницъ уѣхалъ въ Альторфъ, университетскій городъ маленькой Нюрнбергской республики, состоявшей изъ семи городовъ и нѣсколькихъ мѣстечекъ и селъ. Республика эта славилась своими художниками, учеными, промышленниками. Здѣсь искусства достигли довольно высокаго совершенства въ то самое время, когда въ остальной Германіи все пришло въ упадокъ послѣ тридцатилѣтней войны, здѣсь еще не вошло въ моду обезьянство, господствовавшее при маленькихъ и большихъ нѣмецкихъ дворахъ, копировавшихъ французскіе нравы «Посмотрите на Нюрнбергъ,—писалъ Лейбницъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій:—тамъ еще можно видѣть нѣмецкія платья, тамъ нѣтъ излишней роскоши».

Впрочемъ Лейбницъ имѣлъ особыя причины любить Нюрнбергъ: съ именемъ этой республики было связано воспоминаніе о его первомъ серьезномъ жизненномъ успѣхѣ. Здѣсь ему чрезвычайно повезло.

5-го ноября 1666 года Лейбницъ блистательно защитилъ докторскую диссертацію «о запутанныхъ дѣлахъ». Почти одновременно онъ написалъ другую статью, которую сочинилъ по дорогѣ изъ Лейпцига въ Альторфъ. Тема была любопытная: «О новомъ методѣ въ юриспруденціи» Еще раньше въ сочиненіи «о комбинаціяхъ» Лейбницъ разсуждалъ о «естественномъ правѣ»: въ своей докторской диссертаціи и въ названной статьѣ онъ вполнѣ ясно высказываетъ мысль о необходимости дополнить «естественнымъ правомъ» всякое положительное законодательство. По его словамъ, если положительное законодательство молчитъ, то никакъ нельзя молчать судьямъ. Нѣтъ такого случая, когда судья вправѣ былъ бы сказать, что не рѣшилъ дѣла по отсутствію законнаго основанія. Не правы юристы, основывающіеся на отсутствіи закона, не правы и тѣ, которые въ такихъ случаяхъ полагаются на судьбу или на личное мнѣніе судьи Вездѣ, гдѣ непримѣнимъ положительный законъ, долженъ быть примѣненъ принципъ естественнаго права, и обратно, это право должно имѣть значеніе до тѣхъ поръ, пока не доказано обратное на основаніи закона или договора.

Эти и другія мысли развилъ Лейбницъ въ своей диссертаціи о

*

сомнительныхъ судебныхъ дѣлахъ. Его ученость, краснорѣчіе, ясность изложенія привели всѣхъ въ изумленіе. Самъ деканъ факультета, Іоганнъ Текторъ—одинъ изъ предковъ Гете—написалъ объ этомъ диспутѣ одному изъ друзей въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Самъ Лейбницъ до глубокой старости съ удовольствіемъ вспоминалъ о своемъ юношескомъ торжествѣ. Онъ написалъ объ этомъ въ своей автобіографіи между прочимъ слѣдующее:

«Я произнесъ двѣ рѣчи: одну—прозою, другую—въ стихахъ. Первая вышла до такой степени округленною, какъ будто я читалъ ее съ рукописи; но когда я затѣмъ прочелъ стихи, мнѣ пришлось приблизить бумагу къ глазамъ (потому что я близорукъ) такъ близко, что всѣ тотчасъ поняли, что предъидущую рѣчь я произнесъ на память. Поэтому всѣ подумали, что я выучилъ прозу наизусть, и удивились, спрашивая, почему я лучше не сдѣлалъ это съ стихами, что гораздо легче. Я отвѣтилъ, что они ошибаются Я не выучилъ прозы наизусть, но произнесъ ее экспромтомъ. Они не хотѣли вѣрить. Я сослался на примѣръ проповѣдниковъ, довольствующихся лишь краткою программою проповѣди. Латинская рѣчь течетъ у меня такъ свободно, какъ у нихъ нѣмецкая. Тутъ я досталъ бумаги и они убѣдились, что написано было совсѣмъ иначе, чѣмъ я говорилъ. За это меня осыпали чрезвычайными похвалами».

Экзаменаторы такъ восхитились краснорѣчіемъ диспутанта, что просили его остаться при университетѣ; но Лейбницъ отказался, не чувствуя особаго призванія къ профессорской дѣятельности. Не желая ни остаться въ Альторфѣ, ни возвратиться въ Лейпцигъ, Лейбницъ на первыхъ порахъ не составилъ себѣ никакого опредѣленнаго плана дѣйствій. Онъ поѣхалъ въ сосѣдній съ Альторфомъ главный городъ республики, Нюрнбергъ, гдѣ жилъ его однофамилецъ (по другимъ свѣдѣніямъ дальній родственникъ) Юстусъ Лейбницъ, съ которымъ философъ Лейбницъ былъ хорошо знакомъ. Въ Нюрнбергъ молодого философа привлекла молва о знаменитомъ обществѣ розенкрейцеровъ, во главѣ которыхъ стоялъ тогда проповѣдникъ Вѣльферъ. Юстусъ Лейбницъ также принадлежалъ къ этому таинственному обществу. Извѣстно, что Декартъ въ свое время напрасно пытался узнать тайны розенкрейцеровъ.

Юный Лейбницъ, отличавшійся талантами дипломата, выказалъ въ этомъ случаѣ много находчивости и хитрости. Онъ досталъ сочиненія знаменитѣйшихъ алхимиковъ, выписалъ изъ нихъ самыя темныя, непонятныя и даже варварски нелѣпыя выраженія и формулы и составилъ изъ всего этого родъ ученой записки, въ которой, по собственному сознанію Лейбница, онъ самъ ничего не могъ понять. Эту безсмыслицу онъ преподнесъ предсѣдателю алхимическаго общества съ просьбою принять его сочиненіе, какъ явное доказательство основательнаго знакомства съ алхимическими тайнами. Розен-

крейцеры оказались настолько наивными, что немедленно ввели Лейбница въ свою лабораторію и сочли его по малой мѣрѣ адептомъ. Ему было даже поручено, за извѣстное годовое жалованье, вести протоколы общества. Лейбницъ дѣйствительно втеченіи нѣкотораго времени состоялъ секретаремъ общества, велъ протоколы, записывая результаты опытовъ, и дѣлалъ выдержки изъ знаменитыхъ алхимическихъ книгъ. Многіе члены общества даже обращались къ Лейбницу за свѣдѣніями, а онъ въ свою очередь въ самое короткое время постигъ всю ихъ премудрость. Лейбницъ никогда не сожалѣлъ о времени, потерянномъ имъ въ обществѣ розенкрейцеровъ. Много лѣтъ спустя онъ писалъ:

«Я не раскаиваюсь въ этомъ. Впослѣдствіи я, не столько по собственному влеченію, сколько по желанію монарховъ, не разъ предпринималъ алхимическіе опыты Моя любознательность не уменьшилась, но я сдерживалъ ее въ предѣлахъ благоразумія. А какъ многіе споткнулись на этомъ пути и сѣли на мель какъ разъ въ то время, когда воображали, что плыли при попутномъ вѣтрѣ!»

III.

Знакомство съ Бойнебургомъ.—Майнцскій курфюрстъ.—Полемика съ Гоббсомъ и картезіанцами. — Польская кандидатура.—Египетскій проэктъ.—Ариѳметическая машина.—Математическія открытія.

Черезъ посредство розенкрейцеровъ Лейбницъ познакомился въ Нюрнбергѣ съ пріѣхавшимъ туда по своимъ дѣламъ бывшимъ майнцскимъ министромъ Бойнебургомъ. Друзья Лейбница рекомендовали его министру, который также немножко занимался алхиміей, и устроили такъ, что бывшій министръ однажды обѣдалъ съ молодымъ Лейбницемъ за однимъ столомъ въ гостинницѣ. При этомъ случаѣ Лейбницъ съумѣлъ произвести на Бойнебурга самое благопріятное впечатлѣніе, а это имѣло немаловажное вліяніе на дальнѣйшую судьбу философа.

Бойнебургъ былъ однимъ изъ выдающихся дипломатовъ своего времени. Какъ разъ передъ знакомствомъ съ Лейбницемъ бывшій министръ майнцскаго курфюрста впалъ въ немилость. Раньше онъ игралъ блестящую роль. Бойнебургъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ между тогдашними нѣмецкими аристократами; онъ изучалъ право въ Іенѣ, потомъ—въ Гельмштетѣ, гдѣ слушалъ знаменитаго Конринга. Несмотря на то, что онъ былъ лютеранинъ,—католическій прелатъ, именовавшійся майнцскимъ курфюрстомъ, сдѣлалъ

его своимъ министромъ двора. Положеніе лютеранина при дворѣ перваго германскаго католическаго прелата было однако двусмысленнымъ, и дѣло кончилось тѣмъ, что Бойнебургъ, отличавшійся вѣротерпимостью и даже нѣкоторымъ индифферентизмомъ, принялъ католическую вѣру. Это не избавило его отъ интригъ соперниковъ, и дѣло кончилось тѣмъ, что курфюрстъ лишилъ Бойнебурга всѣхъ его должностей и велѣлъ посадить въ крѣпость. Слѣдствіе доказало ложность доносовъ. Бойнебургъ былъ освобожденъ, и курфюрстъ лично предлагалъ ему почетное удовлетвореніе, но примиреніе состоялось лишь впослѣдствіи, когда племянникъ курфюрста женился на дочери бывшаго министра.

Лейбницъ познакомился съ Бойнебургомъ въ переходное время, когда курфюрстъ дѣлалъ попытки къ примиренію, а Бойнебургъ еще считалъ себя обиженнымъ, но уже могъ рекомендовать Лейбница своему монарху. Впечатлѣніе, произведенное молодымъ Лейбницемъ на сорока четырехъ-лѣтняго дипломата, бывавшаго при многихъ европейскихъ дворахъ и видавшаго не мало знаменитостей, было таково, что онъ написалъ бывшему своему профессору Конрингу письмо, посылая ему сочиненіе Лейбница «О новомъ методѣ въ юриспруденціи». Я отлично знаю автора,—писалъ Бойнебургъ.—Онъ докторъ правъ, двадцати двухъ лѣтъ, чрезвычайно ученый, превосходный философъ, человѣкъ съ необычайно обширными познаніями, острымъ сужденіемъ и сверхъ того весьма трудолюбивый».

Неоспоримо, что Бойнебургъ оказалъ значительное вліяніе на Лейбница, какъ человѣкъ свѣтскій, притомъ много видѣвшій, много испытавшій. Лейбницъ никогда не отрицалъ этого вліянія, хотя не безъ основанія утверждалъ, что отплатилъ Бойнебургу сторицею, не только въ нравственномъ отношеніи, но и въ матеріальномъ. Въ особенности во время пребыванія Бойнебурга въ Дюссельдорфѣ Лейбницъ былъ у него и секретаремъ, и адвокатомъ, и даже библіотекаремъ: на составленіе каталога къ обширной библіотекѣ Бойнебурга было потрачено Лейбницемъ не мало труда.

Въ свою очередь Бойнебургъ рекомендовалъ Лейбница, гдѣ только могъ, и въ ученомъ мірѣ, и различнымъ дворамъ. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ юристовъ того времени, уже упомянутый Конрингъ, со словъ Бойнебурга заинтересовался Лейбницемъ и вступилъ съ нимъ въ переписку.

Въ 1671 году онъ писалъ Лейбницу: «Радъ, что ты не нуждаешься въ подстрекательствѣ къ труду, скорѣе слѣдуетъ сдержать

изливающуюся черезъ край силу и думать не только о настоящемъ, но и о будущемъ».

По совѣту Бойнебурга, Лейбницъ послѣдовалъ за нимъ во Франкфуртъ, и здѣсь напечаталъ свое сочиненіе о новомъ методѣ въ юриспруденціи, посвятивъ его майнцскому курфюрсту, Іоганну-Филиппу Шёнборну.

Этотъ курфюрстъ былъ человѣкъ довольно замѣчательный. Сынъ небогатаго дворянина,—«вестервальскій мужикъ», какъ онъ называлъ себя,—онъ своими талантами быстро составилъ себѣ карьеру, пройдя въ пять лѣтъ всѣ ступени отъ каноника до примаса Германіи. Онъ не былъ фанатиченъ, и одинъ изъ первыхъ выступилъ противъ варварскихъ процессовъ о вѣдьмахъ. Въ политическомъ отношеніи Шёнборнъ былъ вождемъ рейнскаго союза, колебавшагося между Австріей и Франціей. Лейбницъ высоко цѣнилъ его и послѣ смерти курфюрста писалъ:

«Шёнборнъ былъ однимъ изъ дальновидѣйшихъ германскихъ владѣтелей. Это былъ умъ, полный высокихъ идей, имѣвшій въ виду интересы всего христіанскаго міра... Онъ не ожидалъ, что равновѣсіе между Франціей и Австріей будетъ нарушено, и что Франція такъ скоро возьметъ перевѣсъ. Какъ бы то ни было, онъ былъ свидѣтелемъ бѣдствій Германіи, онъ видѣлъ ея еще дымившіяся (послѣ тридцатилѣтней войны) развалины и принадлежитъ къ числу людей, наиболѣе стремившихся къ возстановленію мира. Германія едва могла дышать, въ ней остались почти одни несовершеннолѣтніе юноши».

Получивъ отъ Бойнебурга рекомендацію и увѣреніе, что никто не коснется его религіозной свободы, Лейбницъ отправился (1667) въ Майнцъ къ курфюрсту, которому былъ немедленно представленъ. Ознакомившись съ трудами и съ личностью Лейбница, курфюрстъ пригласилъ молодого ученаго принять участіе въ предпринятой реформѣ: курфюрстъ пытался составить новый сводъ законовъ. Работа была поручена главнымъ образомъ Лассеру и Лейбницу. Разсказываютъ, что Лейбницъ, для сокращенія времени, купилъ два изданія юстиніанова кодекса, разрѣзалъ текстъ, расклеилъ на бумагѣ и на поляхъ дѣлалъ помѣтки, примѣчанія и исправленія. Не слѣдуетъ забывать, что римское право было основою законодательства германскихъ государствъ, и о составленіи кодекса на основаніи обычнаго или-же «естественнаго» права въ то время можно было только мечтать.

Втеченіи пяти лѣтъ Лейбницъ занималъ видное положеніе при майнцскомъ дворѣ. Этотъ періодъ въ его жизни былъ временемъ оживленной литературной дѣятельности: Лейбницъ написалъ пѣлый рядъ сочиненій философскаго и политическаго содержанія. Въ

области философіи онъ изложилъ лишь первыя основанія своей будущей системы; въ области политики разрабатывалъ частью вопросы, имѣвшіе связь съ его оффиціальными миссіями, частью-же вопросы болѣе общаго характера, причемъ въ его политическихъ трактатахъ сказывался скорѣе философъ и даже математикъ, чѣмъ дипломатъ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова.

Философскіе трактаты майнцскаго періода дѣятельности Лейбница находятся въ тѣсной связи съ тогдашними богословскими полемическими сочиненіями. Съ обѣихъ сторонъ—и съ католической, и съ лютеранской—уже стали дѣлать первыя попытки къ возсоединенію церквей,—попытки, большей частью оканчивавшіяся тѣмъ, что каждая изъ сторонъ упорствовала въ своихъ мнѣніяхъ. Но прежней вражды не было, сплошь и рядомъ католики дружили съ лютеранами и на сцену уже явился ихъ общій врагъ — матеріализмъ, съ которымъ одинаково враждовали и въ Римѣ, и въ Аугсбургѣ. Лейбницъ, при своемъ идеалистическомъ міросозерцаніи, не могъ даже на время стать матеріалистомъ. Мы уже указывали, что еще пятнадцатилѣтнимъ юношею онъ задумывался надъ вопросомъ о конечныхъ цѣляхъ и о механической причинности: механическая теорія первоначально взяла верхъ, но не въ матеріалистическомъ, а въ картезіанскомъ смыслѣ, да и то на недолгое время. Идея божества, какъ чего-то стоящаго совсѣмъ внѣ міра, была слишкомъ чужда Лейбницу при его стремленіяхъ къ «гармоніи», къ согласованію даже явно противорѣчивыхъ принциповъ путемъ подчиненія ихъ новому высшему началу.

Это стремленіе Лейбница видѣть въ мірѣ всюду порядокъ и гармонію ясно сказывается въ его юношескомъ трактатѣ или, лучше сказать, письмѣ, озаглавленномъ: «Основательное искорененіе атеизма» — это заглавіе было передѣлано издателемъ, который сочинилъ громкое названіе: «Исповѣдь природы противъ атеизма».

Полемика противъ «атеистовъ» была предпринята Лейбницемъ, какъ говорятъ, по порученію Бойнебурга. Этотъ вопросъ не имѣетъ особаго значенія: слишкомъ очевидно, что Лейбницъ боролся съ атеистами по внутреннему убѣжденію, а не по заказу.

Цѣль Лейбница—поразить атеистовъ ихъ собственнымъ оружіемъ. Онъ приводитъ изрѣченіе Бэкона: «Капля, выпитая изъ кубка философіи, удаляетъ отъ Бога, но если выпить кубокъ до дна, то возвращаешься къ Богу». Лейбницъ пытается доказать, что познаніе природы ни мало не ослабляетъ религіознаго чувства.

То было время, когда Гоббсъ уже выступилъ со своими смѣлыми

теоріями, вызвавъ тѣни Демократа и Эпикура. Лейбницъ готовъ на серьезныя уступки матеріалистамъ: его цѣль доказать, что матеріализмъ страдаетъ внутреннимъ противорѣчіемъ. Допустимъ, говоритъ онъ, что все въ мірѣ сводится къ движенію атомовъ матеріи. Всякое тѣло есть «существованіе въ пространствѣ»—это неоспоримо. Но изъ существованія тѣла въ данномъ мѣстѣ вытекаетъ лишь *возможность* перемѣны этого мѣста, т. е. *возможность* движенія, а не самое движеніе. Тѣла движимы, но не самоподвижны, доступны извѣстной формировкѣ, но не формируютъ сами себя. Помимо этого, даже чисто статическія свойства тѣлъ, оказываемое ими сопротивленіе, связь между отдѣльными частями и т. п., по мнѣнію Лейбница, не могутъ быть объяснены единственно величиною, формою и движеніемъ, какъ того хотятъ матеріалисты.

Изъ этого Лейбницъ выводитъ—путемъ слишкомъ поспѣшнаго логическаго скачка—что все, необъяснимое величиною, формою и движеніемъ, вообще не можетъ быть приписано матеріальнымъ причинамъ, стало быть, должно быть объяснено причинами не матеріальными—какъ будто напр. «сопротивленіе движенію» должно считаться менѣе «матеріальнымъ», чѣмъ «величина, форма и движеніе». Эти «нематеріальныя причины» свойствъ тѣлъ Лейбницъ обобщаетъ подъ понятіемъ силы, «формирующей, движущей, приводящей все въ порядокъ». Отсюда лишь одинъ шагъ до теоріи «міровой гармоніи», на которой основано позднѣйшее міросозерцаніе Лейбница.

Разъ мы уступимъ Лейбницу въ основномъ пунктѣ, т. е. признаемъ правильность его произвольной классификаціи матеріальнаго и не матеріальнаго (хотя и неразрывно связаннаго съ матеріей), его доводы противъ «атеистовъ» становятся неотразимыми. Чрезвычайно легко доказать, что не все матеріально, разъ мы заранѣе исключили изъ области матеріальнаго все, что служило для насъ камнемъ преткновенія. Если любое тѣло представляетъ не скопленіе «грубой» матеріи, а сочетаніе грубаго вещества съ чѣмъ то болѣе тонкимъ, чѣмъ «тонкая матерія» картезіанцевъ или чѣмъ «эѳиръ» новѣйшихъ физиковъ, то само собою разумѣется, что проще всего назвать это «нѣчто» *духомъ*, подъ которымъ и подразумѣвается «нѣчто» противоположное грубой матеріи. Болѣе точное опредѣленіе *духа* дается не легко, въ чемъ убѣждаетъ примѣръ Лейбница. «Духъ,—говоритъ онъ,—есть дѣятельная сущность, его дѣятельность состоитъ въ мышленіи». Въ этомъ никто не сомнѣвается, но какая тутъ связь съ силой, съ сопротивленіемъ движенію, съ связью между частицами матеріи—явленіями, которыя, по мнѣнію Лейбница, не-

объяснимы чисто матеріальными причинами? Выяснить эту связь, съ своей точки зрѣнія, Лейбницу удалось лишь впослѣдствіи. На первый разъ онъ ограничился выясненіемъ противоположности между духомъ и тѣломъ. Мышленіе, по увѣренію Лейбница, «сознается какъ нѣчто недѣлимое, стало быть оно недѣлимо, т. е. не имѣетъ частей»; движеніе напротивъ того дѣлимо: стало быть мышленіе не есть движеніе и мыслящее существо или духъ отличается слѣдующими основными свойствами: духъ недвижимъ, недѣлимъ, неуничтожаемъ, стало быть безсмертенъ. На это «атеисты» могли бы возразить, что, по ихъ ученію, великолѣпно изложенному Лукреціемъ въ его поэмѣ «О природѣ вещей», матерія хотя движима и дѣлима, но также «неуничтожаема», стало быть «безсмертна»—смертна только «форма», и если допустить, что матерію формируетъ духъ, то отсюда пожалуй можно было бы прійти къ выводу, весьма неутѣшительному для спиритуалистовъ, т. е. сказать, что духъ умираетъ или, по крайней мѣрѣ, существенно измѣняется вмѣстѣ съ формой, въ которой онъ воплотился. Во всякомъ случаѣ доводы, выставленные Лейбницемъ противъ матеріализма, далеко не такого уничтожающаго свойства, какъ онъ думалъ, и матеріализмъ болѣе логиченъ и послѣдователенъ, чѣмъ произвольная классификація Лейбница, по которой всякое движеніе заключаетъ въ себѣ не матеріальный принципъ.

Въ тѣсной связи съ этимъ трактатомъ находится письмо, написанное Лейбницемъ изъ Майнца своему бывшему профессору Якову Томазію. Здѣсь Лейбницъ уже прямо выступаетъ какъ основатель самостоятельной философской системы, отличающейся и отъ философіи Аристотеля, и отъ ученій Декарта и Спинозы. Лейбницъ прямо устраняетъ мысль о солидарности съ картезіанцами: онъ никогда и не былъ послѣдователемъ Декарта. «Я менѣе всего картезіанецъ,—пишетъ Лейбницъ.—Я не боюсь сказать, что нахожу въ физическихъ книгахъ Аристотеля болѣе истинъ, чѣмъ въ разсужденіяхъ Декарта, такъ далекъ я отъ того, чтобы быть приверженцемъ этого послѣдняго». Затѣмъ Лейбницъ развиваетъ свою давнишнюю мысль о необходимости примирить Аристотеля съ новѣйшей физикой.

«Я въ одномъ согласенъ съ Декартомъ,—пишетъ онъ,—а именно, что физическія явленія должны быть объясняемы исключительно величиною, формою и движеніемъ». Возможность указаннаго «примиренія» Лейбницъ *видитъ* въ томъ, что въ физикѣ и Аристотель не далъ ни единаго принципа, который не могъ бы быть объясненъ величиною, фигурой и движеніемъ. Какъ мы видѣли, Лейбницъ ни за что не хочетъ признать *движеній*, присущихъ матеріи. «Матеріи свой-

ственно лишь протяженіе и непроницаемость, но движеніе можетъ быть объяснено лишь нематеріальной причиной». Эту теорію Лейбницъ цѣнитъ потому, что видитъ въ ней достаточное основаніе для доказательства существованія божественнаго начала.

Нѣсколько позднѣе Лейбницъ написалъ два трактата, изъ которыхъ одинъ озаглавленъ: «Теорія конкретнаго движенія» и посвященъ Лондонскому королевскому обществу, другой: «Теорія абстрактнаго движенія» посвященъ Парижской академіи наукъ. Оба эти трактата посвящены не столько механическимъ, сколько философскимъ вопросамъ. Здѣсь выставлена гипотеза мірового эѳира, однако далеко не въ той строгой математической формѣ, какую она приняла въ рукахъ современника Лейбница, знаменитаго Гюйгенса. Въ то время Лейбницу не хватало еще должной математической подготовки, которую онъ получилъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ, прежде чѣмъ самъ выступилъ въ роли реформатора математики.

Въ Майнцѣ Лейбницъ написалъ еще два любопытныхъ сочиненія: одно чисто богословскаго содержанія, другое, представляющее филологическій интересъ. Первое было написано въ опроверженіе Виссоватаго, написавшаго трактатъ противъ ученія о Троицѣ. Отвѣтъ Лейбница показалъ, что молодой философъ превосходно владѣлъ богословской діалектикой. По своему обыкновенію, Лейбницъ пытался поразить противника его-же оружіемъ. «Отвергать ученіе о Троицѣ,—пишетъ Лейбницъ,—значитъ отвергать божественность Христа. Если Христосъ—не Богъ, значитъ онъ—только человѣкъ. а между тѣмъ Виссоватій поклоняется Христу, какъ богоподобному существу. Но если Христосъ—не Богъ, онъ вовсе не можетъ быть предметомъ религіознаго почитанія». Любопытно, что въ то время, когда Лейбницъ ломалъ копья въ защиту ученія о Троицѣ, его великій современникъ и будущій соперникъ Ньютонъ выступилъ въ защиту его противниковъ социніанцевъ.

Другое упомянутое сочиненіе Лейбница посвящено вопросу о слогѣ философскихъ трактатовъ.

«Что такое хорошій философскій слогъ?—спрашиваетъ Лейбницъ и даетъ совершенно удовлетворительный отвѣтъ.—Что отличаетъ философа отъ не-философа? Оба наблюдаютъ тотъ-же предметъ, имѣютъ одни и тѣ-же представленія; почему-бы обоимъ не говорить одинаковымъ языкомъ? Вся разница въ томъ, что философъ относится къ предмету, размышляя о немъ, тогда какъ не-философъ безсознательно проходитъ мимо. Философъ имѣетъ отчетливыя представленія, ясныя мысли... Философскій слогъ есть, стало быть, слогъ ясный, въ изложеніи вполнѣ точный по словамъ и оборотамъ. Философская рѣчь не терпитъ ничего лишеннаго значенія и смысла, ни одного пустого или темнаго слова.»

Вотъ рецептъ, котораго къ сожалѣнію не имѣли передъ собою многія поколѣнія философовъ какъ до, такъ и послѣ Лейбница!

По словамъ Лейбница, философъ долженъ по возможности употреблять наиболѣе удобопонятныя выраженія. Чѣмъ общеупотребительнѣе, чѣмъ популярнѣе выраженіе, тѣмъ оно лучше. Туманныя выраженія приличны пророку, алхимику, оракулу, мистику, но не философу. Есть лишь одинъ случай, когда дозволено изобрѣтать искусственныя выраженія и когда эти выраженія дѣйствительно обогащаютъ слогъ, а именно когда при помощи одного удачно избраннаго термина можно сказать то, что иначе пришлось бы пояснять даннымъ описательнымъ выраженіемъ. Краткость есть также одно изъ условій хорошаго слога. Если бы напримѣръ у насъ не было слова «квадратъ», то пришлось бы говорить десятки словъ тамъ, гдѣ теперь мы употребляемъ одно это слово. Ясно, что всего умѣстнѣе вводить искусственные термины въ математику, механику и физику, и наоборотъ, наименѣе умѣстны такія искусственныя выраженія въ наукахъ философскихъ и моральныхъ.

Итакъ, говоритъ Лейбницъ, пусть философъ говоритъ по возможности простымъ, яснымъ и конкретнымъ языкомъ. Пусть избѣгаетъ всякихъ излишнихъ отвлеченностей вродѣ «здѣшностей» и «такостей» схоластическихъ философовъ. Лейбницъ совѣтуетъ философамъ писать по преимуществу на народномъ языкѣ; самъ онъ писалъ главнымъ образомъ по-латыни и по-французски, потому что стремился къ извѣстности, а въ то время нѣмецкія сочиненія не читались даже нѣмецкими учеными. Лейбницъ утверждалъ однако, что нѣмецкій языкъ болѣе всѣхъ приспособленъ къ философіи. Латинская фраза часто является маскою недомыслія; часто во время диспута можно прижать противника къ стѣнѣ самымъ простымъ способомъ, а именно заставивъ его объясняться на родномъ языкѣ.

Было сказано, что во время пребыванія въ Майнцѣ Лейбницъ занимался политикой и дипломатіей еще больше, чѣмъ наукой и философіей. Плодомъ этихъ занятій былъ цѣлый рядъ трактатовъ, представляющихъ большой историческій интересъ.

Цѣлью Лейбница было устранить опасности, грозившія нѣмцамъ съ запада со стороны Франціи и съ юго-востока отъ турокъ. Поссорить Францію съ Турціей казалось ему поэтому завѣтною цѣлью германской дипломатіи; впрочемъ, кромѣ этого плана, у Лейбница было еще много другихъ. Онъ между прочимъ написалъ памфлетъ въ защиту нѣмецкаго кандидата на польскій престолъ послѣ отреченія Яна-Казиміра.

Памфлетъ этотъ написанъ чрезвычайно логично и остроумно; доказательства имѣютъ характеръ почти математическихъ теоремъ, что не препятствуетъ живости изложенія. Лейбницъ примѣняетъ къ политическимъ вопросамъ методъ, сходный съ тѣмъ, которымъ пользуется теорія вѣроятностей. Остроуміе Лейбница блещетъ особенно тамъ, гдѣ онъ, вполнѣ входя въ роль польскаго дворянина, возражаетъ противъ московской кандидатуры.

Ученость и остроуміе Лейбница не повліяли однако на поляковъ. Всѣ иностранные кандидаты провалились и, совершенно неожиданно, былъ избранъ природный полякъ изъ дома Пястовъ.

Болѣе серьезное значеніе имѣетъ другое сочиненіе Лейбница, трактующее о способахъ охраны германскихъ государствъ. Сочиненіе это написано по-нѣмецки; нѣмецкій слогъ Лейбница едва-ли можно назвать хорошимъ даже для того времени, когда всѣ имѣли передъ собою образецъ сильной и чистой рѣчи Лютера. Лейбницъ пересыпаетъ нѣмецкую рѣчь латинскими и французскими выраженіями, часто безъ малѣйшей нужды. Тѣмъ не менѣе онъ одинъ изъ первыхъ оцѣнилъ міровое значеніе нѣмецкаго языка, нѣмецкой культуры и даже германской государственности: Лейбницъ былъ краснорѣчивымъ и сильнымъ проповѣдникомъ германскаго единства. За это можно ему простить дурной нѣмецкій слогъ, который онъ самъ называлъ хорошимъ, не признаваясь въ томъ, что впослѣдствіи нерѣдко просилъ Людольфа и другихъ поправлять свои нѣмецкія сочиненія.

Основная идея брошюры Лейбница—образованіе нѣмецкаго союза, ядромъ котораго должны быть, по его плану, прирейнскія государства. Самое главное, что необходимо для Германіи, это устраненіе внутреннихъ раздоровъ. Пока Германія разрознена, «она есть яблоко раздора, мячъ, бросаемый всѣми, кто только стремится къ основанію всемірной монархіи». Лейбницъ считаетъ возможнымъ *полное* объединеніе Германіи. Устроить общій рейхстагъ, общее войско значитъ, по его мнѣнію, проложить путь для военной диктатуры. Его планъ—образованіе «союза государствъ», рода федераціи, которая, никому не угрожая, будетъ пользоваться всеобщимъ уваженіемъ и сочувствіемъ.

Подобно тому, какъ въ наши времена Бисмаркъ, Лейбницъ былъ отъявленнымъ врагомъ женской политики. «Два главныя орудія, которыми пользуется Франція,—пишетъ онъ,—это деньги и народъ. Но подъ народомъ я подразумѣваю здѣсь нѣчто иное, чѣмъ обыкновенно: не мужчинъ, а бабій народъ. Деньги и женщины—это два

инструмента, открывающіе всѣ замки, всѣ двери и пролѣзающіе даже безъ помощи волшебнаго кольца во всѣ уголки».

Иронически изображаетъ затѣмъ Лейбницъ нѣмецкіе дворы, гдѣ господствуютъ такія французскія дамы, которыя стали во Франціи залежавшимся товаромъ. Плохой французскій товаръ, «живой и мертвый», щедро вывозится изъ Франціи въ Германію, всюду господствуетъ французскій языкъ, моды, умы обрабатываются на французскій манеръ, даже свадьбы устраиваются для французскихъ политическихъ цѣлей.

Все это писалось не изъ національнаго шовинизма, который былъ совершенно чуждъ Лейбницу, по природѣ склонному скорѣе къ космополитизму, чѣмъ къ узко-національной точкѣ зрѣнія. Его слова были краснорѣчивымъ и справедливымъ протестомъ противъ обезьянства, усвоивавшаго лишь французскій покрой платья, въ то самое время, когда истинные плоды французской культуры почти совершенно игнорировались въ Германіи. Даже въ области философіи декартовскіе вихри были болѣе извѣстны въ Германіи, чѣмъ аналитическій методъ, позволившій Декарту совершить крупную реформу въ области не только философіи, но и точнѣйшей изъ наукъ—математики. Лейбницъ поступилъ какъ разъ наоборотъ: пренебрегая тѣмъ, что такъ цѣнили другіе, онъ отправился во Францію съ цѣлью почерпнуть здѣсь запасъ реальныхъ знаній. Сверхъ того у Лейбница была еще другая цѣль. Отъ души желая сближенія двухъ культурныхъ націй, германской и французской, находясь въ превосходныхъ отношеніяхъ съ лучшими умами Франціи, ставъ почти французскимъ писателемъ, Лейбницъ въ то же время всѣми силами старался противодѣйствовать завоевательнымъ стремленіямъ Людовика XVI, подготовлявшимъ цѣлый рядъ международныхъ столкновеній, включая даже войну 1870 г., которая возвратила нѣмцамъ завоеванную Людовикомъ Лотарингію. Лейбницъ думалъ, что ему удастся отвлечь вниманіе французскаго завоевателя совсѣмъ въ другую сторону. Въ только-что указанномъ нами сочиненіи онъ пишетъ: «Франціи предназначено быть вождемъ христіанскаго оружія на Востокѣ, вести борьбу съ противолежащей ей Африкой, уничтожить разбойничьи гнѣзда, наконецъ покорить Египетъ, одну изъ прекраснѣйшихъ странъ во всемъ мірѣ». Эта бѣгло высказанная мысль вскорѣ была развита Лейбницемъ въ цѣлый **«египетскій проэктъ»**, и онъ ждалъ только случая представить свой планъ самому Людовику XIV.

Передъ поѣздкою въ Парижъ, Лейбницъ побывалъ еще въ

Страсбургѣ, гдѣ въ то время находился сынъ Бойнебурга, бывшій подъ попеченіемъ профессора Беклера, ревностнаго поклонника Декарта. Лейбницъ имѣлъ случай поспорить съ картезіанцемъ и узналъ отъ Беклера много любопытныхъ свѣдѣній о жизни Декарта, въ особенности объ эпохѣ пребыванія французскаго философа при дворѣ шведской королевы Христины. Изъ Страсбурга Лейбницъ возвратился въ Майнъ по Рейну. Это путешествіе произвело на него сильное впечатлѣніе: контрастъ чудной природы, живописныхъ рыцарскихъ замковъ и городовъ съ тогдашнимъ грустнымъ политическимъ положеніемъ Германіи сильно поразилъ его. Во время этого путешествія Лейбницу пришлось между прочимъ играть роль третейскаго судьи въ религіозномъ спорѣ, завязавшемся между его спутниками.

Бойнебургъ, постоянно стоявшій за сближеніе съ Франціей, зная изъ разговоровъ съ Лейбницемъ о его египетскомъ проэктѣ, счелъ необходимымъ послать философа въ Парижъ съ важной дипломатической миссіей. Чтобы подготовить почву, Бойнебургъ написалъ французскому министру иностранныхъ дѣлъ Арно-де-Помпонну письмо, въ которомъ вкратцѣ изложилъ сущность проекта, приложивъ къ письму и краткую записку Лейбница. 12-го февраля 1672 г. Помпонинъ прислалъ отвѣтъ. Онъ писалъ, что по его мнѣнію, авторъ проекта несомнѣнно затѣялъ «нѣчто великое» и имѣющее цѣлью увеличить славу французскаго короля; но при этомъ замѣтилъ, что въ представленной ему запискѣ не указаны средства для достиженія цѣли. «Впрочемъ,—писалъ французскій министръ,—въ виду того, что авторъ обѣщаетъ самъ явиться для объясненія подробностей своего плана, его величество охотно согласится узнать эти подробности». Изъ этого письма очевидно, что Людовику XIV было доложено о планахъ Лейбница, и что они возбудили живой интересъ въ придворныхъ сферахъ.

Послѣ этого нельзя было болѣе откладывать, и 18-го марта того же года Лейбницъ, въ сопровожденіи лишь одного слуги, выѣхалъ въ Парижъ, заручившись отъ Бойнебурга рекомендательнымъ письмомъ къ Помпонну. «Вотъ тотъ, кого требовалъ король,—писалъ Бойнебургъ,—это человѣкъ, который, несмотря на свою невзрачную внѣшность, отлично можетъ исполнить то, что обѣщаетъ. Вы постарайтесь, чтобы этотъ человѣкъ жилъ безъ всякаго шума и треволненій и думалъ лишь о своемъ дѣлѣ; также желательно, чтобы ему возвратили его путевые расходы.

Послѣднее пожеланіе довольно характеристично: не мѣшаетъ

пояснить, что всѣ расходы Лейбница по путешествію составили сто талеровъ, данныхъ ему отъ себя Бойнебургомъ.

Кромѣ дипломатической миссіи Лейбницъ имѣлъ въ виду и чисто научныя цѣли. Давно уже желалъ онъ пополнить свое математическое образованіе знакомствомъ съ французскими и англійскими учеными, и мечталъ о путешествіи въ Парижъ и въ Лондонъ.

По пріѣздѣ въ Парижъ, Лейбницъ, по выраженію одного изъ біографовъ, «зарылся» въ здѣшнихъ библіотекахъ и нашелъ въ нихъ массу сокровищъ, между прочимъ, множество рѣдкихъ историческихъ документовъ. Конечно, онъ не упустилъ изъ виду и сочиненій, относившихся къ египетскому вопросу; между прочимъ имъ былъ отысканъ проэктъ завоеванія Египта, сочиненный однимъ венеціанскимъ писателемъ, и этимъ проэктомъ Лейбницъ отчасти воспользовался при составленіи записки, поданной имъ на имя короля.

«Франція добивается гегемоніи въ христіанскомъ мірѣ. Наилучшимъ средствомъ для достиженія этой цѣли является,—по словамъ Лейбница,—покореніе Египта. Нѣтъ экспедиціи болѣе легкой, безопасной, своевременной и могущей усилить морское и торговое могущество Франціи. Французскому королю слѣдуетъ взять примѣръ съ походовъ Александра Македонскаго. Съ незапамятныхъ временъ Египетъ, древняя страна, полная чудесъ и мудрости, имѣлъ высокое міровое значеніе. Это значеніе обнаруживалось много разъ въ эпоху персидскихъ, греческихъ, римскихъ и арабскихъ мировыхъ войнъ. Съ именемъ Египта соединены имена величайшихъ завоевателей: Камбизъ, Александръ, Помпей, Цезарь, Антоній, Августъ, Омаръ, всѣ добивались обладанія Ниломъ. Египетъ былъ житницею Римской имперіи; арабскіе завоеватели поняли значеніе этой страны. Обладаніе Египтомъ—единственная причина, почему крестоносцы не могли удержаться въ Святой Землѣ, почему исламъ удержался до сихъ поръ, какъ міровая сила. Во время англо-французскаго крестоваго похода одинъ плѣнный арабъ предсказалъ французскому королю, что безъ обладанія Египтомъ крестовые походы не принесутъ никакого плода. Трижды пытался христіанскій міръ овладѣть Египтомъ: при Иннокентіи III, при Людовикѣ Святомъ и при кардиналѣ Хименесѣ. Первая экспедиція не привела къ желаемому результату по причинѣ раздоровъ между христіанскими вождями; вторая оказалась неудачною, потому что христіане неосторожно проникли въ глубь страны; третья основывалась на непрочной коалиціи, рухнувшей со смертью Фердинанда испанскаго. Эта міровая задача осталась такимъ образомъ неразрѣшенною. Единственная христіанская держава, которая способна взяться за это дѣло и довести его до конца, это—Франція. Покореніе Египта никогда не было труднымъ дѣломъ, но за него не умѣли взяться. Теперь,—говоритъ Лейбницъ,—эта экспедиція легче, чѣмъ когда либо. Франція стремится къ основанію всемірной монархіи. Путемъ европейскихъ войнъ она никогда не достигнетъ этого. Выгода отъ европейскихъ войнъ такъ ничтожна: какихъ нибудь два-три города по Рейну или въ Бельгіи! Выигранное трудно сохранить, и даже побѣдоносная война наноситъ огромный ущербъ торговлѣ побѣдителей.»

«Иное дѣло Египетъ! Здѣсь—мировой перешеекъ, связь между Западомъ и Востокомъ, единственный рынокъ для индо-европейской торговли, страна необычайно плодородная, чрезвычайно населенная, богатая, составляющая путь въ Остъ-Индію! Египетъ—это Голландія Востока. Покорить Египетъ легче, чѣмъ Голландію, весь Востокъ—легче, чѣмъ Германію. И ни одна страна не приспособлена къ египетской экспедиціи лучше, чѣмъ Франція. Отъ 4 до 6 недѣль,—пишетъ Лейбницъ,—необходимо для того, чтобы ея флотъ достигъ, выйдя изъ Марсели, Египта; въ Кандіи—стоянка; составляются двѣ трети пути, на островѣ Мальтѣ—прекрасное мѣсто отдыха. Въ Египтѣ наилучшій климатъ, наилучшая въ мірѣ вода и смѣна времени года необычайно правильна, что позволяетъ заранѣе разсчитать всѣ стратегическія операціи».

Таковы руководящія идеи «египетскаго проэкта» Лейбница. Людовикъ XIV и его министры приняли сочиненіе Лейбница «благосклонно» и прочли съ видимымъ интересомъ. Но проницательная французская дипломатія тотчасъ усмотрѣла главную тенденцію автора, всѣми силами старавшагося отвлечь вниманіе Франціи отъ европейскихъ столкновеній. Этого было достаточно, чтобы заподозрить искренность плана и оцѣнить по достоинству всѣ трудности его осуществленія. Съ Лейбницемъ обошлись весьма любезно, но король не далъ ему аудіенціи, и вмѣсто Египта объявилъ войну Голландіи. Нѣсколько времени спустя, самъ майнцскій курфюрстъ оффиціально предложилъ Франціи, въ лицѣ министра Помпонна, проэктъ египетской экспедиціи, прямо составленный по плану Лейбница. Помпоннъ далъ характерный отвѣтъ: «Не могу ничего сказать на счетъ плановъ священной войны, но вы знаете, что такіе планы вышли изъ моды со времени Людовика Святого».

Для осуществленія плановъ Лейбница былъ необходимъ не Людовикъ XIV съ его чванливымъ самодержавіемъ, а геніальный искатель приключеній, вродѣ Наполеона I. Въ 1798 году Наполеонъ заставилъ директорію начать египетскій походъ; пять лѣтъ спустя въ одномъ англійскомъ памфлетѣ было заявлено, что Наполеонъ зналъ проэктъ Лейбница, сообщенный Людовику XIV, и вдохновился этимъ проэктомъ. Тьеръ и Мишо освятили это мнѣніе своимъ авторитетомъ, но оно преувеличено: Наполеонъ ознакомился съ подробностями плана Лейбница не въ Парижѣ, а въ Ганноверѣ, уже послѣ своего похода. Проэктъ Лейбница чрезвычайно понравился военному завоевателю, какъ подтвержденіе его собственныхъ идей. До того времени Наполеонъ зналъ о проэктѣ Лейбница развѣ только по имени. Въ извѣстномъ оффиціальномъ описаніи египетской экспедиціи имя Лейбница упомянуто съ величайшей похвалой.

«Знаменитый Лейбницъ,—сказано здѣсь,—рожденный для всѣхъ великихъ проэктовъ, долгое время занимался этимъ предметомъ и

подалъ Людовику XIV обширную рукопись, въ которой изложены выгоды покоренія Египта». Можно сказать и обратно, что походъ Наполеона вывелъ изъ подъ спуда проэкты Лейбница и возбудилъ къ нимъ живой интересъ.

Дипломатическая манія Лейбница не принесла непосредственныхъ результатовъ; но за то въ научномъ отношеніи путешествіе оказалось чрезвычайно удачнымъ. Знакомство съ парижскими математиками въ самое короткое время доставило Лейбницу тѣ свѣдѣнія, безъ которыхъ онъ, при всей своей геніальности, никогда не могъ бы достичь въ области математики ничего истинно великаго. Школа Фермата, Паскаля и Декарта была необходима будущему изобрѣтателю дифференціальнаго исчисленія.

Въ то время Франція занимала первое мѣсто въ Европѣ по развитію языка и литературы. Расинъ стоялъ на верху своей славы; Мольеръ еще игралъ роли въ своихъ безсмертныхъ комедіяхъ и Лейбницу удалось видѣть его однажды на сценѣ. Въ области науки и философіи французы не уступали англичанамъ. Во Франціи господствовали послѣдователи Декарта и друзья Паскаля. Наконецъ въ Парижѣ совершенно акклиматизировался одинъ изъ геніальныхъ математиковъ всѣхъ временъ, Христіанъ Гюйгенсъ, основатель теоріи маятника и ученія о волнообразномъ движеніи. Этотъ геніальный умъ былъ вполнѣ достоинъ стать учителемъ Лейбница, и на первыхъ порахъ Лейбницъ вполнѣ подчинился его руководству. По указанію Гюйгенса, Лейбницъ сталъ изучать математическія письма Паскаля, сочиненія Винцентія «О квадратурѣ круга и коническихъ сѣченіяхъ» и безсмертный трактатъ самого Гюйгенса «О маятникѣ». Въ одномъ изъ своихъ писемъ самъ Лейбницъ говоритъ, что послѣ Галилея и Декарта онъ болѣе всего обязанъ своимъ математическимъ образованіемъ Гюйгенсу. Изъ бесѣдъ съ нимъ, изъ чтенія его сочиненій и указанныхъ имъ трактатовъ Лейбницъ увидѣлъ все ничтожество своихъ прежнихъ математическихъ свѣдѣній. «Я вдругъ просвѣтился,—пишетъ Лейбницъ,—и неожиданно для себя и другихъ, не знавшихъ вовсе, что я новичокъ въ этомъ дѣлѣ, сдѣлалъ много открытій». Между прочимъ Лейбницъ еще въ то время открылъ замѣчательную теорему, по которой число, выражающее отношеніе окружности къ діаметру, можетъ быть выражено очень простымъ безконечнымъ рядомъ.

Ознакомленіе съ сочиненіями Паскаля навело Лейбница на мысль усовершенствовать нѣкоторыя теоретическія положенія и практическія открытія французскаго философа. Ариѳметическій треугольникъ

Паскаля и его ариѳметическая машина одинаково занимали умъ Лейбница. Онъ истратилъ массу труда и не мало денегъ для усовершенствованія ариѳметической машины. Въ то время, какъ машина Паскаля совершала непосредственно лишь два простѣйшія дѣйствія—сложеніе и вычитаніе, модель, придуманная Лейбницемъ, оказалась пригодною для умноженій, дѣленій, возвышеній въ степени и извлеченій корня по крайней мѣрѣ квадратнаго и кубическаго. Знаменитѣйшіе философы и ученые Франціи, Арно, Гюйгенсъ, даже друзья Паскаля восхищались изобрѣтеніемъ Лейбница и должны были сознаться, что оно составляетъ значительный шагъ впередъ по сравненію съ машиной Паскаля. Въ 1673 году Лейбницъ представилъ модель въ Парижскую академію наукъ. «Посредствомъ машины Лейбница любой мальчикъ можетъ производить труднѣйшія вычисленія»,—сказалъ объ этомъ изобрѣтеніи одинъ изъ французскихъ ученыхъ.

Подъ вліяніемъ видѣннаго и слышаннаго, самъ Лейбницъ носился въ Парижѣ съ безчисленными планами. То онъ сочиняетъ инструментъ для «механической квадратуры круга», то придумываетъ способъ опредѣленія долготъ посреди моря, безъ помощи свѣтилъ небесныхъ, при чемъ сознается, что ему «не хватаетъ точнаго знанія объ одномъ единственномъ опытѣ», необходимомъ для провѣрки его идеи. Сверхъ того Лейбницъ мечтаетъ о возстановленіи потеряннаго изобрѣтенія Дреббеля, придумывая судно, которое во время бури могло бы погружаться въ воду и тѣмъ избѣгнуть крушенія; онъ придумываетъ разные оптическіе снаряды, изъ которыхъ одинъ имѣетъ цѣлью «измѣреніе перспективы». Изъ словъ самого Лейбница однако видно, что большая часть этихъ проэктовъ такъ и осталась въ области мечтаній, не исключая и плана устройства двигателя, дѣйствующаго сжатымъ воздухомъ,—вопросъ, занимавшій Лейбница со времени изобрѣтенія воздушнаго насоса или пневматической машины извѣстнымъ Отто ф. Герике, съ которымъ Лейбницъ былъ въ перепискѣ.

Благодаря изобрѣтенію новой ариѳметической машины, Лейбницъ сталъ иностраннымъ членомъ Лондонской академіи. Послѣдняя, извѣстная подъ именемъ Королевскаго общества, приняла Лейбница въ члены черезъ годъ по вступленіи въ это общество Ньютона.

Настоящія занятія математикой начались для Лейбница лишь послѣ посѣщенія Лондона. Лондонское королевское общество могло въ то время гордиться своимъ составомъ.

Такіе ученые, какъ Бойль и Гукъ въ области химіи и физики. Ренъ (Wren), Валлисъ, Ньютонъ въ области математики, могли по-

спорить съ парижской школой, и Лейбницъ, несмотря на нѣкоторую подготовку, полученную имъ въ Парижѣ, часто сознавалъ себя передъ ними въ положеніи ученика.

По возвращеніи въ Парижъ, Лейбницъ раздѣлялъ свое время между занятіями математикой и работами философскаго характера. Математическое направленіе все болѣе одерживало въ немъ верхъ надъ юридическимъ, точныя науки привлекали его теперь болѣе, чѣмъ діалектика римскихъ юристовъ и схоластовъ. Отношенія Лейбница къ Бойнебургу прекратились еще ранѣе, вслѣдствіе смерти Бойнебурга въ концѣ 1672 года.

Оставшись одинъ и почти прекративъ, по смерти Бойнебурга-отца, связи съ дипломатическими сферами, Лейбницъ тѣмъ дѣятельнѣе предался наукѣ и философіи. Изученіе сочиненій Паскаля сблизило его съ дѣятелями Портъ-Рояля, особенно съ Арно, съ которымъ онъ познакомился еще по рекомендаціи Бойнебурга. Арно былъ одинъ изъ самыхъ выдающихся вождей янсенистскаго движенія, возникшаго какъ отпоръ іезуитизму и составлявшаго нѣчто среднее между кальвинизмомъ и католичествомъ. Страстная, порывистая, но узкая и односторонняя натура Арно не легко могла ужиться съ такимъ своеобразнымъ и разностороннимъ мыслителемъ, каковъ былъ Лейбницъ. Однажды Арно пригласилъ къ себѣ Лейбница. Лейбницъ засталъ цѣлое общество янсенистовъ; разговоръ естественно коснулся разныхъ богословскихъ вопросовъ. Лейбницъ сталъ доказывать, что не трудно сочинить молитву, одинаково пригодную для всѣхъ монотеистовъ, будь они христіане, іудеи или магометане. Арно оспаривалъ это. Тогда Лейбницъ сказалъ, что онъ самъ составилъ подобную молитву и тотчасъ прочелъ ее. Едва выслушавъ до конца, Арно воскликнулъ съ необычайной запальчивостью: «Эта молитва никуда не годится, потому что въ ней нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ». Лейбницъ по природѣ былъ вспыльчивъ, но умѣлъ во-время овладѣвать собою и, стараясь казаться спокойнымъ, отвѣтилъ: «Въ такомъ случаѣ ваше сужденіе относится и къ молитвѣ «Отче нашъ», и ко многимъ другимъ, въ которыхъ не упоминается о Христѣ». «Это простое возраженіе совсѣмъ ошеломило добряка Арно», не безъ гордости пишетъ Лейбницъ. Вмѣсто отвѣта, Арно предложилъ гостю выйти вмѣстѣ съ нимъ погулять на чистомъ воздухѣ, чтобы имъ обоимъ немного освѣжиться, послѣ того, какъ они погорячились. Съ этихъ поръ Арно и Лейбницъ всегда оставались въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

IV.

Открытіе дифференціальнаго исчисленія. — Знакомство съ Спинозой.

Въ послѣдній годъ своего пребыванія въ Парижѣ (1676) Лейбницъ выработалъ первыя основанія великаго математическаго метода, извѣстнаго подъ именемъ «дифференціальнаго исчисленія». Совершенно подобный методъ былъ изобрѣтенъ около 1665 года Ньютономъ; но основныя начала, изъ которыхъ исходили оба изобрѣтателя, были различны, и сверхъ того Лейбницъ могъ имѣть лишь самое смутное представленіе о методѣ Ньютона, въ то время не опубликованномъ. Извѣстный трактатъ Ньютона «Методъ флюксій» былъ написанъ еще въ 1672 году, но появился въ печати лишь по его смерти; впервые публика узнала о «флюксіяхъ» Ньютона не изъ этого трактата, а изъ перваго изданія его «Началъ», появившагося лишь въ 1687 году.

Для опредѣленія правъ Лейбница необходимо напомнить, что онъ былъ въ 1673 году въ Лондонѣ, гдѣ имѣлъ случай познакомиться съ различными изслѣдованіями англійскихъ математиковъ, послужившими исходнымъ пунктомъ для его собственныхъ открытій. По возвращеніи во Францію Лейбницъ взялся съ удвоенной энергіей за изученіе математики, сначала подъ руководствомъ знаменитаго Гюйгенса, потомъ вполнѣ самостоятельно, и ознакомился съ работами Паскаля и Фермата—послѣдній ближе всѣхъ предшественниковъ Лейбница подошелъ къ открытію аналитическаго метода, сходнаго съ дифференціальнымъ исчисленіемъ.

Факты съ достаточною убѣдительностью доказываютъ, что Лейбницъ хотя и не зналъ о методѣ флюксій, но былъ наведенъ на свое окончательное открытіе письмами Ньютона. Съ другой стороны несомнѣнно, что открытіе Лейбница, по общности, удобству обозначенія и подробной разработкѣ метода, стало далеко могущественнѣйшимъ и популярнѣйшимъ орудіемъ анализа, нежели ньютоновъ методъ флюксій. Даже соотечественники Ньютона, изъ національнаго самолюбія долгое время предпочитавшіе методъ флюксій, мало по малу усвоили болѣе удобныя обозначенія Лейбница; что касается нѣмцевъ и французовъ, они даже слишкомъ мало обратили вниманія на способъ Ньютона, въ иныхъ случаяхъ сохранившій значеніе до настоящаго времени.

Послѣ первыхъ открытій въ области дифференціальнаго исчисле-

нія, Лейбницъ долженъ былъ прервать свои научныя занятія: онъ получилъ приглашеніе въ Ганноверъ и не счелъ возможнымъ отказаться уже потому, что его собственное матеріальное положеніе въ Парижѣ стало шаткимъ.

На обратномъ пути Лейбницъ посѣтилъ Голландію. Въ ноябрѣ 1676 года онъ пріѣхалъ въ Гаагу, главнымъ образомъ съ цѣлью свиданія съ Спинозой. Еще раньше Лейбницъ пытался завести переписку съ Спинозой, о которомъ въ то время много слышалъ, какъ объ искусномъ практическомъ оптикѣ. Лейбницъ придумывалъ тогда разныя системы оптическихъ стеколъ и въ 1671 г. написалъ Спинозѣ, спрашивая его мнѣнія. Спиноза отвѣтилъ чрезвычайно вѣжливо, но сказалъ, что присланное ему Лейбницемъ описаніе не ясно. Переписка прекратилась. Во время пребыванія въ Парижѣ Лейбницъ много наслышался о Спинозѣ, котораго большинство французовъ считали ученикомъ Декарта, зная по наслышкѣ лишь о его «Политико-теологическомъ трактатѣ». Лейбницъ случайно познакомился съ тѣмъ самымъ врачомъ фонъ-денъ-Энде, который имѣлъ дочь-латинистку, бывшую учительницей Спинозы. Отъ него, а также отъ молодого математика Чирнгаузена, съ которымъ Лейбницъ познакомился по рекомендаціи Ольденбурга, можно было узнать о Спинозѣ много такого, чего не знали непосвященные. Система Спинозы возбудила чрезвычайное любопытство Лейбница. По натурѣ онъ никогда не могъ стать ученикомъ Спинозы, но онъ крайне интересовался его ученіемъ и даже просилъ голландскаго философа прислать ему въ рукописи политико-теологическій трактатъ. Спиноза разумѣется отказалъ «по недовѣрію», какъ пишетъ одинъ изъ біографовъ Лейбница.

О личныхъ сношеніяхъ между Лейбницемъ и Спинозою въ Гаагѣ извѣстно немногое. Лейбницъ много и часто бесѣдовалъ съ голландскимъ философомъ; но его собственное міросозерцаніе успѣло сложиться на столько, что Спиноза не могъ повліять на него болѣе, чѣмъ въ свое время Декартъ.

Основныя черты философскаго ученія Лейбница выразились уже въ открытомъ дифференціальномъ исчисленіи и въ высказанныхъ еще въ Парижѣ воззрѣніяхъ на вопросъ о добрѣ и злѣ, т. е. на основныя понятія морали. Математическій методъ Лейбница находится въ тѣснѣйшей связи съ его позднѣйшимъ ученіемъ о монадахъ—безконечно малыхъ элементахъ, изъ которыхъ онъ пытался построить вселенную. Другая основная идея Лейбница, ученіе о міровой гармоніи, была выражена имъ еще въ бесѣдахъ съ янсенистами. Лейб-

ницъ является въ этомъ случаѣ противоположностью Паскалю, который видѣлъ въ жизни всюду зло и страданіе, требуя лишь христіанской покорности и терпѣнія. Лейбницъ не отрицаетъ существованія зла, но пытается доказать, что при всемъ томъ нашъ міръ есть наилучшій изъ возможныхъ міровъ. Математическая аналогія, примѣненіе теоріи наибольшихъ и наименьшихъ величинъ къ нравственной области дали Лейбницу то, что онъ считалъ путеводною нитью въ нравственной философіи. Онъ пытался доказать, что въ мірѣ есть извѣстный относительный максимумъ блага, и что самое зло является неизбѣжнымъ условіемъ существованія этого максимума блага. Ложна или справедлива эта идея,—вопросъ иной, но связь ея съ математическими работами Лейбница очевидна. Въ исторіи философіи ученіе Лейбница имѣетъ огромное значеніе, какъ первая попытка построить систему, основанную на идеѣ *непрерывности* и тѣсно связанной съ нею идеѣ *безконечно малыхъ величинъ*. Внимательное изученіе философіи Лейбница заставляетъ признать въ ней прародительницу новѣйшихъ эволюціонныхъ гипотезъ, и даже этическая сторона ученія Лейбница находится въ тѣсномъ родствѣ съ новѣйшими теоріями Дарвина и Спенсера.

V.

Переселеніе въ Ганноверъ.—Лейбницъ пропагандируетъ открытіе фосфора.—Пасквиль Бехера.—Горное дѣло.—Курфюрсты и фюрсты.—«Христіаннѣйшій Марсъ».—«Acta Fruditorum».—Споръ о живой силѣ и количествѣ движенія

Было время, когда Лейбницъ задумывался надъ вопросомъ, не поселиться ли ему окончательно въ Парижѣ. Министры Людовика XIV намекали Лейбницу, что единственнымъ препятствіемъ для поступленія его во французскую государственную службу является его религія: стоитъ принять католицизмъ и все будетъ сдѣлано. Лейбницъ былъ далекъ отъ вражды съ католицизмомъ—онъ даже много думалъ объ уніи между католиками и лютеранами—но перемѣнить вѣру ради личныхъ выгодъ считалъ позорнымъ. Тѣмъ чувствительнѣе была обида, испытанная имъ при полученіи письма отъ одного изъ братьевъ. Родственники Лейбница давно тревожились его отсутствіемъ: онъ почти не писалъ имъ со времени своего переселенія въ Майнцъ; посланное изъ Парижа письмо его пропало, и въ Лейпцигѣ стали рас-

пространяться на счетъ Лейбница самые нелѣпые слухи. Въ своемъ письмѣ братъ Лейбница осыпалъ философа упреками, обвиняя его въ желаніи измѣнить вѣру и служить врагамъ отечества. Лейбницъ отвѣтилъ съ достоинствомъ. Онъ писалъ, что не можетъ упрекнуть себя ни въ чемъ, что даже въ помыслахъ былъ честенъ, и все, что дѣлалъ во Франціи, сдѣлалъ для блага своего отечества. Письмо брата однако окончательно отклонило его отъ намѣренія остаться въ Парижѣ. Еще раньше Лейбницъ получалъ нѣсколько разъ предложенія то въ Ганноверъ, то въ Данію. Теперь онъ рѣшился принять предложенное ему ганноверскимъ герцогомъ Іоганномъ-Фридрихомъ мѣсто библіотекаря. Въ Парижѣ, исключая науки, ничто его не удерживало, и положеніе его становилось щекотливымъ; съ горечью онъ отвѣтилъ брату, что не желаетъ имѣть видъ нищаго среди своихъ французскихъ знатныхъ пріятелей и знакомыхъ.

Придворная жизнь не слишкомъ прельщала Лейбница: онъ не отличался изяществомъ манеръ и не могъ блистать въ обществѣ. Въ отвѣтъ на предложеніе графа Гюльденова, звавшаго его въ Данію, Лейбницъ писалъ:

«Я чувствую за собою недостатки, имѣющіе большой вѣсъ въ большомъ свѣтѣ; я часто не знаю свѣтскихъ обычаевъ и этимъ порчу первое впечатлѣніе, производимое моей особой. Если придаютъ большое значеніе всѣмъ этимъ вещамъ и если надо славно пить, чтобы считаться славнымъ человѣкомъ, то вы сами знаете, что въ такихъ случаяхъ я не на своемъ мѣстѣ».

Ганноверское предложеніе было принято Лейбницемъ подъ давленіемъ обстоятельствъ. Герцогъ Іоганнъ-Фридрихъ познакомился съ Лейбницемъ еще до его путешествія въ Парижъ. Лично они встрѣтились въ первый разъ въ Майнцѣ; предварительно Лейбницъ написалъ герцогу обширное письмо, въ которомъ самъ себя рекомендовалъ съ самой лучшей стороны. Письмо это любопытно, какъ доказательство того, что еще въ то время (1671) Лейбницъ составилъ очеркъ своего будущаго философскаго ученія. Герцогъ былъ чрезвычайно доволенъ чтеніемъ письма, что и выказалъ въ своемъ отвѣтѣ Лейбницу. Подъ впечатлѣніемъ личнаго свиданія Лейбницъ обратился къ герцогу съ вторымъ письмомъ, въ которомъ писалъ о своихъ настоящихъ и будущихъ изобрѣтеніяхъ, объ ариѳметической машинѣ и еще не изобрѣтенномъ новомъ воздушномъ насосѣ. Въ этомъ же письмѣ Лейбницъ заявляетъ:

«Я докажу, что причиною всякаго движенія является духъ, что конечною причиною всѣхъ вещей является *всемірная гармонія*, т. е. *божество*, что эта гармонія не есть причина грѣховъ, но грѣхи все таки неизбѣжны и принадлежатъ къ гармоніи, подобно тому какъ тѣни оттѣняютъ картину, а диссонансы придаютъ пріятность тону».

Ученіе о монадахъ также выражено въ этомъ письмѣ слѣдующимъ образомъ:

«Духъ есть родъ центра или точки, онъ недѣлимъ, неразрушимъ, безсмертенъ; онъ есть малый заключенный въ одной точкѣ міръ, состоящій изъ идей, подобно тому, какъ центръ состоитъ изъ угловъ».

Лейбницъ хочетъ сказать, что центръ шара есть точка, въ которой сходятся безчисленные радіусы, образующіе между собою плоскіе и тѣлесные углы. «Центръ недѣлимъ, и тѣмъ не менѣе уголъ есть часть центра», поясняетъ Лейбницъ и добавляетъ: «вотъ геометрическое объясненіе природы духа». Объясненіе едва ли точное, ибо геометрическая точка не имѣетъ частей и уголъ не есть часть точки; слѣдовало просто сказать, что въ центрѣ шара сходятся безчисленные радіусы, но видѣть въ этомъ объясненіе природы духа слишкомъ смѣло. Это не болѣе какъ красивая аналогія. «Точка» Лейбница это его «микрокосмосъ», безконечно малый міръ, въ которомъ сходятся всѣ радіусы безконечно великаго шара «макрокосмоса», являющагося символомъ вселенной. Математикъ соединяется въ лицѣ Лейбница съ юристомъ Письмо его оканчивается совершенно неожиданнымъ «королларіумомъ» (слѣдствіемъ); изъ міровой гармоніи и теоріи монадъ внезапно вытекаетъ теорія европейскаго мира, основанная на извѣстномъ «египетскомъ проэктѣ», который, по плану Лейбница, долженъ былъ отвлечь вниманіе Людовика XIV на Востокъ. Этотъ послѣдній проэктъ мало заинтересовалъ ганноверскаго герцога, которой держалъ сторону Франціи противъ Голландіи. Эрудиція Лейбница показалась герцогу однако вполнѣ достаточною для того, чтобы сдѣлать философа своимъ библіотекаремъ, исторіографомъ и даже придворнымъ. «Въ минуты отдыха и удовольствія мы весьма охотно будемъ бесѣдовать съ вами», писалъ герцогъ Лейбницу, предлагая ему постоянную должность за 400 талеровъ годового жалованья.

Подобно первому покровителю Лейбница, Бойнебургу, герцогъ Іоганнъ-Фридрихъ былъ обратившійся въ католицизмъ лютеранинъ; да и по характеру онъ напоминалъ Бойнебурга, отличаясь умѣренностью и религіозной терпимостью. Вскорѣ по прибытіи въ Ганноверъ Лейбницъ писалъ: «Я живу у монарха настолько добродѣтельнаго, что повиновеніе ему лучше всякой свободы». По смерти герцога Лейбницъ отзывался о немъ въ самыхъ лучшихъ выраженіяхъ. Не смотря на внушенія нѣкоторыхъ фанатическихъ священниковъ, герцогъ обращался съ жившими въ его владѣніяхъ протестантами настолько справедливо, что на это обратили вниманіе въ Римѣ; однако папа высказался въ пользу герцога.

Лейбницъ привезъ съ собою въ Ганноверъ, самъ того не зная, превосходную рекомендацію. Его парижскій пріятель, янсенистъ Арно, далъ Лейбницу закрытое письмо къ герцогу, въ которомъ писалъ: «Чтобы стать однимъ изъ величайшихъ людей нашего вѣка, Лейбницу не достаетъ лишь нашей (т. е. католической) истинной религіи». Узнавъ отъ герцога о содержаніи этого письма, Лейбницъ впослѣдствіи сознался его преемнику, что знай онъ, въ чемъ дѣло, онъ никогда бы не повезъ съ собою подобной рекомендаціи.

Въ числѣ приближенныхъ герцога, съ которыми Лейбницу пришлось часто встрѣчаться и нерѣдко спорить о философскихъ предметахъ, прежде всего необходимо назвать Николая Стено, личность замѣчательную въ своемъ родѣ. Стено былъ раньше врачомъ, анатомомъ и геологомъ, отличался умомъ и познаніями, но, поѣхавъ въ Италію изъ за самаго пустяшнаго предмета, не имѣющаго повидимому никакого отношенія къ теологіи, бросилъ все—науку и философію и внезапно почувствовалъ призваніе къ богословію. Лейбницъ разсказываетъ объ этомъ случаѣ въ своей «Теодицеѣ»:

«Добрякъ Стенонисъ, датчанинъ, апостолическій викарій Ганновера... разсказывалъ намъ, что съ нимъ случилось. Онъ былъ великій анатомъ и весьма знающій естествоиспытатель, но къ сожалѣнію оставить науку и сталъ изъ великаго ученаго посредственнымъ богословомъ. Даже о чудесахъ природы онъ едва хотѣлъ слышать, и понадобилось особое папское повелѣніе для того, чтобы заставить его сообщить результаты его наблюденій, о которыхъ просилъ г. Тевено. Этотъ Стенонисъ разсказывалъ намъ, что его рѣшимости обратиться (изъ лютеранства) въ католичество болѣе всего способствовало восклицаніе одной флорентинской дамы, которая закричала ему изъ окна: «синьоръ, идите не въ ту сторону, куда вы хотѣли идти, но въ другую». Этотъ голосъ потрясъ его, потому что онъ какъ разъ въ ту минуту размышлялъ о религіи. А дѣло было въ томъ, что онъ искалъ кого то въ домѣ, гдѣ находилась эта дама, но шелъ не туда, куда слѣдуетъ, и она хотѣла указать ему дорогу въ комнату его пріятеля».

Достаточно привесть эти слова Лейбница, чтобы видѣть его трезвое отношеніе ко всякаго рода обращеніямъ, въ то время составлявшимъ явленіе весьма обыкновенное. Правда, въ своей «Теодицеѣ» онъ выставилъ этотъ примѣръ въ доказательство того, что Провидѣніе часто вліяетъ на людей посредствомъ весьма незначительныхъ обстоятельствъ, не зависящихъ отъ воли человѣка; но было бы напрасно искать въ воззрѣніяхъ Лейбница тѣни какого либо ожесточеннаго настроенія, овладѣвавшаго многими изъ его современниковъ.

Болѣе интереса представляли для Лейбница бесѣды съ Моланусомъ, котораго Лейбницъ называлъ «несравненнымъ богословомъ», а также съ Эккартомъ, ревностнымъ послѣдователемъ Декарта. Эккартъ до того былъ убѣжденъ въ превосходствѣ французской фило-

софіи и науки, что долго не хотѣлъ повѣрить, чтобы Лейбницъ, будучи нѣмцемъ, могъ изобрѣсть въ философіи или въ математикѣ что либо такое, чего не зналъ Декартъ. Однажды въ день Пасхи Лейбницъ былъ у Молануса и здѣсь затѣялъ споръ съ нимъ и съ Эккартомъ о декартовскомъ доказательствѣ бытія Божія. Противники разошлись, ни мало не убѣдивъ другъ друга.

Кромѣ богослововъ, Лейбницъ имѣлъ не мало сношеній и столкновеній съ химиками и даже съ алхимиками.

Подобно большей части тогдашнихъ монарховъ, ганноверскій герцогъ интересовался алхиміей и, по его порученію, Лейбницъ предпринималъ разные опыты. Между прочимъ эти опыты сблизили Лейбница съ гамбургскимъ алхимикомъ Брандтомъ. Брандтъ вычиталъ въ какой-то алхимической книгѣ, что изъ мочи можно, будто бы, добыть жидкое вещество, посредствомъ котораго серебро можетъ быть превращено въ золото. Предпринявъ рядъ опытовъ для провѣрки этого утвержденія, Брандтъ наконецъ напалъ на слѣдующую мысль: онъ варилъ значительное количество мочи, затѣмъ подвергалъ сухой остатокъ продолжительному накаливанію и съ различными предосторожностями, которыя мы здѣсь опускаемъ, собиралъ получаемые пары въ особый пріемникъ. Результатъ получился неожиданный: вмѣсто философскаго камня, Брандтъ нашелъ вещество, свѣтящееся въ темнотѣ, необычайно горючее и ядовитое, названное имъ фосфоромъ. Свое открытіе Брандтъ сообщилъ саксонскому коммерціи совѣтнику Краффту, а этотъ послѣдній передалъ секретъ камердинеру саксонскаго курфюрста Кункелю. Камердинеръ, подобно коммерціи совѣтнику, былъ страстный алхимикъ; оба они поѣхали въ Гамбургъ къ Брандту. Брандтъ позволилъ имъ присутствовать на своихъ опытахъ, но ни Краффтъ, ни Кункель не усвоили всѣхъ подробностей процесса. Камердинеръ, возвратясь домой, взялся за опыты; сначала ему не повезло, и онъ даже сталъ жаловаться на Брандта, увѣряя, что тотъ обманулъ его, но въ концѣ концовъ Кункель догадался, въ чемъ дѣло, и сталъ безцеремонно выдавать себя за настоящаго изобрѣтателя. Краффтъ не сталъ самъ дѣлать опытовъ, а разъѣзжалъ по всѣмъ дворамъ, стараясь какъ можно выгоднѣе продать изобрѣтеніе. Между прочимъ онъ пріѣхалъ и въ Ганноверъ. Къ чести Краффта надо однако сказать, что онъ сообщилъ Лейбницу имя настоящаго изобрѣтателя. Лейбницъ немедленно убѣдилъ герцога пригласить Брандта къ своему двору. Явившись въ Ганноверъ, Брандтъ объяснилъ, въ чемъ дѣло. Желая повторить опытъ въ обширныхъ размѣрахъ, онъ попросилъ содѣйствія гер-

цога и, по совѣту Лейбница, собралъ огромное количество мочи, воспользовавшись для этого лагерными сборами, и цѣлыя бочки этой жидкости были употреблены для опытовъ, что позволило Лейбницу, при повторенныхъ имъ опытахъ, добыть весьма значительное количество фосфора. Брандта вознаградили пожизненной пенсіей. Лейбницъ послалъ между прочимъ кусокъ добытаго имъ по рецепту Брандта фосфора въ Парижъ Гюйгенсу и сверхъ того отправилъ Чирнгаузену, для передачи въ Парижскую академію, статью съ описаніемъ способа. Курьезно однако, что статья озаглавлена: «Отчетъ о фосфорѣ, открытомъ г. Краффтомъ», хотя Краффтъ даже самъ себя не выдавалъ за изобрѣтателя.

Другой алхимикъ, съ которымъ Лейбницъ имѣлъ дѣло, былъ знаменитый Бехеръ, основатель теоріи «флогистона», державшейся въ наукѣ до временъ Лавуазье. Бехеръ былъ человѣкъ ученый и весьма талантливый, много занимавшійся не только химіей, но и механикой, но отличался сварливымъ, завистливымъ характеромъ и склонностью къ сатирѣ. Онъ долгое время спекулировалъ алхиміей при ганноверскомъ дворѣ и разсчитывалъ здѣсь пристроиться окончательно. Съ появленіемъ Лейбница Бехеръ почувствовалъ, что путь ему отрѣзанъ: Лейбницъ еще со времени своего знакомства съ розенкрейцерами зналъ настоящую цѣну философскаго камня. Бехеръ ждалъ случая насолить Лейбницу. Лейбницъ, постоянно носившійся съ десятками проэктовъ, о которыхъ онъ разсказывалъ всѣмъ и каждому, сообщилъ Бехеру свои мысли объ усовершенствованіи колясокъ. Этого было достаточно для Бехера, который написалъ на тему о коляскахъ пасквиль противъ Лейбница, озаглавленный: «Глупая мудрость и мудрая глупость». Въ этой брошюрѣ Бехеръ поднялъ на смѣхъ Лейбница, старался скомпрометировать его въ германскомъ ученомъ мірѣ и изобразилъ философа какимъ-то авантюристомъ. Между прочимъ, какъ верхъ «глупой мудрости», былъ приведенъ проэктъ Лейбница «устроить коляску, могущую совершить путешествіе изъ Ганновера въ Амстердамъ въ 6 часовъ» Лейбницъ былъ чрезвычайно раздраженъ этимъ пасквилемъ и въ свою очередь старался отомстить Бехеру. Въ пылу полемики, Лейбницъ не всегда разбиралъ средства. Такъ и на этотъ разъ онъ написалъ герцогу письмо, въ которомъ предостерегалъ его отъ Бехера, утверждая, что это человѣкъ способный клеветать на своихъ покровителей — явный намекъ на самого герцога, такъ какъ Бехеръ исналъ его покровительства. Лейбницъ отвергалъ приписываемый ему Бехеромъ проэктъ; но, что касается настоящихъ его

плановъ касательно колясокъ, Лейбницъ ограничился замѣчаніемъ: «Не знаю, можно-ли меня обвинить въ глупости, но во всякомъ случаѣ по упомянутому вопросу я нахожусь въ хорошей компаніи; мои мнѣнія раздѣляютъ такіе мужи, какъ французскій король, затѣмъ Гюйгенсъ и другіе ученые».

Проэктъ съ колясками однако остался на бумагѣ.

Болѣе серьезное значеніе имѣли проэкты, представленные Лейбницемъ герцогу Іоганну-Фридриху съ цѣлью увеличить производительность герцогскихъ рудниковъ, много страдавшихъ отъ затоплявшей ихъ воды. «Вы удивляетесь,—писалъ онъ одному пріятелю,—что за дѣло мнѣ, государственному мужу, до рудниковъ? Но я давно пришелъ къ мысли, что важнѣйшею составною частью государственной науки является государственное хозяйство и что невѣжество, господствующее въ этомъ отношеніи въ Германіи, ведетъ къ гибели». Лейбницъ энергично взялся за дѣло и предпринялъ рядъ серьезныхъ геологическихъ изслѣдованій Гарца. Усилія его не остались безплодными для науки — въ Германіи Лейбницъ былъ первымъ выдающимся геологомъ; но съ практической стороны результаты были незначительны, главнымъ образомъ по той причинѣ, что Лейбницу не удалось справиться съ рутиной рудокоповъ и ихъ надсмотрщиковъ, которые предпочитали работать, какъ работали ихъ дѣды. Лейбницъ устроилъ вѣтряный двигатель, при помощи котораго приводилъ въ дѣйствіе насосы, выкачивавшіе воду, но рудокопы нарочно портили его машины.

Въ 1679 году Іоганнъ-Фридрихъ умеръ, къ великому огорченію Лейбница, который былъ искренно преданъ герцогу.

Преемникъ Іоганна-Фридриха, Эрнстъ-Августъ, всегда былъ противникомъ французской гегемоніи, и Лейбницу теперь не стоило труда сговориться съ герцогомъ относительно началъ ганноверской политики. Въ 1683 году, по подстрекательству французскихъ дипломатовъ, Турція объявила войну Австріи. Для Лейбница это было тѣмъ чувствительнѣе, что всѣ его надежды на столкновеніе Франціи съ Турціей изъ за Египта навсегда рухнули. Лейбницъ почувствовалъ себя оскорбленнымъ не только какъ нѣмецкій патріотъ, но и какъ авторъ египетскаго проэкта. Лѣтомъ 1683 года турки осадили Вѣну. Въ это самое время Лейбницъ написалъ на двухъ языкахъ, сначала по-латыни, затѣмъ по-французски, замѣчательный памфлетъ: «Mars christianissimus» («Христіаннѣйшій Марсъ»)—сильнѣйшую политическую сатиру изъ всѣхъ, когда либо направленныхъ противъ Людовика XIV. Сатира эта была сочинена

Лейбницемъ съ вѣдома и даже, можно сказать, по желанію герцога Эриста-Августа.

За завоеваніемъ Лотарингіи послѣдовало взятіе Страсбурга, зародышъ будущей войны 1870 года и новѣйшей идеи реванша. Турки стояли подъ стѣнами Вѣны, германскому міру грозила опасность съ двухъ сторонъ — съ запада угрожала французская культура, съ юго-востока — мусульманское варварство. До 1672 года Лейбницъ твердо надѣялся на наступленіе благопріятнаго поворота во французской политикѣ, но съ тѣхъ поръ дѣла шли все хуже и хуже. Когда министромъ сталъ знаменитый Лувуа, послѣдняя тѣнь приличій была отброшена. На германскія государства стали смотрѣть во Франціи съ нескрываемымъ высокомѣріемъ, можно сказать, съ презрѣніемъ.

«Раньше во Франціи были довольны вестфальскимъ миромъ, теперь король отказался отъ всякихъ обязательствъ. Ново-французская политика ничего такъ не боится, какъ формулы: teneatur rex christianissimus (христіанѣйшій король обязуется). Король ни къ чему не долженъ обязываться, эта формула также непріятна дипломатамъ, какъ освященная вода чорту. Вѣдь объявили же французскіе послы во Франкфуртѣ, что мюнстерскій миръ не имѣетъ болѣе значенія, а нимвегенскій миръ есть великое благодѣяніе, оказанное французскимъ королемъ покореннымъ имъ странамъ. Король можетъ объяснить значеніе оказанныхъ имъ благодѣяній, какъ ему угодно. Король Франціи дѣйствуетъ не по политическимъ основаніямъ, но по своей доброй волѣ. Что касается правъ церкви и государства—это все излишнія хитрости, которыя конечно имѣютъ значеніе для обыкновеннаго смертнаго, но не для такого мужа, каковъ Людовикъ XIV. Такіе избранные должны во всѣхъ мірскихъ дѣлахъ пользоваться властью, исходящею съ небесъ. Я желаю,—пишетъ Лейбницъ, —освободить короля отъ всякихъ ненужныхъ ограниченій, и для того постараюсь основать новое ученіе о правѣ. Правда, всѣ настоящіе юристы будутъ противъ меня, но крючкотворцы и особенно іезуиты—на моей сторонѣ, послѣдніе теперь могутъ надѣяться получить болѣе отъ французскаго королевства, чѣмъ отъ испанскаго.

«Основаніе этого «новаго права» слѣдующія: Богъ—властитель вселенной; король Франціи—истинный и единственный намѣстникъ Бога на землѣ. Онъ обладаетъ той божественной властью, которая позволила Моисею повелѣть іудеямъ похитить у египтянъ золотые и серебряные сосуды и ограбить жителей Ханаана, а папѣ Александру VI раздѣлить весь Новый Свѣтъ между Испаніей и Португаліей. Какъ намѣстникъ Бога, Людовикъ XIV необходимо правосуденъ, а правосудный—самъ себѣ законъ, какъ говоритъ апостолъ Павелъ. Въ то же время онъ могущественнѣйшій изъ монарховъ, а что полезно сильнѣйшему, то справедливо, какъ заставляетъ Платонъ сказать Ѳразимаха. Вѣдь не даромъ бутылочка съ мѵромъ, которымъ помазанъ король Франціи, упала съ неба! Не даромъ король Франціи, какъ всему свѣту извѣстно, обладаетъ чудеснымъ даромъ излечивать своимъ прикосновеніемъ больныхъ, особенно золотушныхъ.

«Священное Писаніе наполнено пророчествами о новофранкской державѣ. Въ Писаніи сказано: «посмотрите на лиліи, онѣ не прядутъ». Неужели не

ясно, что рѣчь идетъ о французскихъ лиліяхъ? Лиліи украшаютъ городъ французскаго короля, пряжка—работа женщинъ. Этимъ пророчествомъ сказано, что Франція никогда не попадетъ подъ иго женщинъ. Но не надо и древнихъ пророчествъ, когда есть достаточно современныхъ чудесъ. Развѣ не чудо, что король ведетъ постоянно войны и все-таки всегда имѣетъ множество денегъ! Одни думаютъ, что онъ обладаетъ философскимъ камнемъ, другіе утверждаютъ, что у него на службѣ состоитъ домовой. Глупцы! Возможно ли приписывать дьявольской силѣ то, что совершается по волѣ Провидѣнія! И какъ легко все дѣлается: король не трудится, онъ только забавляется, а дѣла идутъ сами собою. Въ этомъ и узнается истинный любимецъ небесъ, потому что по пословицѣ—«Богъ даетъ своимъ и во снѣ». Недостаетъ только пророка, который объявилъ бы безумцамъ, сопротивляющимся королю, что ихъ покараетъ божій судъ. По отношенію къ христіанскому міру, Людовикъ XIV играетъ ту же роль, какую нѣкогда игралъ Навуходоносоръ въ мірѣ іудейскомъ. Нѣтъ только нѣмецкаго Іереміи, который могъ бы предсказать нѣмцамъ гибель Впрочемъ маленькій Іеремія нашелся въ лицѣ одного нѣмецкаго сельскаго священника, который по Апокалипсису доказалъ, что всѣ враги Людовика XIV попадутъ въ адъ Не ясенъ ли перстъ божій! Всѣхъ противниковъ короля постигла кара: Италія страдаетъ засухой, Голландія гибнетъ отъ наводненій, Австрія—отъ мятежей, а германская (римская) имперія—отъ турокъ!

«Итакъ, пусть народы и государи преклонятся передъ волей Провидѣнія Пусть признаютъ короля Франціи своимъ верховнымъ властелиномъ и судьею. вождемъ всего христіанскаго міра Вѣдь король ведетъ всѣ войны во славу божію и для блага церкви! Онъ завоевалъ часть Голландіи, чтобы угодить епископамъ кельнскому и мюнстерскому. Правда, его драгуны обошлись весьма грубо съ жителями епископствъ кельнскаго и люттихскаго, но это произошло противъ воли короля и притомъ къ общему благу. Король всегда борется за права католиковъ Правда, онъ поддержалъ въ Венгріи мятежниковъ, хотя они были протестанты, и подстрекалъ турокъ противъ Австріи, хотя турки невѣрные. Но цѣль ясна Австрію надо уничтожить, чтобы Франція стала единственной покровительницею католической церкви, такъ какъ только при этихъ условіяхъ возможно искорененіе всякой ереси. Часть германскаго духовенства уже на сторонѣ короля Его сторону держатъ также итальянскія дамы, ожидая своего освобожденія. Король освободитъ германское католическое духовенство отъ ига протестантовъ, а итальянскихъ женъ—отъ ига ихъ мужей. Но развѣ можетъ кто либо противостоять тому, на чьей сторонѣ женщины и духовенство!

«Въ Германіи есть множество приверженцевъ короля. Глупая и завистливая толпа называетъ ихъ измѣнниками, но они умны, проницательны и знаютъ, чего требуетъ благо имперіи Германская исторія такъ чудовищна, такъ пестра, ей необходимъ владыка. Германская свобода есть анархія. царство лягушекъ, ожидающихъ журавля съ неба Этотъ журавль—король Франціи, его слѣдуетъ благодарить за то. что онъ соблаговолилъ пожрать жалкое лягушечье царство Среди такъ называемыхъ галло-грековъ есть, правда, люди, ненавидящіе короля страшно, но за то весьма любящіе его деньги. Они Іуды Искаріоты, воображающіе, что съумѣютъ обобрать короля, а потомъ падъ нимъ же посмѣются Но хорошо смѣется тотъ, кто смѣется послѣдній. Есть и такіе галло-греки, которые не могутъ освободиться отъ остатка любви къ отечеству. Это просто дураки. Вѣдь нисколько не пре-

досудительно измѣнить отечеству во славу божію. Въ концѣ концовъ, что такое отечество? Пустой звукъ, пугало для идіотовъ. Правда, подъ французскимъ владычествомъ Германія будетъ самою жалкою страною въ мірѣ. Теперь французы презираютъ нѣмцевъ за глупость, тогда будутъ презирать за трусость и подлость. Но что дѣлать! Иго есть испытаніе, а явное испытаніе ведетъ къ очищенію и спасенію. Мы будемъ злополучны въ этомъ мірѣ, тѣмъ блаженнѣе мы будемъ на небесахъ!

«Чего еще недостаетъ для довершенія нашей жалкой участи? Лотарингія взята, Страсбургъ захваченъ мошенническимъ, чисто турецкимъ способомъ, взятъ посреди мира, безъ всякаго предлога, вопреки торжественныхъ обѣщаній? Всѣ юридическіе доводы въ пользу этого завоеванія безстыдны, потому что адвокатамъ приходится обращаться ко временамъ Дагобера и Карла Великаго. Послѣ этого ново-галлы вправѣ требовать отъ Рима денегъ, когда то обѣщанныхъ Бренну! Но къ чему право? Вѣдь король Франціи выше всякаго права. Онъ генералъ-викарій Господа Бога и не обязанъ никому отчетомъ. Правда, не каждый способенъ понять великую миссію короля. Простаки не понимаютъ, изъ за чего пролиты потоки крови, изъ за чего голодаютъ народы. Дѣло просто. на парижскихъ воротахъ должна красоваться золотыми буквами надпись: «Людовикъ Великій». Всякіе обыкновенные доводы лишаются силы въ виду божественной миссіи короля. Онъ призванъ къ возрожденію христіанскаго міра. Можно было бы подумать, что первою его задачею будетъ сокрушеніе могущества турокъ, наслѣдственныхъ враговъ христіанскаго міра. Наоборотъ: онъ стоитъ за турокъ и сражается съ голландцами и нѣмцами. Причина понятна, Германія и Голландія близко, Турція далеко. Чтобы покорить турокъ, надо сначала покорить христіанскія государства по пути».

Таково содержаніе этого замѣчательнаго памфлета, чрезвычайно важнаго для полной безпристрастной оцѣнки литературной дѣятельности Лейбница. Съ легкой руки Вольтера, осмѣявшаго оптимизмъ германскаго философа, но въ то же время отнесшагося къ дѣятельности Людовика XIV съ гораздо болѣе оптимистической точки зрѣнія, нежели Лейбницъ, составилось понятіе о Лейбницѣ, какъ безусловномъ защитникѣ всего существующаго, способномъ восхищаться всякимъ зломъ и видѣть въ немъ необходимую посылку, безъ которой не можетъ существовать никакое благо. Такому воззрѣнію на Лейбница не мало способствовали и его позднѣйшіе послѣдователи и комментаторы такъ называемой эклектической школы. Стоитъ познакомиться съ «Христіаннѣйшимъ Марсомъ», этой язвительной сатирой на политическій оптимизмъ «галло-грековъ», чтобы убѣдиться въ односторонности подобныхъ сужденій о Лейбницѣ. Если зло играетъ роль въ его системѣ, какъ *неизбѣжная* принадлежность наилучшаго изъ возможныхъ міровъ, какимъ онъ считаетъ существующій міръ, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы ученіе Лейбница было проповѣдью пассивнаго подчиненія злу или даже пропагандою «непротивленія злу насиліемъ». Можно усматри-

вать въ системѣ Лейбница непослѣдовательность, можно отвергать ея основныя начала, наконецъ есть полное основаніе утверждать, что оптимизмъ Лейбница впадаетъ въ сильное преувеличеніе. Но тѣмъ не менѣе этотъ оптимизмъ, не отвергающій сознательнаго творчества, а исходящій изъ него, есть стремленіе къ совершенствованію, а не пошлое признаніе дѣйствительности.

Политическая дѣятельность Лейбница въ значительной мѣрѣ отвлекала его отъ занятій математикой. Тѣмъ не менѣе онъ посвятилъ все свое свободное время обработкѣ изобрѣтеннаго имъ дифференціальнаго исчисленія и въ промежутокъ времени между 1677 и 1684 годами успѣлъ создать цѣлую новую отрасль математики. Значительное удобство для его научныхъ трудовъ явилось съ основаніемъ въ Лейпцигѣ перваго германскаго научнаго журнала «Acta Eruditorum» («Труды Ученыхъ»), выходившаго подъ редакціей университетскаго товарища и друга Лейбница, Отто Менгера. Лейбницъ сталъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ и, можно сказать, даже душою этого изданія. Онъ помѣстилъ тамъ множество статей по всѣмъ отраслямъ знаній, главнымъ образомъ по юриспруденціи, философіи и математикѣ; кромѣ того онъ печаталъ здѣсь извлеченія изъ разныхъ рѣдкихъ книгъ, рефераты и рецензіи о новыхъ научныхъ сочиненіяхъ и всячески содѣйствовалъ привлеченію новыхъ сотрудниковъ и подписчиковъ. Въ первой книгѣ онъ напечаталъ свою теорему о выраженіи отношенія окружности къ діаметру посредствомъ безконечнаго ряда; въ другомъ трактатѣ онъ впервые ввелъ въ математику такъ называемые «показательныя уравненія»; затѣмъ опубликовалъ упрощенный способъ вычисленія сложныхъ процентовъ и ожизненныхъ рентъ и т. д.; наконецъ въ 1684 г. Лейбницъ напечаталъ въ томъ же журналѣ систематическое изложеніе началъ дифференціальнаго исчисленія. Всѣ эти трактаты, особенно послѣдній, опубликованный почти тремя годами раньше появленія въ свѣтъ перваго изданія «Началъ» Ньютона, дали наукѣ такой огромный толчокъ, что въ настоящее время трудно даже оцѣнить все значеніе реформы, произведенной Лейбницемъ въ области математики. То, что смутно представлялось умамъ лучшихъ французскихъ и англійскихъ математиковъ, исключая Ньютона, обладавшаго своимъ методомъ флюксій еще съ 1666 или даже съ 1665 года, стало вдругъ яснымъ, отчетливымъ и общедоступнымъ, чего нельзя сказать о геніальномъ методѣ Ньютона. Въ самое короткое время всѣ тогдашніе лучшіе математики, исключая англійскихъ, которые предпочитали способы, данные Ньюто-

номъ, усвоили новый методъ и съ помощью его стали рѣшать задачи, считавшіяся прежде необычайно трудными и даже неразрѣшимыми. Кромѣ вопросовъ чистаго анализа, новый методъ оказалъ огромныя услуги въ вопросахъ геометріи и механики.

Въ области механики Лейбницъ, при помощи своего дифференціальнаго исчисленія, легко установилъ понятіе о такъ называемой «живой силѣ», и эти его изслѣдованія послужили началомъ къ многолѣтней полемикѣ, которую велъ онъ самъ, съ помощью нѣкоторыхъ первоклассныхъ математиковъ, противъ школы Декарта.

Споръ принялъ чрезвычайно оживленный характеръ, и ученые раздѣлились на два лагеря: одни стояли за Декарта, другіе—за Лейбница. Лишь въ концѣ XVIII вѣка Даламберъ рѣшилъ, что обѣ стороны правы и неправы и что споръ идетъ «о словахъ». Тѣмъ не менѣе воззрѣнія Лейбница привели къ установленію теоремы, которая стала основаніемъ всей динамики. Теорема эта гласитъ, что приращеніе живой силы системы равно работѣ, произведенной этой движущейся системой. Зная напримѣръ массу и скорость падающаго тѣла, мы можемъ вычислить работу, произведенную имъ во время паденія.

VI.

Исторія династіи Вельфовъ. — Научное путешествіе Лейбница. — Полемика съ Пелиссономъ и Боссюэтомъ.—Опасное приключеніе.—Пребываніе въ Римѣ.—Новая система счисленія.—Теорія естественнаго права.

Вскорѣ по вступленіи на ганновергскій престолъ герцога Эрнста-Августа Лейбницъ былъ назначенъ оффиціальнымъ исторіографомъ ганноверскаго дома. Самъ Лейбницъ навязалъ себѣ эту работу, въ чемъ впослѣдствіи имѣлъ случай раскаяться.

Лейбницъ взялся за трудъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Онъ началъ съ объѣзда тѣхъ нѣмецкихъ земель, гдѣ нѣкогда господствовали Вельфы. Прежде всего Лейбницъ отправился въ южную Германію, посѣтилъ Мюнхенъ, Франкфуртъ на Майнѣ, Нюрнбергъ. Во Франкфуртѣ онъ познакомился съ однимъ изъ знаменитѣйшихъ лингвистовъ того времени, Іовомъ Людольфомъ (этотъ Людольфъ впослѣдствіи нерѣдко исправлялъ слогъ нѣмецкихъ сочиненій Лейбница). *Людольфъ* былъ первый изъ европейскихъ ученыхъ, изучившій эѳіопскій языкъ. Этотъ ученый предложилъ Лейбницу основаніе нѣмецкаго историческаго общества (collegium historicum),

имѣвшаго цѣлью собираніе и изданіе всякаго рода памятниковъ и хроникъ. Планъ этотъ чрезвычайно заинтересовалъ Лейбница, онъ обѣщалъ свое содѣйствіе; мало того, подъ впечатлѣніемъ этого предложенія, въ умѣ Лейбница зародился еще болѣе широкій планъ основанія нѣмецкой академіи наукъ.

Изъ Мюнхена, гдѣ Лейбницу удалось найти самые интересные и достовѣрные документы о генеалогіи брауншвейгскаго дома, онъ писалъ герцогинѣ Софіи, сопровождая свой разсказъ разными анекдотами и происшествіями, и между прочимъ о томъ, что его поразилъ іезуитъ, произнесшій проповѣдь на тему, взятую изъ одной до тѣхъ поръ ему неизвѣстной народной книжки simplicissimus. Письмо это любопытно, какъ доказательство того, какъ мало интересовался Лейбницъ тогдашней беллетристикой: названная имъ книжка была чуть не популярнѣйшимъ нѣмецкимъ романомъ XVII вѣка, а Лейбницъ вообразилъ, что это народная сказка или гаданье царя Соломона.

Кромѣ вопроса о происхожденіи брауншвейгскаго дома, Лейбницу было поручено еще одно дѣло: онъ, гдѣ возможно, зондировалъ почву для подготовки церковной уніи между протестантскимъ и католическимъ міромъ. Ганноверскій дворъ былъ особенно склоненъ къ этому проэкту, въ то время бродившему въ умахъ. Тридцатилѣтняя война показала, какое глубокое униженіе должна была испытать Германія, благодаря своей политической и религіозной жизни. Идея политическаго единства росла параллельно съ планами церковной уніи. Въ Ганноверѣ этому проэкту способствовали семейныя обстоятельства: вдова обратившагося въ католичество Іоганна-Фридриха была ревностная католичка, царствующій герцогъ Эрнстъ Августъ—лютеранинъ, его жена Софія—кальвинистка. Герцогъ и жена его отличались терпимостью. Политическія обстоятельства примѣшивались къ религіознымъ. До нимвегенскаго мира Эрнстъ-Августъ былъ противникомъ Людовика XIV; съ этихъ поръ наступаетъ крутой переломъ, и тотъ самый герцогъ, который покровительствовалъ Лейбницу, какъ автору «Христіаннѣйшаго Марса», теперь искалъ случая сблизиться съ Людовикомъ XIV. Идея церковной уніи все больше улыбалась ему, какъ одно изъ лучшихъ средствъ сблизиться съ Франціей. Герцогиня Софія, одна изъ образованнѣйшихъ женщинъ своего времени, значительно вліявшая на мужа, считала Лейбница наиболѣе подходящимъ дѣятелемъ, способнымъ совершить эту великую церковную реформу. Какъ бо́льшая часть тогдашнихъ высокопоставленныхъ лицъ, Софія получила почти французское вос-

питаніе; она писала прекрасно по-французски, впрочемъ также полатыни и еще на нѣсколькихъ языкахъ, и была во многомъ сходна съ тогдашними французскими учеными дамами. Она была не такъ серьезно образована, какъ ея старшая сестра Елисавета богемская (ученица Декарта), но превосходила сестру самостоятельностью ума и здравымъ смысломъ. Французъ Шевро такъ увлекся ею, что назвалъ герцогиню первымъ «прекраснымъ умомъ» своего времени. Какъ высоко цѣнила герцогиня Лейбница, видно изъ ея писемъ. Въ одномъ письмѣ она пишетъ философу по поводу его новогодняго привѣтствія: «Ваши поздравленія для меня пріятнѣе поздравленій королей». Герцогиня не задумалась поручить Лейбницу умственное воспитаніе своей единственной дочери, также Софіи, впослѣдствіи жены бранденбургскаго курфюрста и первой прусской королевы. О церковной уніи герцогиня также переписывалась съ Лейбницемъ. «Христосъ рожденъ женщиной,—писала она,—и быть можетъ женщинѣ суждено объединить двѣ церкви».

Ганноверъ былъ съ лютеранской стороны центральнымъ мѣстомъ, откуда исходили проэкты уніи: герцогиня Софія, Лейбницъ и картезіанецъ аббатъ Моланусъ должны считаться главами этого движенія. Во время пребыванія Лейбница въ Ганноверѣ между нимъ и аббатомъ въ присутствіи герцогини часто велись длинныя препирательства и бесѣды на религіозно-философскія темы. По утрамъ обыкновенно герцогиня гуляла въ своемъ Герренгаузенскомъ саду съ придворными, и здѣсь свѣтскіе разговоры перемѣшивались съ обсужденіями самыхъ отвлеченныхъ вопросовъ религіи и философіи. Нерѣдко придворные спорили между собою и избирали Лейбница третейскимъ судьею. Онъ отличался безпристрастіемъ. Однажды аббатъ Моланусъ пытался доказать по Декарту бытіе Божіе. Герцогъ и герцогиня сочли его доказательства мало убѣдительными и обратились къ Лейбницу. «Надѣюсь, вы, какъ другъ, меня не выдадите», сказалъ аббатъ Лейбницу, но послѣдній рѣшилъ, что доказательства аббата весьма слабы. Нѣтъ никакихъ сомнѣній въ томъ что, во время такихъ прогулокъ Лейбницъ нерѣдко излагалъ основныя начала своей философіи. Однажды, опровергая мнѣнія англійскаго богослова Самуила Кларка, Лейбницъ отстаивалъ теорію индивидуальности. Кто то изъ придворныхъ замѣтилъ, что Кларкъ совершенно правъ и что дѣйствительно въ природѣ не трудно указать примѣры двухъ и болѣе индивидуумовъ, совершенно неразличимыхъ между собою. Лейбницъ оспаривалъ это. «Вотъ напримѣръ,—сказалъ онъ,—я утверждаю, что изъ многихъ милліоновъ

листьевъ въ этомъ саду нельзя найти даже двухъ, совершенно одинаковыхъ». «Попробуемъ»—сказала герцогиня, и тотчасъ придворные принялись срывать древесныя вѣтки съ листьями, съ помощью садовниковъ нанесли огромныя корзины листьевъ и начали сравнивать, подыскивая два совершенно одинаковыхъ листа. Лейбницъ безъ большого труда указывалъ различія, которыхъ не замѣчали другіе.

Мысль объ уніи занимала Лейбница уже потому, что его собственные взгляды стояли выше тѣхъ религіозныхъ споровъ, которые велись между католиками и протестантами. По его собственнымъ словамъ (въ одномъ изъ писемъ къ герцогу Эрнсту-Августу), онъ цѣнилъ въ римской церкви ея традицію, но не могъ согласиться съ ея догматическими основами, во многомъ противорѣчащими разуму.

Съ разныхъ сторонъ были сдѣланы попытки обратить Лейбница въ католицизмъ: мы уже упоминали о стараніяхъ парижскихъ янсенистовъ и придворныхъ Людовика XIV. Теперь, когда Ганноверъ взялъ на себя иниціативу уніи, многіе католическіе проповѣдники сочли своей миссіей «обратить» ганноверскаго философа. Особенно любопытны старанія сестры герцогини, монбюиссонской аббатиссы, которая прислала свою довѣренную Бринонъ въ Ганноверъ спеціально для того, чтобы «обратить» герцогскую чету и Лейбница. Лейбницъ былъ въ дорогѣ, и герцогиня написала ему о Бринонъ: «Это—монахиня, которую считаютъ чрезвычайно умной. Ея краснорѣчіе необычайно, потому что она говоритъ безъ умолку». Объ этомъ эпизодѣ не стоило бы упоминать, если бы за спиной аббатиссы не стоялъ первый тогдашній богословъ Франціи, знаменитый Боссюэтъ, съ которымъ Лейбницъ впослѣдствіи вступилъ въ переписку. То же монбюиссонское аббатство сблизило Лейбница съ извѣстнымъ Пеллиссономъ, который изъ кальвиниста сталъ рьянымъ католикомъ и съ назойливостью ренегата пытался заставить другихъ послѣдовать своему примѣру.

Въ самомъ Римѣ были голоса за и противъ уніи. Во время своего путешествія (1687—1690) Лейбницъ между прочимъ посѣтилъ въ Вѣнѣ епископа нейштадтскаго. Епископъ показалъ ему документы, изъ которыхъ Лейбницъ убѣдился, что самъ папа, многіе кардиналы и генералы орденовъ, въ томъ числѣ генералъ іезуитовъ, были чрезвычайно расположены къ уніи. Когда Лейбницъ прибылъ въ Римъ, онъ на мѣстѣ легко убѣдился, что итальянскій кардиналъ Спинола де Лука былъ ревностнымъ сторонникомъ уніи, тогда какъ французскій кардиналъ д'Эстрэ и слышать не хотѣлъ объ ней—во Франціи незадолго передъ тѣмъ былъ изданъ варварскій нантскій

эдиктъ, имѣвшій цѣлью искоренить гугенотовъ. Во время путешествія Лейбница Людовикъ XIV началъ противъ имперіи новую войну, якобы на религіозной подкладкѣ, а французскіе богословы въ свою очередь затѣяли походъ съ цѣлью доказать превосходство католицизма.

Бывшій кальвинистъ Пеллиссонъ намѣтилъ издать книгу «О религіозныхъ различіяхъ», въ которой выставилъ католицизмъ какъ «утвержденіе» вѣры, а протестантизмъ—какъ «отрѣшеніе» ея. По увѣренію Пеллиссона, вѣра невозможна безъ авторитета церкви, а авторитетъ непогрѣшимъ. Протестантизмъ есть отрицаніе вѣры, это не религія, а индифферентизмъ. Это сочиненіе было передано аббатиссой монбюиссонской въ Ганноверъ,—аббатисса была въ родствѣ съ герцогскимъ домомъ. Лейбницъ написалъ свои «замѣчанія», которыя, черезъ монахиню Бринонъ, передалъ Пеллиссону. Замѣчанія эти любопытны: это чуть ли не первая (въ Германіи) краснорѣчивая защита начала *религіозной терпимости*. Лейбницъ смѣло и открыто защищаетъ вполнѣ гармонирующій съ его философіей принципъ индивидуальнаго, субъективнаго убѣжденія, который онъ противопоставляетъ внѣшнему принудительному авторитету. Два года (1690—92) продолжалась переписка Лейбница съ Пеллиссономъ и прервалась лишь смертью Пеллиссона.

Не менѣе любопытны отношенія между Лейбницемъ и крупнѣйшимъ изъ французскихъ богословъ Боссюэтомъ.

Чтобы оцѣнить ихъ переписку, надо вернуться нѣсколько назадъ.

Еще янсенистъ Арно пытался убѣдить Лейбница въ превосходствѣ католической вѣры и спеціально для него написалъ трактатъ, озаглавленный: «Будильникъ для моего дорогого Лейбница». Въ то время Лейбницъ былъ еще очень молодъ, но не поддался заманчивымъ аргументамъ своего друга. Позднѣе за ту же задачу взялся ландграфъ Гессенъ-Рейнфельзскій, написавшій Лейбницу, что носятся слухи объ его обращеніи. Лейбницъ отвѣтилъ: «молва ошибается, но только на половину». «Въ такихъ вещахъ не можетъ быть половины»,—отвѣчалъ ландграфъ. Лейбницъ возразилъ на это: «я принадлежу церкви не внѣшнимъ, а внутреннимъ образомъ». Слова эти были плохо поняты: многіе увѣряли, что Лейбницъ—тайный католикъ; но онъ самъ рѣшительно опровергалъ это, и даже указывалъ прямо на несимпатичныя ему стороны католической церкви, въ особенности на богословскую цензуру и на преслѣдованіе научныхъ теорій, какъ напр. системы Коперника. Лейбницъ пишетъ ландграфу:

«Существуютъ многія философскія мнѣнія, которыя, по моему убѣжденію, я способенъ доказать; при моемъ образѣ мыслей, мнѣ невозможно измѣнить ихъ, пока нѣтъ средствъ удовлетворить меня иначе. Между тѣмъ мои мнѣнія, хотя они, сколько мнѣ извѣстно, не противорѣчатъ ни Писанію, ни Преданію, ни соборамъ, сплошь и рядомъ подвергаются порицанію и даже осужденію нѣкоторыхъ богослововъ. Скажутъ, что я могу просто молчать о такихъ вещахъ. Но молчать не годится: эти предложенія чрезвычайно важны для философіи... Охотно сознаюсь,—заключаетъ Лейбницъ свое письмо,—что я всевозможною цѣною готовъ былъ бы къ общенію съ римской церковью, если бы только могъ сдѣлать это съ истиннымъ спокойствіемъ духа и чистой совѣстью, какую имѣю теперь».

Не удивительно, что, прочитавъ это письмо, ландграфъ понялъ безплодность своихъ попытокъ и произнесъ изреченіе св. Іеронима: «Кто бы онъ ни былъ, онъ не нашъ».

Свои собственные взгляды на возможность уніи Лейбницъ изложилъ въ сочиненіи: «Способы возсоединенія» (1684). Здѣсь онъ пытается доказать, что принципъ протестантизма ни чало не противорѣчитъ принципу католичества, понимаемому какъ признаніе *единства* и *вселенскаго характера* церкви. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выступаетъ въ роли рѣшительнаго борца за начало религіозной терпимости.

По словамъ Лейбница, *осужденіе, анаѳема* и *отлученіе* отъ церкви—мѣры несправедливыя и не цѣлесообразныя. Церковь должна своимъ авторитетомъ и знаніемъ *исправлять* заблужденія, а не карать ихъ.

Что касается взаимныхъ уступокъ со стороны протестантовъ и католиковъ, то, по мнѣнію Лейбница, протестанты должны признать единство и вселенскій характеръ церкви, вслѣдствіе чего предлагаетъ имъ признать главенство папы и значеніе вселенскихъ соборовъ; но съ другой стороны католики должны уступить протестантамъ по вопросу о бракахъ священниковъ, о причащеніи мірянъ подъ обоими видами и объ употребленіи въ богослуженіи народнаго языка.

Съ такою программою выступилъ Лейбницъ еще до начала своей богословской переписки съ Боссюэтомъ. Правда, они еще раньше переписывались, но по вопросамъ иного рода. Началъ переписку Боссюэтъ, обратившись къ Лейбницу, какъ библіотекарю, съ вопросомъ, не можетъ ли онъ указать хорошій переводъ Талмуда. Получивъ обстоятельный отвѣтъ, Боссюэтъ затѣмъ послалъ Лейбницу свое одобренное папою «Изложеніе католической вѣры». Прочитавъ эту книгу, Лейбницъ написалъ автору, что считаетъ ее полезною для возстановленія церковнаго мира. Лейбницъ и ган-

новерскій аббатъ Моланусъ затѣмъ неоднократно писали Боссюэту. Французскій богословъ высказалъ свою точку зрѣнія на унію. Онъ разсматривалъ унію, какъ обращеніе протестантовъ на путь истины, и требовалъ прежде всего признанія ими рѣшеній тридентскаго собора. «Гармоническія» попытки Лейбница имѣли мало общаго съ требованіями Боссюэта. Лейбницъ хотѣлъ убѣдить французскаго богослова, что католицизмъ и протестантизмъ не болѣе какъ различныя мнѣнія, могущія отличнымъ образомъ ужиться подъ кровомъ одной вселенской церкви. «Если одинъ императоръ воюетъ съ другимъ, это еще не есть война противъ монархическаго принципа». Боссюэтъ требовалъ безусловнаго подчиненія со стороны протестантовъ и въ концѣ полемики заявилъ наконецъ вполнѣ откровенно, что, по его мнѣнію, всякій, не признающій обязательнымъ рѣшенія тридентскаго собора, есть упорный еретикъ. Продолжать споръ на этой почвѣ было не легко, и Лейбницъ умолкъ на время, сказавъ только въ одномъ изъ своихъ писемъ къ болтливой монахинѣ Бринонъ: «жаль, что Боссюэтъ оставилъ дѣловой тонъ; было бы лучше, если бы онъ обсуждалъ вопросъ не какъ ораторъ, а какъ бухгалтеръ». Лишь нѣсколько лѣтъ спустя Лейбницъ возобновилъ переписку съ Боссюэтомъ, съ цѣлью опровергнуть доводы, къ которымъ прибѣгъ тридентскій соборъ, объявившій нѣкоторые апокрифы каноническими книгами. Боссюэтъ отвѣтилъ нѣсколько высокомѣрнымъ письмомъ, въ которомъ привелъ 26 доказательствъ; Лейбницъ возразилъ, и переписка затѣмъ прекратилась; Лейбницъ потерялъ охоту продолжать ее. Да и вообще къ этому времени, т. е. въ послѣдніе годы XVII вѣка и первые годы XVIII, Лейбницъ сильно разочаровался въ своихъ уніонистскихъ проэктахъ. Онъ писалъ герцогу Антону-Ульриху: «Было бы гораздо лучше, если бы за это дѣло взялись не богословы и не духовенство, а государи и дипломаты». Лейбницъ сознался, что въ настоящемъ нечего надѣяться на возсоединеніе и что, въ лучшемъ случаѣ, можно заставить римскую церковь высказаться, что полезно для будущаго. «А это и было моей цѣлью во всемъ этомъ дѣлѣ»—пишетъ онъ.

Любопытно, что впослѣдствіи многіе католическіе писатели пытались доказать, будто Лейбницъ тайно обратился въ католицизмъ: ссылались на его сочиненіе «Теологическая система», которое долго оставалось неизвѣстнымъ публикѣ. Въ началѣ нашего вѣка этотъ трудъ былъ напечатанъ: въ немъ много терпимости къ католицизму, и весь онъ написанъ съ очевидною цѣлью облегчить дѣло уніи, но нѣтъ и признака ренегатства. Впрочемъ уже изъ писемъ Лейбница

къ Боссюэту, сильнѣйшему изъ его католическихъ противниковъ. легко понять, какъ далекъ былъ Лейбницъ отъ желанія *подчинить* протестантизмъ папизму. Въ одномъ изъ писемъ онъ говоритъ:

«Ничто не служитъ такимъ блистательнымъ оправданіемъ для реформаціи, какъ признанія многихъ хорошихъ католическихъ писателей, которые одобряютъ состояніе умовъ, вызванное протестантизмомъ, такъ какъ раньше вѣрующіе были окружены терніями и подавлены мелочами, отклоняющими отъ добродѣтельной жизни и отъ истинной теологіи. Эразмъ и многіе другіе признавали необходимымъ возвращеніе человѣчества къ ученію апостола Павла; лишь форма, а не сущность реформы Лютера не нравилась ему».

Подобный характеръ имѣетъ большая часть аргументовъ, приводимыхъ Лейбницемъ. Боссюэтъ не удовлетворился этими возраженіями, а обнаруженная Лейбницемъ огромная эрудиція даже сердила его. «Это—честолюбецъ. вмѣшивающійся во все и нарушающій права теологовъ»,—писалъ о немъ Боссюэтъ. Съ своей стороны Лейбницъ называлъ Боссюэта человѣкомъ несноснаго характера и склоннымъ къ хандрѣ. Когда французское духовенство сочло необходимымъ выступить противъ созданной Мольеромъ комедіи и Боссюэтъ издалъ свое знаменитое сочиненіе, направленное противъ театральнаго искусства, Лейбницъ написалъ на французскомъ языкѣ стихотворную эпиграмму на «докторовъ анти-комедіантовъ». «Суровые управители, знаете-ли вы, что въ нашъ вѣкъ Мольеръ также поучаетъ, какъ и вы вашими уроками? Для того, чтобы реформировать Францію, надо либо комедію. либо драгуновъ».

Аскетическіе и іерархическіе идеалы Боссюэта безъ сомнѣнія не рѣдко задѣвали комическую жилку, которая была достаточно развита у Лейбница, по натурѣ веселаго и склоннаго къ жизнерадостному міросозерцанію. Онъ писалъ однажды ганноверской герцогинѣ Софіи:

«Не мѣшало бы во Франціи основать «Вѣстникъ набожности» или «Богословскій Меркурій». Если Меркурій черезчуръ напоминаетъ язычество, можно вмѣсто него поставить хоть Рафаэля. Ханжество въ послѣднее время стало придворной модой, примѣръ—нѣкій маркизъ Сантонасъ, котораго обратилъ на путь истины, кто бы вы думали? Буало!»

Лѣтомъ 1688 года Лейбницъ пріѣхалъ въ Вѣну. Кромѣ работы въ здѣшнихъ архивахъ и въ императорской библіотекѣ, онъ имѣлъ въ виду и дипломатическія, и чисто личныя цѣли. Поворотъ, происшедшій въ политикѣ Ганновера, не могъ понравиться въ Вѣнѣ, да едва-ли былъ по душѣ и самому Лейбницу. Со времени нимвегенскаго мира ганноверскій герцогъ формально держалъ сторону

Франціи; герцогиня писала даже философу, что не знаетъ, хорошо ли его примутъ въ Вѣнѣ. Лейбницъ отвѣтилъ: «Союзъ съ Франціей могъ бы принести пользу, если бы послужилъ къ возвращенію герцогу Гольштинскому его владѣній, отнятыхъ Даніей: за достиженіе такого результата вся имперія была бы благодарна Ганноверу». Ганноверскій герцогъ старался одновременно угодить Франціи и императору и хотѣлъ черезъ посредство Лейбница повліять на вѣнскій дворъ; герцогиня въ свою очередь хлопотала за своего сына, желая, чтобы императоръ поскорѣе произвелъ его въ генералы. Лейбницъ оказался искуснымъ дипломатомъ, тѣмъ болѣе, что въ душѣ желалъ сблизить Ганноверъ съ Австріей; къ этому отчасти поощряли блестящія побѣды имперскихъ войскъ надъ турками. Во всемъ нѣмецкомъ мірѣ эти побѣды возбудили надежду на окончательное сокрушеніе турецкаго могущества, и Лейбницу казалось, что Австрія исполнитъ роль, которую онъ хотѣлъ навязать Франціи своимъ египетскимъ проэктомъ. Съ большимъ интересомъ познакомился онъ къ этому времени съ планами ученаго филолога Людольфа, который до того увлекся изученіемъ эѳіопскихъ древностей, что счелъ Абиссинію призванной играть роль цивилизующаго элемента въ Африкѣ и проэктировалъ союзъ христіанскихъ державъ съ абиссинскимъ негусомъ съ цѣлью изгнанія турокъ изъ Египта. Лейбницъ былъ не прочь поддержать этотъ планъ въ Вѣнѣ; онъ же взялся расположить императора въ пользу задуманнаго Людольфомъ историческаго общества. Египетскій проэктъ Людольфа канулъ въ воду; что касается историческаго общества, приближенные императора одобряли планъ, но объявили, что нѣтъ возможности платить членамъ общества жалованье, чего добивался Лейбницъ.

Еще продолжались ликованія по случаю побѣдъ надъ турками, какъ вдругъ Людовикъ XIV снова объявилъ имперіи войну, захвативъ Филиппсбургъ и опубликовавъ манифестъ, въ которомъ прославлялась любовь короля Франціи къ европейскому миру. На этотъ документъ послѣдовалъ отвѣтный манифестъ императора: многіе біографы Лейбница утверждаютъ, что философъ написалъ латинскій текстъ этого манифеста. Провѣрить это утвержденіе трудно, но взгляды Лейбница на новую войну достаточно выяснены въ написанномъ по-французски мемуарѣ, который онъ вручилъ министрамъ императора. Здѣсь поведеніе Франціи подвергается самому строгому сужденію.

«Нѣтъ договора, который не былъ бы нарушенъ Франціей,—пишетъ Лейбницъ.—Нападеніе на испанскіе Нидерланды послѣ рѣшительнаго отказа отъ притязаній, война съ Голландіей безъ тѣни основанія. Нимвегенскій миръ,

также скоро нарушенный, какъ и заключенный· все это кажется недостаточно преступнымъ, послѣ того, какъ совершали еще большія преступленія. Секретъ сдѣлать мерзкія вещи прекрасными съ виду состоитъ въ томъ, что подлѣ нихъ ставятъ вещи еще отвратительнѣйшія; такъ, уродливыя женщины держатъ подлѣ себя обезьянъ или негровъ».

О завоеваніяхъ Людовика XIV Лейбницъ замѣчаетъ:

«Говорятъ, что и Франція не можетъ обойтись безъ Страсбурга и Люксембурга: эти города будто бы необходимы королю для безопасности его державы Другими словами. чтобы лучше сохранить похищенное у германской имперіи, надо похитить еще болѣе. Превосходное основаніе! Такъ одно безуміе порождаетъ множество безумій и одно преступленіе—множество преступленій. Аппетитъ приходитъ во время ѣды!»

Изъ плановъ Лейбница, занимавшихъ его во время пребыванія въ Вѣнѣ, осуществился лишь проэктъ основанія историческаго общества. По уговору съ Людольфомъ, онъ лично бесѣдовалъ объ этомъ дѣлѣ съ императоромъ Леопольдомъ I. Первымъ предсѣдателемъ «императорскаго историческаго общества» былъ Людольфъ. Впрочемъ Лейбницъ преслѣдовалъ и свои личные планы. Давно уже онъ задумывался надъ мыслью поступить на службу къ императору. Въ Ганноверѣ ему казалось слишкомъ тѣсно, особенно послѣ того, какъ Эрнстъ-Августъ сталъ держать сторону Людовика XIV. Написанный Лейбницемъ новый памфлетъ, направленный противъ французской политики, произвелъ на императора Леопольда такое впечатлѣніе, что онъ самъ предложилъ Лейбницу черезъ своего министра двора мѣсто библіотекаря. Предложеніе было заманчиво, но Лейбницъ чувствовалъ себя связаннымъ до тѣхъ поръ, пока не исполнилъ обѣщанія, даннаго брауншвейгскому дому, т. е. пока не возстановилъ генеологіи Вельфовъ, — а для этого надо было еще ѣхать въ Италію. Лейбницъ просилъ дать ему время подумать: впослѣдствіи онъ раскаявался въ своемъ поступкѣ, потому что удобный моментъ былъ пропущенъ навсегда.

Лейбницъ собирался уже возвратиться въ Ганноверъ, какъ вдругъ получилъ извѣстіе, что герцогъ Моденскій предлагаетъ ему воспользоваться своимъ домашнимъ архивомъ. Лейбницъ зналъ уже по своимъ предыдущимъ изслѣдованіямъ, что этотъ архивъ для него особенно важенъ. Сверхъ того мысль о поѣздкѣ въ Италію не могла не привлекать его. Весну 1689 года Лейбницъ посвятилъ этому путешествію, изъ котораго вынесъ многое. Онъ посѣтилъ Венецію, Модену, Римъ, Флоренцію и Неаполь.

Въ Венеціи съ Лейбницемъ произошло приключеніе, едва не стоившее ему жизни—его спасло лишь умѣнье притворяться, обнаруженное имъ еще въ молодости во время знакомства съ розенкрей-

церами. Лейбницъ поѣхалъ одинъ въ Мезолу на баркасѣ съ нѣсколькими итальянскими матросами. Внезапно началась буря. Суевѣрные матросы стали говорить между собою, что Лейбницъ — еретикъ, и что Богъ наказываетъ ихъ, посылая бурю. Думая, что нѣмецъ не знаетъ по-итальянски, кормчій сказалъ товарищамъ: «Надо бросить этого еретика въ воду, только сначала возьмемъ у него деньги». Лейбницъ не растерялся. Онъ тотчасъ досталъ изъ кармана бывшія при немъ четки, состроилъ самую набожную физіономію и сталъ перебирать ихъ съ видомъ молящагося. Увидѣвъ это, гребцы сказали кормчему: «Нѣтъ, такого хорошаго христіанина грѣшно бросать въ воду».

Въ Римѣ Лейбницъ былъ свидѣтелемъ многихъ событій Почти на его глазахъ умерла знаменитая королева Христина шведская, ученица Декарта, въ концѣ жизни обратившаяся въ католицизмъ. Лейбницъ имѣлъ возможность осмотрѣть ея библіотеку, картинную галлерею и собраніе статуй. При немъ умеръ папа Иннокентій XI и вступилъ на престолъ св. Петра папа Александръ VIII. Пребываніе въ Римѣ вновь оживило въ умѣ Лейбница проэктъ церковной уніи. Обоимъ папамъ онъ посвятилъ латинскія стихотворенія— Лейбницъ считалъ себя крупнымъ поэтомъ и ни за что такъ не гнѣвался на Боссюэта, какъ за то, что французскій богословъ отозвался довольно пренебрежительно о его поэтическихъ упражненіяхъ. По случаю болѣзни Иннокентія XI Лейбницъ написалъ стихи, въ которыхъ молилъ небеса о дарованіи папѣ здоровья для окончанія великаго дѣла соединенія церквей, причемъ заставилъ «подземныхъ боговъ» дрожать отъ страха. Когда явился Александръ VIII, Лейбницъ привѣтствовалъ его, какъ грядущаго освободителя христіанскаго міра отъ турокъ. Въ своей вычурной одѣ, написанной впрочемъ во вкусѣ того времени, Лейбницъ сравнивалъ папу съ Александромъ Македонскимъ.

Въ Римѣ Лейбница приняли съ большимъ почетомъ. Всевозможныя ученыя общества принимали его на свои засѣданія и многія избрали своимъ членомъ. Секретарь папы, знаменитый антикварій Фабретти, показывалъ ему христіанскія катакомбы и хранившуюся въ сосудахъ запекшуюся кровь мучениковъ. Лейбницъ впрочемъ выразилъ нѣкоторое сомнѣніе на счетъ подлинности этой крови и сказалъ, что быть можетъ это особый родъ красной глины. Чтобы убѣдить его въ противномъ, Фабретти велѣлъ принести теплой воды и распустить тамъ твердое вещество, которое въ растворѣ приняло видъ крови. Католическіе писатели увѣряютъ, что философъ былъ

убѣжденъ этимъ доводомъ и благоговѣйно удалился; но весьма вѣроятно, что тутъ играло роль дипломатическое искусство Лейбница, который пріѣхалъ не ссориться, а мириться съ католиками и считалъ вопросъ о дѣйствительной или мнимой крови не стоющимъ вниманія.

При всей своей склонности къ компромиссамъ, Лейбницъ не упускалъ случая выступить за свободу совѣсти и въ особенности за свободу научной мысли—въ этомъ отношеніи Лейбницъ былъ одинъ изъ первыхъ философовъ, создавшихъ тотъ духъ свободы изслѣдованія, которымъ гордится германская наука. Во время пребыванія въ Римѣ онъ нѣсколько разъ убѣждалъ астрономовъ и математиковъ, какъ напр. Біанкини и Вивіани, сдѣлать представленія папѣ по поводу остававшагося еще въ силѣ запрещенія системы Коперника. Лейбницъ совѣтуетъ выставить на видъ папѣ, что отъ подобныхъ запрещеній теряетъ только римскій престолъ. «Важно пристыдить клеветниковъ,—дипломатично пишетъ онъ—которые утверждаютъ, будто Римъ—врагъ истины». Съ этими мыслями знаменитаго философа связанъ курьезнѣйшій изъ его проэктовъ, а именно планъ превращенія католическихъ монастырей въ родъ университетовъ, гдѣ преимущественно должны изучаться естественныя науки. «Столько умныхъ головъ, до сихъ поръ занимавшихся пустословіемъ,—пишетъ Лейбницъ,—могутъ сдѣлать чрезвычайно многое, если соединятся для изученія славы божіей, проявляющейся въ явленіяхъ природы». Узнавъ, что одинъ фанатичный аббатъ предлагалъ вовсе упразднить науку, Лейбницъ писалъ: «Это предложеніе понравится каждому лѣнивому брюху, но его конечно не одобрятъ ученые люди. Развѣ есть занятіе болѣе сообразное съ настоящимъ благочестіемъ, чѣмъ изученіе природы?»

Лейбницу стоило только оглянуться вокругъ себя, чтобы найти въ Италіи монаховъ, занимавшихся наукой; особенно іезуиты благопріятствовали научнымъ занятіямъ, что не мѣшало имъ пользоваться самымъ знаніемъ для своихъ особыхъ цѣлей. Предложеніе его относительно католическихъ монастырей показываетъ однако, какъ онъ способенъ былъ увлекаться своими проэктами, часто стоявшими весьма далеко отъ практической жизни.

На римскихъ ученыхъ и на папскій дворъ Лейбницъ произвелъ такое благопріятное впечатлѣніе, что самъ папа, черезъ кардинала Козакоту, предложилъ ему должность хранителя ватиканской библіотеки. Эта должность была для Лейбница находкой, но ему поставили условіемъ принятіе католической вѣры. Лейбницъ отказался и устоялъ передъ искушеніемъ, которое оказало въ новѣйшія вре-

мена магическое дѣйствіе на Винкельманна. Самъ Лейбницъ писалъ впослѣдствіи объ этомъ событіи своей жизни, замѣтивъ при этомъ, что должность библіотекаря въ Ватиканѣ не разъ доводила до кардинальской митры.

Изъ ученыхъ, съ которыми Лейбницъ познакомился въ Римѣ, особенное впечатлѣніе произвелъ на него ученый іезуитъ Гримальди, недавно возвратившійся изъ Китая.

Въ концѣ XVII вѣка неприглядная европейская дѣйствительность заставляла многихъ мыслителей искать идеаловъ частью у дикарей, частью у цивилизованныхъ народовъ дальняго Востока. Китайцы были особенно въ модѣ, благодаря попыткамъ реформъ, предпринятымъ тогдашнимъ императоромъ, который цѣнилъ европейскую науку, изучалъ Эвклидовы начала и тригонометрію, приблизилъ къ себѣ европейскихъ астрономовъ и математиковъ и покровительствовалъ ученымъ іезуитамъ. Еще раньше, до знакомства съ Гримальди, Лейбницъ интересовался Китаемъ и въ одномъ изъ своихъ писемъ, желая похвалить Францію, назвалъ ее «Китаемъ Запада».

Просвѣтительная дѣятельность императора Хамъ-Хи, обрисованная іезуитомъ и въ то же время китайскимъ мандариномъ Гримальди, привела Лейбница въ восторгъ. Онъ отнесся къ китайскому реформатору почти такъ же, какъ впослѣдствіи къ Петру Великому. Свои впечатлѣнія Лейбницъ изложилъ въ особомъ сочиненіи о Китаѣ («Novissima Sinica» 1697). Между прочимъ онъ узналъ отъ Гримальди о древнемъ китайскомъ счисленіи, отличавшемся отъ нынѣшняго, и сообщенія ученаго іезуита навели его на мысль придумать новую ариѳметику, въ которой достаточно лишь двухъ цифръ 1 и 0. Это такъ называемая «двойничная» или «діадическая» система счисленія, въ которой двѣ единицы играютъ такую же роль, какъ десять единицъ въ нашей десятичной системѣ. Лейбницу такъ понравилась эта система, что онъ усмотрѣлъ въ ней даже нѣчто мистическое или символическое, хотя по натурѣ мало былъ склоненъ къ мистикѣ. По его мнѣнію, «двойничная» система есть символъ творческаго акта, imago creationis, потому что она показываетъ во-очію, что *единица* или «монада», играющая основную роль во всей философіи Лейбница, достаточна для построенія вселенной: стоитъ комбинировать единицы и нули (изображающіе отсутствіе бытія), чтобы получить всевозможныя числа. Позднѣе Лейбницъ, находясь уже съ Вольфенбюттелѣ, написалъ о своемъ изобрѣтеніи герцогу Рудольфу-Августу, прося его выбить по этому поводу медаль

съ тѣмъ, чтобы на одной сторонѣ было изображеніе герцога, на другой—таблица съ изображеніемъ нѣсколькихъ чиселъ и простѣйшихъ дѣйствій по новой системѣ. На краю медали была изображена лента съ надписью: «чтобы вывести изъ ничтожества все, достаточно единицы». Лейбницъ понималъ, что его изображеніе имѣетъ главнымъ образомъ *теоретическое* значеніе, позволяя изслѣдовать разныя свойства чиселъ; впрочемъ онъ думалъ, что и на практикѣ считать по его системѣ не такъ трудно, какъ можетъ показаться отъ непривычки къ подобному счету.

Кромѣ чисто математическаго интереса, Лейбницъ видѣлъ въ своемъ счисленіи ключъ къ разгадкѣ таинственной китайской азбуки, изобрѣтенной Фоги и содержавшей 64 буквы; мнѣніе это было поддержано многими тогдашними оріенталистами.

Не слѣдуетъ однако думать, что Лейбницъ вполнѣ раздѣлялъ увлеченіе Китаемъ, свойственное многимъ его современникамъ. Любопытно, что онъ отлично понялъ сравнительную отсталость китайской науки, но въ то же время полагалъ найти въ Китаѣ источникъ истинной нравственности, предваривъ въ этомъ случаѣ на много лѣтъ «Суратскую Кофейню» графа Льва Толстого. Полушутя, полусерьезно пишетъ Лейбницъ: «Почти необходимо, чтобы китайцы посылали въ Европу миссіонеровъ. Если мы можемъ сообщить имъ наше богословіе, основанное на откровеніи, за то китайцы могутъ снабдить насъ началами естественной теологіи». Интересны также мнѣнія Лейбница о дѣятельности іезуитовъ въ Китаѣ. «Между іезуитами, — пишетъ онъ,—есть безъ сомнѣнія много честныхъ людей. Иные слишкомъ горячи и желаютъ служить ордену правдами и неправдами». Лейбницъ былъ наказанъ за свою терпимость, переходившую иногда границы благоразумія. Когда онъ пріѣхалъ во Флоренцію, іезуитъ Маркетто приставалъ къ философу, чтобы онъ принялъ католичество, угрожая за ослушаніе муками ада. Тогда только Лейбницъ сталъ относиться къ іезуитамъ болѣе сурово и сказалъ: «Въ Китай все-таки ихъ слѣдуетъ посылать, потому что лучше преподавать китайцамъ искаженное христіанство, чѣмъ никакого». Это плохо мирится съ его предложеніемъ учиться естественному богословію у китайцевъ.

Юридическія, богословскія и дипломатическія занятія Лейбница въ значительной мѣрѣ отвлекли его отъ математическихъ работъ. Тѣмъ не менѣе все свое свободное время онъ посвящалъ математикѣ и естествознанію. Еще изъ Вѣны Лейбницъ предпринялъ экскурсію въ Венгрію, куда его привлекли шахты, гдѣ онъ могъ провѣрить

свои гипотезы о составѣ земной коры; изъ Венеціи онъ ѣздилъ въ Истрію и здѣсь, по его собственному выраженію, «проползъ сквозь горы». Плодомъ этихъ изслѣдованій была его «Протогея», одна изъ первыхъ попытокъ основать научную геологію.

Въ области математики Лейбницъ продолжалъ развивать свое дифференціальное исчисленіе. Особенное удовольствіе доставляло ему рѣшеніе этимъ способомъ геометрическихъ задачъ. Здѣсь онъ съ очевидностью могъ доказать превосходство своего аналитическаго метода надъ самыми изящными геометрическими построеніями. Во Флоренціи Лейбницу представлялся удобный случай испытать свои силы. Здѣсь жилъ знаменитый математикъ Вивіани, прозванный «послѣднимъ ученикомъ Галилея». Какъ разъ въ то время, быть можетъ, въ видѣ вызова Лейбницу, Вивіани предложилъ рѣшеніе довольно сложной задачи (квадратура нѣкоторыхъ сферическихъ поверхностей). Лейбницъ въ одинъ день рѣшилъ эту задачу своимъ методомъ и кромѣ того показалъ, что она допускаетъ безчисленное множество рѣшеній.

Въ Болоньи Лейбницъ познакомился съ извѣстнымъ химикомъ, физикомъ и математикомъ Гульельмини, котораго привлекъ къ участію въ лейпцигскихъ «Трудахъ». Этотъ математикъ такъ высоко цѣнилъ Лейбница, что избралъ его третейскимъ судьею въ спорѣ, затѣянномъ имъ съ изобрѣтателемъ извѣстнаго котла Папиномъ. Между прочимъ Гульельмини сблизилъ Лейбница съ знаменитымъ анатомомъ Мальпиги; Лейбницъ, интересовавшійся всѣмъ, постоянно слѣдилъ за открытіями въ области естествознанія и медицины.

Наконецъ философъ прибылъ въ Модену и въ одномъ старинномъ бенедиктинскомъ монастырѣ нашелъ то, чего искалъ съ такимъ упорствомъ и терпѣніемъ, какъ будто рѣчь шла о великомъ научномъ открытіи. Онъ отыскалъ надгробные камни, на которыхъ прочелъ исторію вельфскаго дома.

Еще одну роль пришлось играть Лейбницу—и въ этомъ случаѣ онъ опять оказался искуснымъ дипломатомъ—а именно: роль свата. Герцогиня Софія не удовольствовалась исторической связью своего дома съ моденскими герцогами, ее интересовалъ вопросъ болѣе практическій — выдать свою племянницу за герцога Эсте. Герцогъ Моденскій давно сватался къ брауншвейгской принцессѣ, но послалъ для переговоровъ нѣкоего графа Драгони, о которомъ герцогиня Софія писала Лейбницу: «По ученію Декарта въ мозгу есть шишка, въ которой сосредоточенъ умъ; кажется, какъ разъ этой шишки не

хватаетъ графу Драгони». Лейбницъ исправилъ дѣло и устроилъ этотъ брачный союзъ.

Во время своего продолжительнаго путешествія Лейбницъ досталъ множество историческихъ документовъ высочайшей важности. Это побудило его не ограничиться составленіемъ исторіи брауншвейгскаго дома, но составить сборникъ документовъ. Такимъ образомъ возникъ монументальный трудъ, до сихъ поръ являющійся важнымъ источникомъ для исторіи среднихъ вѣковъ, изданный Лейбницемъ подъ заглавіемъ: «Сводъ постановленій международнаго права»(«Codex juris gentium diplomaticus»). Это не простой сборникъ, но документальное доказательство правъ германской имперіи. Всего предполагалось три тома, но Лейбницу удалось издать лишь первый (документы XII—XIV вѣковъ); предпріятіе не могло быть доведено до конца по причинѣ скупости императорскаго вѣнскаго двора. Напрасно Лейбницъ обратился къ графамъ Виндишгрецу и Кинскому, прося ихъ повліять на императора,—равнодушіе было полное.

Лейбницъ написалъ замѣчательное предисловіе къ составленному имъ «Своду», въ которомъ изложилъ свои взгляды на историческую критику и на философскія основанія права. Отъ историка онъ требуетъ добросовѣстной и тщательной оцѣнки источниковъ, указывая въ особенности на заблужденія, происходящія отъ партійныхъ и національныхъ предразсудковъ. «Нельзя судить,—говоритъ Лейбницъ,—о Карлѣ V по сочиненіямъ французскихъ историковъ, о Людовикѣ XIII и о Ришелье—по германскимъ и испанскимъ отзывамъ. Нельзя писать исторію по слухамъ, надо изучать ее въ архивахъ по документамъ». Все это теперь можетъ показаться азбучными истинами, но не слѣдуетъ забывать, какъ писалась исторія въ эпоху Лейбница. «Иногда,—замѣчаетъ Лейбницъ,—простыхъ хронологическихъ соображеній достаточно, чтобы опровергнуть басни, какъ напримѣръ сказку о женщинѣ-папѣ Іоаннѣ. Эта женщина—хронологическая невозможность, потому что нельзя указать годъ, когда она могла существовать».

Обращаясь къ философскому обоснованію международныхъ отношеній, Лейбницъ говоритъ, что они основаны на добровольныхъ договорахъ и на интересахъ. Вотъ почему эти отношенія и права «такъ разнообразны, какъ нравы народовъ, и такъ перемѣнчивы, какъ времена». Монархи, по словамъ Лейбница, играютъ судьбами міра, какъ картами, мирные договоры не болѣе, какъ временныя перемиріи. Гоббсъ правъ, утверждая, что народы находятся въ состояніи непрерывной войны между собою. Здѣсь Лейбницъ снова пользуется случаемъ заклеймить завоевательную политику Людовика XIV: онъ

писалъ свое предисловіе въ томъ самомъ году, когда французы разорили и сожгли до тла Гейдельбергъ.

Это перемѣнчивое и произвольное право Лейбницъ называетъ правомъ *дипломатическимъ* и отличаетъ отъ *естественнаго* права, которое включаетъ въ себѣ «вѣчныя права разумной природы» и вытекаетъ изъ «божественной воли и любви, какъ изъ первоисточника». *Естественное право* обнимаетъ собою, по мнѣнію Лейбница, три области или ступени справедливости. Первую, самую узкую область составляетъ строгое право или взаимная справедливость, родъ «обмѣна». Принципъ этой справедливости: не дѣлай другому того, чего себѣ не желаешь, никого не обижай. Вторую область или ступень представляетъ «распредѣлительная справедливость», повелѣвающая: «дѣлай другому то, что другіе должны тебѣ дѣлать, воздавай каждому то, что ему слѣдуетъ». Наконецъ третью и наивысшую ступень составляетъ «универсальная справедливость», основанная на благочестіи и любви къ ближнему.

Такимъ образомъ ученіе Лейбница совмѣщаетъ въ себѣ разныя точки зрѣнія, изъ которыхъ каждая была до и послѣ него исходнымъ пунктомъ болѣе односторонніхъ доктринъ. «Строгое право» Лейбница имѣетъ характеръ ограничительнаго, чисто отрицательнаго принципа, оно препятствуетъ той «войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ», о которой говорилъ Гоббсъ. «Распредѣлительная справедливость» приближается къ такъ называемой утилитарной точкѣ зрѣнія. Тутъ уже имѣется въ виду положительное благо, это принципъ пользы и возможно бо́льшаго благополучія. Наконецъ «универсальная справедливость» Лейбница есть не что иное, какъ христіанскій принципъ любви къ ближнему, проистекающей отъ любви къ Богу. Любовь Бога и къ Богу, amor divinus, является поэтому для Лейбница источникомъ наиболѣе высокихъ правовыхъ началъ. Съ этой точки зрѣнія государство является для Лейбница теократіей, и задача юриспруденціи, въ конечномъ выводѣ, совпадаетъ съ задачами теологіи.

VII.

Религіозная терпимость.—Дѣвица Ассебургъ, хиласты и піетисты.—Планы воссоединенія церквей.—Берлинская академія наукъ.—Любовь королевы.—«Монадологія» и «Теодицея».—Смерть королевы Софіи-Шарлотты.

Для довершенія философской системы Лейбница недоставало одного—сильнаго личнаго чувства, безъ котораго она получила бы быть можетъ болѣе строгій, но менѣе поэтическій обликъ. Этотъ не-

достающій элементъ былъ данъ философу любовью къ одной изъ лучшихъ германскихъ женщинъ, а именно къ первой королевѣ Пруссіи, Софіи-Шарлоттѣ, дочери ганноверской герцогини Софіи. «Она— дочь своей матери: сказать это — значитъ, сказать все» — писалъ однажды Лейбницъ.

Когда Лейбницъ поступилъ на ганноверскую службу (1680), матери было пятьдесятъ лѣтъ, а дочери — двѣнадцать. Самому философу въ это время исполнилось тридцать четыре года. Мать поручила ему умственное воспитаніе дочери. Четыре года спустя молодая дѣвушка вышла замужъ за бранденбургскаго принца Фридриха III, впослѣдствіи превратившагося въ короля Фридриха I. Молодые не ладили съ ганноверскимъ герцогомъ и, проживъ два года въ Ганноверѣ, тайно уѣхали въ Кассель. Въ 1688 году Фридрихъ III вступилъ на престолъ, ставъ бранденбургскимъ курфюрстомъ. Это былъ тщеславный, пустой человѣкъ, любившій роскошь и блескъ. Несходство характеровъ мужа и жены вскорѣ обнаружилось, между ними не было ничего общаго. Серьезная, вдумчивая, мечтательная Софія-Шарлотта не могла выносить пустой и безсмысленной придворной жизни. О Лейбницѣ она первоначально сохраняла воспоминаніе, какъ о дорогомъ, любимомъ учителѣ; обстоятельства благопріятствовали новому, болѣе прочному сближенію. Потерпѣвъ неудачу въ своихъ широкихъ планахъ церковной уніи всего христіанскаго міра и союза всѣхъ европейскихъ государствъ противъ турецкаго варварства, Лейбницъ, постепенно, все болѣе задумывался надъ мыслью о чисто германской церковной и политической уніи. Онъ сталъ дѣлать попытки къ сближенію разныхъ оттѣнковъ протестантизма, хотѣлъ соединить реформатовъ съ лютеранами. По мѣсту своей дѣятельности, онъ естественнымъ образомъ началъ съ Ганновера, стараясь сблизить его съ Бранденбургомъ. Брачный союзъ между бранденбургскимъ курфюрстомъ и ганноверской принцессой благопріятствовалъ его плану, который встрѣтилъ особое сочувствіе со стороны ганноверской герцогини Софіи. Основнымъ качествомъ Лейбница была необычайно широкая терпимость; «я почти никого не презираю», сказалъ онъ однажды и дѣйствовалъ сообразно съ этимъ изреченіемъ. Религіозныя распри между различными протестантскими исповѣданіями были для него, стремившагося къ сближенію протестантства съ католичествомъ, вопіющею несообразностью. Даже къ крайнимъ протестантскимъ сектамъ онъ относился съ сочувствіемъ, даже наиболѣе чуждыя его натурѣ мистическія проявленія никогда не вызывали въ немъ чувства вражды или презрѣнія. Превосходнымъ образ-

чикомъ этой почти безграничной терпимости Лейбница было его отношеніе къ такъ называемымъ «хиліастамъ», проповѣдывавшимъ «тысячелѣтнее царствованіе» и пришествіе Мессіи.

Въ 1691 году, какъ разъ во время переписки Лейбница съ католическимъ богословомъ Пеллиссономъ,—переписка эта шла черезъ руки герцогини Софіи, — ганноверская герцогиня находилась въ Эбсдорфѣ, на водахъ. Въ то время вдругъ прославилась нѣкая дѣвица Ассебургъ, которую считали святой и ясновидящей. Мать этой дѣвицы еще въ дѣтствѣ посвятила ее Богу. Будучи лютеранкой, она не могла отдать дочери въ монастырь, но воспитывала ее, какъ монахиню. Еще ребенкомъ маленькая Розамунда утверждала, что ей является Іисусъ во всемъ блескѣ небеснаго величія. Еще не умѣя писать, она якобы записывала слова Христа. Лѣтомъ 1691 года о ней стали говорить во всей Германіи. Увѣряли, что она способна читать письма, написанныя на любомъ, хотя бы ей незнакомомъ, языкѣ и вложенныя въ запечатанный конвертъ. Правда, нерѣдко дѣвица отвѣчала невпопадъ, но въ такихъ случаяхъ она горько рыдала и увѣряла, что Іисусъ не явился къ ней. Какіе-то шутники стали писать дѣвицѣ Ассебургъ циничныя письма или просто любовныя посланія. Она плакала и утверждала, что Іисусъ явился ей гнѣвный и негодующій. Этотъ феноменъ обратилъ на себя вниманіе богослововъ и коронованныхъ особъ, также всѣхъ мечтателей и мистиковъ.

Тогдашній лейпцигскій суперъ-интендентъ Петерсенъ, глава «хиліастовъ», узнавъ о пророчествахъ дѣвицы Ассебургъ, окончательно увѣровалъ въ свои фантазіи, но былъ за это лишенъ должности, послѣ чего бѣжалъ въ Бранденбургъ. Положеніе дѣвицы Ассебургъ также было не безопаснымъ: нѣкоторые богословы считали ее еретичкой, другіе — свободомыслящіе — предлагали посадить ее въ сумасшедшій домъ. Вообще умный и образованный аббатъ Моланусъ говорилъ: «эту дуру надо посадить на цѣпь», и прибавлялъ: «Выраженія, которыя эта дѣвица слышитъ будто бы отъ Іисуса, какъ напримѣръ моя королева и моя голубка, сколько мнѣ извѣстно, совсѣмъ не употребительны въ небесной канцеляріи».

Иного мнѣнія былъ Лейбницъ. Узнавъ отъ герцогини Софіи о мнимыхъ чудесахъ дѣвицы Ассебургъ, философъ написалъ ей письмо, цѣликомъ обрисовывающее его собственную личность.

«Есть люди,—пишетъ онъ, намекая на Моланусa,—которые судятъ обо всемъ этомъ настолько рыцарски, что желаютъ упрятать дѣвицу Ассебургъ въ домъ умалишенныхъ. Я увѣренъ однако, что все это у нея происходитъ самымъ естественнымъ путемъ Многіе изъ сообщенныхъ о ней фактовъ, напр. какъ она прочла запечатанное письмо англійскаго доктора Шотта, должно быть,

преувеличены. Тѣмъ не менѣе я удивляюсь многимъ способностямъ человѣческой души, и возможно, что многихъ душевныхъ способностей мы не подозрѣваемъ по недостатку опыта. Если встрѣчаются подобныя исключительныя личности, ихъ надо не бранить и не передѣлывать, а наоборотъ наблюдать и хранить, какъ сохраняютъ кабинетныя рѣдкости въ кунсткамерахъ».

Далѣе Лейбницъ указываетъ на связь самыхъ странныхъ сновидѣній и бредней съ дѣйствительностью, разъясняя эту связь вполнѣ реалистическимъ образомъ.

Почему,—спрашиваетъ Лейбницъ,—дѣвица Ассебургъ видитъ постоянно Христа? Очевидно потому, что она воспитана въ духѣ протестантизма, не признающаго Святыхъ. Постоянныя мысли о Богѣ доставили ей особую «благодать». Почему не назвать ея видѣнія «благодатью»? Подъ «благодатью»,—говоритъ Лейбницъ,—я вовсе не подразумѣваю чудо или вообще что либо сверхъестественное, но называю такъ блаженное состояніе, доставленное тѣми сладостными религіозными чувствами, которыя испытываетъ эта дѣвица, когда ей кажется, что она видитъ Христа. Боюсь только, что она начнетъ слишкомъ примѣнять свои видѣнія ко всякимъ мелочнымъ случаямъ: это ей самой причинитъ бѣду».

Лейбницъ всегда отличалъ искренній экстазъ и мистическій восторгъ отъ шарлатанства. Такъ, онъ жестоко осмѣялъ «Гороскопъ іезуитовъ», сочиненный аббатомъ Карре, который по Апокалипсису вывелъ, что іезуиты погибнутъ непремѣнно между 1695 и 1713 годами.

Письмо Лейбница привело ганноверскую герцогиню въ восхищеніе. «Оно доставило мнѣ торжество!—пишетъ она Лейбницу.—Въ вашемъ письмѣ столько здравыхъ мыслей, такая свобода отъ всякихъ предразсудковъ!» Поощренный этимъ отвѣтомъ, Лейбницъ написалъ второе письмо, имѣя на этотъ разъ въ виду многихъ нѣмецкихъ коронованныхъ особъ, пріѣхавшихъ на воды. Кромѣ хиліастовъ, въ то время подвергались гоненіямъ еще такъ называемые піетисты.

«Ахъ,бѣдные люди,—писалъ Лейбницъ —Они скоро провалятся въ бездну, въ адъ! Это мнѣ не нравится! Я не люблю трагическихъ картинъ и желаю, чтобы всѣмъ было хорошо. Я не желаю также преслѣдованія «хиластовъ» Пока эти люди не нарушаютъ общественнаго покоя, ихъ не надо трогать, ожидать терпѣливо пришествія Христа—право въ этомъ нѣтъ вины»

«Самое лучшее,—писалъ Лейбницъ,—оставить этихъ добрыхъ людей въ покоѣ. *Исторія доказываетъ, что секты обыкновенно возникаютъ вслѣдствіе чрезмѣрнаго преслѣдованія единичныхъ людей, имѣющихъ особое мнѣніе.* Подъ предлогомъ предупрежденія ереси, способствуютъ ея возникновенію. Чаще всего такія вещи сами собою исчезаютъ, теряя прелесть новизны. Но когда поднимаютъ слишкомъ много шума, когда стараются подавить ихъ, то дѣйствуютъ подобно тому, кто вздумалъ бы потушить огонь при помощи мѣховъ. Господа богословы очень часто испытываютъ опасеніе, что вдругъ окажется недостатокъ въ еретикахъ. Поэтому они дѣлаютъ все, что могутъ, чтобы отыскать ихъ и даже обезсмертить, даютъ имъ партійныя

клички, какъ напр. хиластовъ, янсенистовъ, квіетистовъ, пietистовъ и т. п Иному даже приноситъ особую честь быть ересіархомъ, даже не подозрѣвая этого. Такой случай произошелъ съ богословомъ покойнымъ Пайономъ, котораго его противники превратили въ пайониста!» *).

Герцогиня послала это письмо Лейбница своей дочери, курфюстинѣ бранденбургской. Еще раньше Софія-Шарлотта стала интересоваться каждымъ письмомъ, каждымъ философскимъ трактатомъ своего бывшаго учителя. Между нею и Лейбницемъ началась дѣятельная переписка. И онъ, и его ученица одинаково относились и къ нетерпимости, и къ вошедшему въ то время въ моду ханжеству, прикрывавшему заимствованную изъ Франціи распущенность нравовъ. Въ 1692 году Лейбницъ пишетъ Софіи-Шарлоттѣ:

«Теперь всюду ханжество, и французскій дворъ, источникъ модъ, даетъ хорошій примѣръ. Всѣ стали писать набожно, даже сатирикъ Буало... Все это было бы хорошо, если бы внутреннее соотвѣтствовало внѣшнему... Истинное благочестіе чаще можно встрѣтить у людей, которые дѣйствуютъ лишь какъ честные люди, чѣмъ у этихъ гасконцевъ набожности, неистовствующихъ по поводу всякой глупости».

Дальнѣйшая часть письма любопытна, какъ выраженіе личныхъ отношеній Лейбница къ Софіи-Шарлоттѣ.

«Я полагаю,—пишетъ онъ,—что истинную добродѣтель легче найти у молодой принцессы, окруженной приманками свѣта, чѣмъ у суровой отшельницы Антуанетты Бургиньонъ, которая пишетъ книги о добродѣтели, никогда не имѣвъ случая примѣнить ее на дѣлѣ. Легко изобразить изъ себя недоступную (prude), когда достигнешь извѣстнаго возраста. Девяносто лѣтъ — отличное средство противъ мірскихъ искушеній. Молю Бога сохранить жизнь вашего высочества до возраста, когда люди по природѣ становятся святыми, но пока желаю вамъ раздѣлять радости великаго монарха»

До 1697 года бранденбургскій курфюрстъ всецѣло подчинялся вліянію своего министра Данкельмана, который тщательно устранялъ Софію-Шарлотту отъ всякаго вліянія на дѣла. Она всецѣло посвятила себя дѣлу воспитанія своего сына, котораго нѣжно любила, и увлекалась музыкой. Лейбницъ мало зналъ о внутренней жизни молодой женщины и былъ чрезвычайно пріятно удивленъ, когда узналъ, что она живо интересуется не только религіозными

*) Нѣсколько лѣтъ спустя (1699) Лейбницъ, по порученію той же герцогини Софіи (въ то время Ганноверъ сталъ уже курфюршествомъ), написалъ строгій выговоръ суперинтенденту Гейнсону за то, что этотъ фанатическій пасторъ жестоко преслѣдовалъ такъ наз. пietистовъ, требуя содѣйствія полиціи Лейбницъ написалъ между прочимъ: «Безъ отлученія со стороны папы Льва X, Лютеръ не зашелъ бы такъ далеко, а безъ своего рода инквизиціи, которую устроили въ Лейпцигѣ, не было бы никакой исторіи съ пietистами. Если правда, что язва ереси, какъ вы пишете курфюрстинѣ, захватила лучшую часть подданныхъ, то было бы нелѣпо отсѣчь эту лучшую часть и истребить ее».

и политическими вопросами, но и труднѣйшими философскими и научными изслѣдованіями.

По смерти отца Софіи-Шарлотты, положеніе Лейбница въ Ганноверѣ стало значительно хуже прежняго. Преемникъ Эрнста-Августа не умѣлъ цѣнить философа и относился къ нему, какъ къ обыкновенному придворному чиновнику и оффиціальному исторіографу брауншвейгскаго дома. Онъ надоѣдалъ Лейбницу, торопя его окончаніемъ труда, который долженъ былъ прославить его династію. Лейбницъ сталъ съ тѣхъ поръ стремиться въ Берлинъ. Различныя соображенія побуждали его къ этому. Со смертію Эрнста-Августа отношенія между Ганновером и Бранденбургомъ стали улучшаться. Въ Ганноверѣ вліяла на дѣла герцогиня Софія, въ Берлинѣ все болѣе пріобрѣтала вліяніе ея дочь, Софія-Шарлотта. Послѣдней удалось наконецъ восторжествовать надъ интересами временщика Данкельмана: всесильный министръ палъ, и съ тѣхъ поръ политика Бранденбурга по отношенію къ Ганноверу приняла примирительный характеръ. Лейбницъ увидѣлъ въ этомъ первый шагъ къ осуществленію своихъ новыхъ объединительныхъ плановъ. Стараясь воспользоваться удобнымъ моментомъ, онъ написалъ герцогинѣ Софіи и въ то же время ея дочери, предлагая себя въ качествѣ посредника между обоими государствами. Лейбницъ просилъ Софію устроить его тайную миссію въ Берлинъ, куда онъ долженъ былъ, по его плану, постоянно пріѣзжать будто бы съ научными цѣлями, въ качествѣ библіотекаря, завѣдывавшаго книгохранилищами Ганновера и Вольфенбюттеля. По обыкновенію у Лейбница при этомъ явились сотни плановъ. Главнымъ изъ нихъ былъ давно задуманный имъ проэктъ основанія германской академіи наукъ. Потерпѣвъ неудачу въ Вѣнѣ, онъ теперь желалъ основать академію въ Берлинѣ. Лейбницу сообщили, что Софія-Шарлотта, въ бесѣдѣ съ придворнымъ проповѣдникомъ Яблонскимъ, выразила свою радость по поводу процвѣтанія академіи художествъ и въ то же время сказала, что желала бы устроить въ Берлинѣ, по примѣру Парижа, астрономическую обсерваторію. Лейбницъ тотчасъ написалъ своей бывшей ученицѣ восторженное письмо. «Науку я ставлю выше всего въ мірѣ,—пишетъ онъ,—но для плодотворной научной дѣятельности необходима правильная организація. Въ связи съ обсерваторіей необходимо поэтому основать академію наукъ».

Это письмо Лейбницъ написалъ въ ноябрѣ 1697 года. Съ тѣхъ поръ его переписка съ Софіей-Шарлоттой прекращалась лишь на время ихъ частыхъ и продолжительныхъ свиданій. Извѣстно 164

писемъ, написанныхъ съ обѣихъ сторонъ втеченіи семи лѣтъ; на самомъ дѣлѣ ихъ было гораздо болѣе, потому что мужъ Софіи-Шарлотты (съ 1701 года король прусскій) по смерти жены приказалъ сжечь всю ея корреспонденцію. Уцѣлѣло лишь то, что было сохранено Лейбницемъ и матерью, которая на нѣсколько лѣтъ пережила дочь.

Переписка Лейбница съ Софіей-Шарлоттой представляетъ лишь блѣдное отраженіе той высокой взаимной любви. которая существовала между ними. Въ Берлинѣ и въ Лютценбургѣ Лейбницъ проводилъ нерѣдко цѣлые мѣсяцы вблизи королевы; онъ провожалъ ее также въ Герренгаузенъ къ ея матери. Въ письмахъ королевы, при всей ея сдержанности, нравственной чистотѣ и сознаніи своего долга передъ мужемъ, никогда ея не цѣнившимъ и не понимавшимъ, въ этихъ письмахъ постоянно прорывается сильное чувство. «Надѣюсь, что вы сюда уже мчитесь,—пишетъ она въ одномъ письмѣ.— Я ожидаю васъ съ нетерпѣніемъ». «Вы не можете себѣ представить, какъ я желаю васъ видѣть, какъ я цѣню бесѣды съ вами; я жду васъ съ невообразимымъ нетерпѣніемъ», — сказано во второмъ письмѣ. Немного погодя, Лейбницъ получаетъ третье письмо уже отъ Пёллницъ, фрейлины и подруги королевы. «Умоляю васъ, скорѣе пріѣзжайте,— пишетъ Пёллницъ.—Помимо того, что ваше присутствіе пріятно мнѣ, умоляю васъ, какъ преданная слуга ея величества. Вы сдѣлаете доброе дѣло, здѣсь у королевы нѣтъ живой души, съ которою можно было бы перекинуться словомъ». Новый ганноверскій курфюрстъ, братъ Софіи-Шарлотты, даже иронизировалъ надъ отношеніями своей сестры къ Лейбницу и досадовалъ, замѣчая, что королева отвлекаетъ Лейбница отъ составленія исторіи его династіи. Въ 1703 году онъ пишетъ: «Господинъ Лейбницъ, по которомъ такъ страдаетъ королева, не здѣсь, хотя я велѣлъ устроить для него квартиру. Если его спрашиваютъ, отчего его никакъ нельзя видѣть, у него всегда готово извиненіе, что онъ будто бы работаетъ надъ своей невидимой книгой».

У Лейбница дѣйствительно явились занятія болѣе интересныя, чѣмъ исторія брауншвейгскаго дома. Кромѣ заботъ объ устройствѣ Берлинской академіи наукъ, онъ занимался важными политическими вопросами. Когда началась война за испанское наслѣдство, прусскій король, мужъ Софіи-Шарлотты, и курфюрстъ брауншвейгъ-люнебургскій, ея братъ, были на сторонѣ императора, тогда какъ южно-германскіе нѣмецкіе курфюрсты и герцоги получали субсидіи отъ Людовика XIV и готовы были напасть на

Пруссію. Необходимо было предупредить опасность поспѣшнымъ соглашеніемъ между Пруссіей и Брауншвейгъ-Люнебургомъ. Этотъ такъ называемый «вольфенбюттельскій вопросъ» былъ рѣшенъ королевою съ помощью Лейбница—король почти не вмѣшивался въ важнѣйшія государственныя дѣла.

Въ то время, какъ король устраивалъ пышныя придворныя празднества, на которыхъ Софія-Шарлотта скучала и томилась, королева любила сельскую тишь, прогулки въ своемъ Лютценбургскомъ саду, музыку, пѣніе, чтеніе философскихъ сочиненій въ тѣсномъ избранномъ кругу друзей. Она была слабаго здоровья и нѣжнаго тѣлосложенія. Отъ матери она унаслѣдовала легкій юморъ, бодрость и свѣжесть духа. Гордость соединялась въ ней съ задушевностью, привѣтливостью и полной неспособностью къ притворству. Она была жива и остроумна въ бесѣдахъ и любила слушать *богословскіе споры*.

Для Софіи-Шарлотты богословіе было не только предметомъ развлеченія. Ея глубокая натура относилась къ богословскимъ вопросамъ съ широкой философской точки зрѣнія, для нея это былъ вопросъ: что есть истина? Когда ей было двадцать лѣтъ, произошло важное міровое событіе — вторая англійская революція, приведшая съ собою эпоху Вильгельма III. Принципъ свободы мысли получилъ въ Англіи широкое примѣненіе, возникъ деизмъ, явился Толандъ. Въ области философіи былъ совершенъ переворотъ знаменитымъ Локкомъ. Въ то же время въ Голландіи началась дѣятельность одного изъ крупнѣйшихъ французскихъ мыслителей, Петра Бэйля Это— *начало восемнадцатаго столѣтія*.

Въ 1700 году Софія-Шарлотта съ матерью поѣхала въ Нидерланды. Онѣ посѣтили Гаагу, гдѣ лично познакомились съ Бэйлемъ и по цѣлымъ часамъ бесѣдовали съ нимъ. По возвращеніи королевы, какъ разъ въ то время, когда она жила въ обществѣ Лейбница въ Лютценбургѣ, было напечатано новое, значительно дополненное изданіе «Философскаго Словаря» Бэйля. Королева прочла это замѣчательное произведеніе вмѣстѣ съ Лейбницемъ. Они вмѣстѣ обсуждали вопросы, возбужденные Бэйлемъ. Не слѣдуетъ думать, что Софія-Шарлотта была только ученицей, благоговѣвшей передъ каждымъ словомъ учителя. Подобно своей матери, она отличалась умомъ, чрезвычайно здравымъ, яснымъ и нерѣдко сразу схватывавшимъ то, что ставило втупикъ философовъ. Ея здравый смыслъ часто отыскивалъ дорогу тамъ, гдѣ, по выраженію Лейбница, «кончалась латынь философовъ». Еще мать королевы, узнавъ отъ Лейбница основанія его

«монадологіи», не безъ остроумія замѣтила: «Одного не могу понять, какимъ образомъ единица можетъ включать въ себѣ то, чего не включаетъ совокупность единицъ? Я всегда думала, что четыре талера больше, чѣмъ одинъ талеръ». Софія-Шарлотта также не увѣровала слѣпо въ монадологію. Математическіе доводы въ философіи казались ей неясными. Она сознавалась, что не знаетъ математики и быть можетъ поэтому ей не все ясно. Поверхностныхъ и такъ наз. «популярныхъ» объясненій она не выносила по добросовѣстности натуры и пытливости ума. Въ одномъ письмѣ къ своей вѣрной Пёльницъ она пишетъ: «Вотъ письмо Лейбница. Я люблю этого человѣка, но я готова на него сердиться за то, что онъ не довѣряетъ моимъ способностямъ и такъ поверхностно объясняетъ мнѣ предметы, которые серьезно интересуютъ меня». Въ своемъ письмѣ Лейбницъ объяснялъ ей между прочимъ теорію безконечно малыхъ, но ограничился самыми общими фразами. Королева шутитъ по этому поводу, говоря, что она болѣе кого бы то ни было знакома съ безконечно малыми—достаточно посмотрѣть на нѣкоторыхъ льстивыхъ и невѣжественныхъ придворныхъ. Въ другомъ письмѣ Лейбницъ развивалъ свою теорію страстей и аффектовъ, стараясь доказать, что страсти не что иное, какъ смутныя представленія. Королева пишетъ своей Пелльницъ: «Великій Лейбницъ! Ты говоришь прекрасныя истины! Ты нравишься, убѣждаешь, но не исправляешь».

Основаніе академіи наукъ въ Берлинѣ окончательно сблизило Лейбница съ королевой. Мужъ Софіи-Шарлотты мало интересовался философіей Лейбница, но проэктъ основанія академіи наукъ показался ему интереснымъ. 18-го марта 1700 года Фридрихъ III (въ то время еще курфюрстъ) подписалъ декретъ объ основаніи академіи и обсерваторіи. Два дня спустя Лейбницъ былъ приглашенъ въ Берлинъ, куда, нѣсколько раньше его, пріѣхала гостившая въ Ганноверѣ Софія-Шарлотта. Кромѣ вопроса объ академіи, въ Берлинѣ были заняты свадебными торжествами: дочь курфюрста отъ перваго брака выходила замужъ. Для Фридриха III это было поводомъ къ устройству необычайно пышныхъ торжествъ, длившихся четыре недѣли.

Изъ Парижа и Милана были нарочно выписаны пѣвцы и танцоры; маскарады смѣнялись балами, балы оперетками. Софія-Шарлотта не вынесла такого продолжительнаго веселья и на время оставила Берлинъ. Лейбницъ не могъ уѣхать и писалъ ей:

«Былъ на оперетке: очень веселыя аріи. Даже такому профану въ музыкѣ, какъ я, это можетъ нравиться. Вчера лишь въ три часа ночи пріѣхалъ въ Лютценбургъ: веду образъ жизни, который курфюрстина (мать Софіи-

Шарлотты) называетъ распущеннымъ Я совершенно сбитъ съ толку и внѣ своей стихіи»

11-го іюля того же года, въ день рожденія Фридриха, была торжественно открыта Берлинская академія наукъ, и Лейбницъ назначенъ первымъ ея президентомъ Не обошлось безъ новыхъ празднествъ и маскарадовъ. На этотъ разъ маскарадъ былъ совсѣмъ особенный. Маркграфъ Христіанъ-Людвигъ изображалъ торговца и открылъ лавочку, въ которой продавалъ колбасу и копченый языкъ, маркграфъ Альбертъ танцовалъ на канатѣ, графъ Сольмсъ прыгалъ черезъ веревочку, одинъ изъ принцевъ изображалъ фокусника. Это была настоящая балаганная пародія на версальскихъ маркизовъ и пастушекъ. На этотъ разъ и Софія-Шарлотта веселилась отъ души, изображая докторшу, и самого Лейбница хотѣли нарядить астрологомъ, но онъ уперся и былъ очень радъ, когда эту роль принялъ на себя графъ Виттгенштейнъ. Лейбницъ описалъ все это празднество немножко юмористически, но съ восторженными отзывами о Софіи-Шарлоттѣ, и ей такъ понравилось это письмо, что она послала копіи матери въ Ганноверъ и герцогинѣ Орлеанской въ Версаль.

Лейбницъ написалъ по случаю открытія академіи два мемуара, въ которыхъ выставилъ національное значеніе этого учрежденія для всего германскаго міра. Не мѣшаетъ замѣтить, что къ этому времени Лейбницъ значительно повернулъ въ сторону національныхъ теченій, сталъ рѣзко возставать противъ «прошлогоднихъ французскихъ платьевъ» и вообще всякаго рабскаго подражанія Франціи. Любопытно, что въ послѣдніе годы XVII вѣка Лейбницъ все чаще пишетъ по-нѣмецки, слогъ его постепенно освобождается отъ варварскихъ латинскихъ и французскихъ примѣсей, пріобрѣтая вмѣстѣ съ этимъ мужественность и силу. Хотя свои главныя сочиненія онъ продолжаетъ писать по-французски и по-латыни, но и однихъ нѣмецкихъ сочиненій Лейбница, написанныхъ въ XVIII вѣкѣ, было бы достаточно для того, чтобы составить славу крупнаго писателя, особенно если принять во вниманіе, что многія письма Лейбница стоятъ ученыхъ трактатовъ. а изъ этихъ писемъ не мало есть и нѣмецкихъ.

Въ своей второй запискѣ объ академіи Лейбницъ говоритъ, что новое учрежденіе должно быть пропитано нѣмецкимъ духомъ. Онъ не желаетъ, чтобы Берлинская академія была копіей съ парижской. Своеобразной чертой нѣмецкой академіи должно быть, по мнѣнію Лейбница, гармоничное сочетаніе теоріи съ практикой. Наука должна быть не оторванной отъ жизни. но примѣненной къ нуждамъ граж-

данскаго общества. Лейбницъ порицаетъ науку, основанную на простомъ любопытствѣ и жаждѣ къ знанію ради знанія. Не слѣдуетъ, говоритъ онъ, дѣлать безплодныхъ опытовъ, не могущихъ имѣть примѣненій, что̀ мы часто видимъ въ Парижѣ, въ Лондонѣ и во Флоренціи. Въ академіи теорія должна идти рука объ руку съ практикой, надо заботиться не только объ искусствахъ и наукахъ, но и о сельскомъ хозяйствѣ, ремеслѣ, «словомъ—объ улучшеніи всякаго рода средствъ къ прокормленію». У самого Лейбница дѣло было соединено со словомъ, теорія съ практикой. Едва вступивъ на постъ президента Берлинской академіи, онъ взялся за такой чисто практическій вопросъ, какъ разведеніе шелковичныхъ деревьевъ. Лейбницъ былъ убѣжденъ въ возможности устройства въ Пруссіи шелковичныхъ плантацій и предпринялъ рядъ опытовъ, впослѣдствіи забытыхъ и возобновленныхъ лишь Фридрихомъ Великимъ. Чрезвычайно занимали Лейбница также вопросы практической медицины. Онъ былъ невысокаго мнѣнія о тогдашнихъ нѣмецкихъ врачахъ (въ Пруссіи были почти одни военные врачи и хирурги), но слѣдилъ за каждымъ медицинскимъ открытіемъ. Такъ, Лейбницъ одинъ изъ первыхъ занялся вопросомъ о цѣлебныхъ свойствахъ привезенной изъ Америки ипекакуаны. Онъ энергически оспаривалъ извѣстнаго Сталя, проповѣдывавшаго утрированный «психическій принципъ» и относившагося съ презрѣніемъ къ анатоміи. Лейбницъ наоборотъ считалъ анатомію основаніемъ медицины. Въ эпоху, когда военное искусство считалось благороднѣйшимъ изъ всѣхъ, Лейбницъ заявилъ, что медицинская наука выше военной, и говаривалъ, что если бы врачи были въ такомъ же почетѣ, какъ великіе полководцы, то конечно медицина стояла бы высоко.

Вопросъ о народныхъ школахъ также занималъ Лейбница. Въ этомъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, его предупредилъ бывшій его учитель, іенскій профессоръ Вейгель, который въ 1696 г. объѣхалъ всю Германію, изучая положеніе весьма жалкихъ въ то время протестантскихъ народныхъ школъ. Вейгель однако не обратился къ Лейбницу, на котораго разгнѣвался за то, что Лейбницъ не поддержалъ присланнаго имъ проэкта переименованія созвѣздій по гербамъ владѣтельныхъ домовъ. Черезъ третьихъ лицъ Лейбницъ однако узналъ о новомъ планѣ Вейгеля относительно преобразованія народныхъ школъ, отнесся къ этой мысли чрезвычайно сочувственно и пожалѣлъ о томъ, что Вейгель не обратился къ нему. «Впрочемъ,—сказалъ Лейбницъ,—кто меня знаетъ только по моимъ изданнымъ книгамъ, тотъ меня не знаетъ». Вейгель въ томъ же году умеръ, но

Лейбницъ продолжалъ его дѣло и много содѣйствовалъ улучшенію народнаго образованія и въ Пруссіи, и въ Ганноверѣ.

Первые годы XVIII столѣтія было счастливѣйшей эпохой въ жизни Лейбница. Въ 1700 году ему исполнилось пятьдесятъ четыре года. Онъ находился на верху своей славы, не долженъ былъ думать о насущномъ хлѣбѣ, былъ независимъ, могъ спокойно предаваться своимъ любимымъ философскимъ занятіямъ, и что всего важнѣе его жизнь согрѣвалась высокой, чистой любовью женщины-вполнѣ его достойной по уму, нѣжной и кроткой, безъ излишней чувствительности, свойственной многимъ нѣмецкимъ женщинамъ, смотрѣвшей на міръ просто и ясно. Любовь такой женщины, философскія бесѣды съ нею, чтеніе произведеній другихъ философовъ, особенно Бейля, все это не могло не повлять на дѣятельность самого Лейбница. Какъ разъ въ то время, когда Лейбницъ возобновилъ сношенія съ своей бывшей ученицей, онъ работалъ надъ системой предустановленной гармоніи» (1693—1696). Бесѣды съ Софіей-Шарлоттой о скептическихъ разсужденіяхъ Бейля навели его на мысль написать полное изложеніе своей собственной системы. Онъ работалъ надъ «Монадологіей» и надъ «Теодицеей»; въ послѣднемъ трудѣ прямо отразилось вліяніе великой женской души; но королева Софія-Шарлотта не дожила до окончанія этого труда.

Она медленно сгорала отъ хронической болѣзни и задолго до смерти привыкла къ мысли о возможности умереть въ молодости.

«Я на этотъ счетъ спокойна,—писала она Лейбницу еще въ началѣ 1700 года.—Я убѣждена, что будущаго я должна менѣе бояться, чѣмъ настоящаго. По опыту знаю, что мое тѣло подвержено страданіямъ, а будущее состояніе души я не могу представить себѣ въ такомъ печальномъ видѣ, какъ насъ хотятъ увѣрить иные люди. Болязнь чорта никогда еще мнѣ не внушала страха къ смерти. Вы знаете давно, сколько во всемъ этомъ есть истины, и мы будемъ съ вами весело говорить о предметѣ, который не можетъ имѣть серьезнаго значенія для человѣка, подобнаго вамъ, проникающаго въ причины вещей... Поспѣшите пріѣздомъ изъ милосердія къ бѣдной Пелльницъ, которая теперь изучаетъ математику и совсѣмъ потеряетъ голову, если вы не придете къ ней на помощь. Что касается меня я довольствуюсь созерцаніемъ фигуръ и чиселъ. всѣ эти вещи для меня, то же, что греческій языкъ. Только о *единицѣ* (монадѣ) я, благодаря вашимъ стараніямъ, имѣю маленькое понятіе».

Въ началѣ 1705 года королева Софія-Шарлотта поѣхала къ матери. Лейбницъ, противъ обыкновенія, не могъ сопровождать ее. Въ дорогѣ она простудилась и послѣ непродолжительной болѣзни 1-го февраля 1705 г. для всѣхъ неожиданно умерла. Внукъ ея, Фридрихъ Великій, сохранилъ въ своихъ мемуарахъ трогательныя подробности

ея послѣднихъ минутъ. Одна изъ ея придворныхъ дамъ, видя, что королевѣ дурно, стала горько плакать.

— Не плачьте обо мнѣ,—сказала умирающая,—я теперь счастлива: вскорѣ я буду въ состояніи удовлетворить свою любознательность о первыхъ причинахъ всѣхъ вещей, о пространствѣ, о безконечности, обо всемъ, чего Лейбницъ не могъ мнѣ объяснить, о бытіи и о ничтожествѣ; а король, мой супругъ, будетъ радъ удобному предлогу обнаружить на моихъ похоронахъ свою любовь къ блеску и роскоши».

Лейбницъ былъ подавленъ горемъ. Единственный разъ въ жизни ему измѣнило обычное спокойствіе духа. Привязанность королевы къ Лейбницу была настолько общеизвѣстна, глубокое горе философа стояло настолько выше всякихъ придворныхъ сплетенъ и интригъ, что посланники всѣхъ иностранныхъ державъ и другія лица сочли своимъ долгомъ сдѣлать Лейбницу визиты съ выраженіемъ соболѣзнованія объ испытанной имъ утратѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ полученія горестнаго извѣстія Лейбницъ писалъ дѣвицѣ Пёльницъ:

«Я не плачу и не ропщу, но не знаю, что мнѣ дѣлать. Порою мнѣ кажется, что смерть королевы это мое сновидѣніе: но, очнувшись, я слишкомъ чувствую, что все это истина. Ваше горе не меньше моего, но вы еще живѣе чувствуете, потому что вы были подлѣ нея.. Мое письмо болѣе философскаго характера, чѣмъ мое сердце.. Почтить память лучшей изъ королевъ слѣдуетъ не мрачной тоской, а тѣмъ, что мы будемъ стремиться подражать ея идеалу».

Тогда же онъ пишетъ генералу Шуленбургу:

«Хотя умъ мой говоритъ мнѣ, что всякія жалобы напрасны, и что лучше почитать память королевы, чѣмъ жалѣть о ней, но моя сила воображенія постоянно заставляетъ меня видѣть королеву со всѣми ея совершенствами и говоритъ мнѣ. что она у насъ отнята, и что я потерялъ самое величайшее счастіе, на какое могъ разсчитывать, по человѣческимъ соображеніямъ, на всю свою жизнь».

Дѣйствительно, философъ могъ думать, что королева переживетъ его. Лейбницъ былъ на тридцать лѣтъ старше Софіи-Шарлотты: когда она умерла, ему было почти 59 лѣтъ. Въ первые мѣсяцы послѣ ея смерти онъ не могъ заниматься ни философіей, ни наукой, бросилъ все; написалъ нѣсколько писемъ близкимъ людямъ, затѣмъ прекратилъ даже свою обширную корреспонденцію и жилъ воспоминаніями о ней. Лишь въ іюлѣ Лейбницъ нѣсколько приходитъ въ себя и пишетъ письма; въ каждомъ письмѣ звучитъ опять скорбь. Онъ пишетъ (по-латыни) богослову Готтону съ Кембриджъ:

«Моя обычная переписка съ вами и другими друзьями потерпѣла перерывъ вслѣдствіе смерти королевы. Она была ко мнѣ необыкновенно приви-

зана и часто искала моего общества, такимъ образомъ я часто наслаждался бесѣдами съ этой королевой, самой талантливой и самой привѣтливой изъ всѣхъ когда либо жившихъ. Избалованный этимъ драгоцѣннымъ счастьемъ, я не только раздѣлялъ всеобщую печаль, но, по причинамъ самаго частнаго характера, испыталъ сильнѣйшее горе... Я былъ близокъ къ опаснѣйшей болѣзни и едва оправился Невѣроятны были у королевы способности къ пониманію труднѣйшихъ вещей и стремленіе къ расширенію знаній, и она со мною вела бесѣды, въ которыхъ еще болѣе могла бы удовлетворить своей любознательности, къ немалой пользѣ и для общества, если бы смерть не прервала все».

Съ мая по октябрь Лейбницъ былъ постоянно боленъ. Въ ноябрѣ онъ пріѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ король Фридрихъ, какъ бы исполняя предсмертныя слова жены, опять устроилъ пышныя празднества.

Лейбницъ противъ воли долженъ былъ приходить, но уходилъ разстроенный, негодующій.

Онъ описалъ королеву и въ прозѣ, и въ лучшемъ изъ своихъ стихотвореній.

«Она ни къ кому не относилась пренебрежительно или рѣзко и не любила, чтобы другіе такъ относились въ ея присутствіи. Привѣтливость ея очаровывала всѣхъ . Она рѣдко гнѣвалась и не знала чувства мщенія; разсердить ее было трудно, примирить—легко, объ ней говорили, что она по характеру голубка, такъ мало въ ней было желчи и горечи. Ложь и клевета еще въ дѣтствѣ были ей противны. Радовать всѣхъ и всѣхъ видѣть счастливыми—въ этомъ была радость ея сердца; чужое несчастье было ея горемъ».

Въ поэтической формѣ Лейбницъ пытался воспроизвесть свое ученіе о душѣ, вытекающее изъ основаній его философіи.

«Это солнце болѣе невидимо,—пишетъ онъ—свѣтъ высокаго ума, блескъ истинной добродѣтели, яркое сіяніе красоты—все погасло! Каждый духъ представляетъ собою цѣлое зданіе вселенной, какъ будто отраженное въ одномъ зеркалѣ ..Онъ—изображеніе творенія и былъ его цѣлью .. Что такое истинная любовь, какъ не наслажденіе совершенствомъ того, что мы любимъ?»

Но главный литературный памятникъ Софіи-Шарлоттѣ поставилъ Лейбницъ въ своей «Теодицеѣ».

VIII.

Философское ученіе Лейбница

Въ послѣднемъ десятилѣтіи XVII вѣка (1695—97) былъ напечатанъ «Историческій и критическій словарь» Бейля, получившій названіе «библіи скептицизма»,—книга, произведшая огромное впечатлѣніе на тогдашній ученый міръ и на публику и оказавшая значительное вліяніе на бо́льшую часть писателей XVIII столѣтія. Двѣ

основныя идеи господствуютъ въ этомъ сочиненіи: начало религіозной терпимости и мысль, что огромное большинство догматическихъ положеній, какъ богословскихъ, такъ и чисто философскихъ, приводитъ къ неразрѣшимымъ противорѣчіямъ и потому должны быть признаваемы болѣе или менѣе сомнительными.

Многія изъ мыслей Бэйля произвели глубокое впечатлѣніе на Софію-Шарлотту, и, по ея просьбѣ, Лейбницъ задумалъ написать опроверженіе этихъ скептическихъ воззрѣній. По вопросу о религіозной терпимости мнѣнія Бэйля совпадали съ его собственными; но скептицизмъ подкапывалъ основы его оптимистическаго міросозерцанія. Бороться съ такимъ сильнымъ умомъ казалось Лейбницу долгомъ совѣсти, и просьбы Софіи-Шарлотты ускорили его рѣшимость. Самъ Лейбницъ пишетъ объ этомъ въ предисловіи къ «Теодицеѣ»:

«Бесѣды со многими учеными .. но главнымъ образомъ съ одною изъ величайшихъ и совершеннѣйшихъ монархинь привели автора къ этому рѣшенію... Королева настоятельно требовала, чтобы онъ исполнилъ свое давнишнее намѣреніе; нѣкоторые друзья присоединились къ ея голосу... Многія препятствія замедлили работу, и болѣе всего смерть несравненной королевы. Между тѣмъ Бэйль подвергся нападкамъ многихъ замѣчательныхъ людей. — Онъ отвѣчалъ подробно и всегда весьма умно. Я внимательно слѣдилъ за этимъ споромъ и самъ почти былъ увлеченъ имъ.»

Чтобы понять «Теодицею» Лейбница, необходимо ознакомиться съ основными началами его философіи, съ его ученіемъ о монадахъ. Лишь поверхностная и близорукая критика могла утверждать, что между «Монадологіей» и «Теодицеей» нѣтъ никакой связи, что у Лейбница философія сама по себѣ, а богословіе само по себѣ. Были даже критики, утверждавшіе, что самъ Лейбницъ въ сущности пантеистъ вродѣ Спинозы, что онъ писалъ «Теодицею», самъ себѣ не вѣря или желая себя утѣшить послѣ смерти королевы. Такое раздвоеніе или самообольщеніе до такой степени чуждо цѣлостной и гармоничной натурѣ Лейбница, что почти не вѣрится, чтобы люди, разсуждающіе такимъ образомъ, читали то, о чемъ они пишутъ. А между тѣмъ въ числѣ такихъ критиковъ есть даже переводчики и усердные комментаторы Лейбница, какъ напр. новѣйшій писатель Гоббсъ.

Монадологія Лейбница есть первая попытка основать ученіе, извѣстное въ наше время подъ именемъ *эволюціонизма* или теоріи постепеннаго развитія. Было уже указано на тѣснѣйшую связь этой теоріи съ открытымъ Лейбницемъ методомъ дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія. *Развитіе* есть накопленіе или суммированіе безконечно малыхъ измѣненій, подверженныхъ извѣстному

закону и въ концѣ концовъ дающихъ «конечное» или замѣтное измѣненіе. Не даромъ новѣйшіе эволюціонисты избрали выраженія: «дифференціація» и «интеграція» для обозначенія основныхъ процессовъ развитія. Конечно возможны и пантеистическія, и даже атеистическія міросозерцанія, признающія гипотезу развитія; но въ томъ видѣ, какъ она обоснована Лейбницемъ, самымъ естественнымъ увѣнчаніемъ системы является теизмъ и при томъ въ монотеистической формѣ, потому что, по ученію Лейбница, божество есть не что иное, какъ наиболѣе совершенная изъ всѣхъ монадъ.

Что такое *монада?* Это не «единица» въ ариѳметическомъ смыслѣ слова, потому что въ ариѳметикѣ единица есть понятіе относительное: данная единица состоитъ изъ меньшихъ единицъ, всякая ариѳметическая единица *дѣлима*. «Не будь этого,—писалъ Лейбницъ королевѣ Софіи-Шарлоттѣ,—въ ариѳметикѣ, къ величайшей радости школьниковъ, совсѣмъ не существовало бы дробей». Монада—не атомъ въ смыслѣ древнихъ атомистовъ, которыхъ Лейбницъ называетъ «корпускулярными философами», отъ слова corpusculus—тѣльце, атомъ. Атомы Демокрита и Эпикура, Гассенди и Гоббса *матеріальны*, поэтому протяженны и *дѣлимы*, ихъ (говоритъ Лейбницъ) только по недоразумѣнію называютъ атомами (недѣлимыми). Монады Лейбница это «метафизическія» единицы, абсолютно недѣлимыя, подобно математическимъ точкамъ. Сущность монады составляетъ не число, а *сила*, и если метафизическій языкъ Лейбница перевести, насколько это возможно, на языкъ современной науки, то окажется, что монады не что иное, какъ *центры силъ*. Лейбницъ опредѣляетъ ихъ еще какъ «атомы субстанціи». Но «субстанція» Лейбница не есть протяженная субстанція Декарта. Всѣ субстанціи, по Лейбницу, суть силы. Монады имѣютъ существенно динамическій и при томъ телеологическій (цѣлесообразный) характеръ. Онѣ не только недѣлимыя единицы, но и *индивидуумы*, существа вполнѣ самостоятельныя, первобытныя и способныя къ непрерывному развитію. Это ученіе прямо противоположно *пантеизму*, т. е. всеобъемлющему единому принципу, но ни мало не противорѣчитъ монотеизму, конечно существенно отличающемуся отъ каноническихъ ученій. Въ то же время оно рѣзко отличается и отъ дуалистической философіи Декарта, проводящей непроходимую пограничную черту между духомъ и матеріей. Господствующее въ философіи Лейбница понятіе силы является въ ней посредствующимъ звеномъ между міромъ матеріальнымъ и духовнымъ: сила не есть ни духъ, ни матерія, ни

принципъ, безъ котораго немыслимо ни духовное, ни матеріальное. Монада включаетъ въ себѣ и духовный и матеріальный принципы. Монады не могутъ ни возникнуть, ни погибнуть. Лейбницъ называетъ ихъ ingénérables et incorruptibles. Онѣ также древни, какъ самый міръ: ни одна не возникла раньше другой, ни одна не исчезла и не исчезнетъ. «Поэтому сумма вселенной всегда одна и та же». Сотвореніе монады было бы необъяснимымъ чудомъ. Изъ принципа постоянства и сохраненія монады вытекаетъ принципъ: «сумма всѣхъ движущихъ силъ природы постоянна, въ природѣ всегда сохраняется одно и то же количество живой силы». Это утвержденіе Лейбница первый и не полный шагъ къ установленію принципа сохраненія энергіи. (Ньютонъ въ свою очередь содѣйствовалъ открытію этого принципа своимъ закономъ дѣйствія и противодѣйствія)

Монады не тожественны между собою по природѣ но, наоборотъ, существенно различны. Міръ состоитъ изъ непрерывнаго ряда монадъ, различныхъ между собою по степени совершенства, но въ то же время безконечно разнообразныхъ. Въ природѣ нѣтъ скачковъ, есть лишь постепенные переходы. Тоны гаммы не единственно возможные музыкальные звуки: между двумя смежными тонами можно вставить безконечное число промежуточныхъ тоновъ. Лейбницъ не допускаетъ существованія абсолютно пустого пространства и сообразно съ этимъ полагаетъ, что и между монадами нѣтъ пустыхъ промежутковъ, нѣтъ «метафизической» пустоты.

Между природой и духомъ, между безсознательнымъ существомъ и сознательнымъ нѣтъ противоположности или непроходимой бездны, но есть безчисленное множество переходныхъ ступеней. Эта идея послужила для Лейбница источникомъ для открытія весьма важнаго психологическаго принципа, сохранившаго значеніе до новѣйшаго времени и послужившаго источникомъ философскаго вдохновенія для Гартманна и многихъ модныхъ философовъ. Лейбницъ первый установилъ понятіе объ *апперцепціи* въ отличіе отъ *перцепціи*, о сознаніи въ отличіе отъ безсознательнаго воспріятія или представленія (оба эти термина, взятые сами по себѣ, не совсѣмъ точно передаютъ понятіе о перцепціи). Самъ Лейбницъ даетъ такое опредѣленіе: «Перцепція есть внутреннее состояніе монады, какъ обладающей представленіемъ внѣшняго міра (по Лейбницу, перцепція свойственна всѣмъ монадамъ). Апперцепція есть сознаніе (conscience) или рефлексивное познаніе этого внутренняго состоянія (connaissance réflexive de cet état intérieur), и это сознаніе

дано не всѣмъ монадамъ». Самосознающая монада, въ противоположность монадѣ, обладающей лишь неясною силою представленія, обладаетъ яснымъ представленіемъ. Такая сознательная монада и есть духъ. Помимо сознательныхъ представленій есть, стало быть, *представленія безсознательныя*. (Это ученіе и послужило исходнымъ пунктомъ для всѣхъ позднѣйшихъ теорій «безсознательнаго».)

Животныя — не машины, не автоматы, какими ихъ считала школа Декарта; подобно человѣку, они обладаютъ душевными способностями, но не имѣютъ духовной жизни; они — индивидуумы, но не личности. Душа животнаго можетъ представлять, чувствовать, но не *знать*. Животныя обладаютъ памятью; они комбинируютъ впечатлѣнія прошлаго опыта; но они неспособны къ сужденію. Собака, испытавшая ударъ палки, боится палки, потому что соединяетъ съ извѣстнымъ зрительнымъ образомъ воспоминаніе объ испытанной боли, но она не разсуждаетъ и не имѣетъ идеи о причинной связи между ударомъ и палкою. (Это утвержденіе Лейбница подверглось тонкой критикѣ со стороны скептика Бэйля.)

Теорія безсознательныхъ представленій, которыя могутъ быть безконечно малыми (perceptions petites),—это ученіе, состоящее въ очевидной связи и съ монадологіей, и съ дифференціальнымъ исчисленіемъ,—развито Лейбницемъ съ большою силою, и, исходя изъ него, онъ отвергаетъ два крайнихъ ученія, изъ которыхъ одно считало духъ гладкой доской (tabula rasa), на которой внѣшній опытъ, при посредствѣ органовъ чувствъ, пишетъ все, что ему вздумается, тогда какъ другое признало существованіе вполнѣ готовыхъ врожденныхъ идей. Обѣ эти школы, по мнѣнію Лейбница, заблуждались потому, что не имѣли понятія о существованіи *безсознательныхъ* представленій. Раціоналисты ошибались, признавая существованіе первичныхъ *сознательныхъ* представленій; сенсуалисты заблуждались, думая, что вообще никакихъ первичныхъ представленій нѣтъ и быть не можетъ. Думать, что все врожденное непремѣнно познается, есть, по мнѣнію Лейбница, крупная философская ошибка. Врожденное сначала имѣетъ смутный характеръ: нерѣдко требуется много вниманія и развитія для того, чтобы сознать это врожденное. Между врожденнымъ и познаннымъ такое же множество переходныхъ ступеней, какъ между способностью и виртуозностью.

Развивая далѣе свое ученіе, Лейбницъ пришелъ къ важной мысли, что безсознательныя представленія составляютъ даже въ

самомъ развитомъ духовномъ существованіи дополненіе представленій сознательныхъ. Духъ человѣка никогда не вполнѣ бездѣятеленъ, даже во время самаго глубокаго сна. *Какъ только прекращается дѣятельность сознательныхъ представленій, безсознательная душевная жизнь тотчасъ вступаетъ въ свои права*, оставаясь тогда единственно возможной.

Теорія непрерывности развитія приводитъ Лейбница къ утвержденію, что безсознательныя представленія отличаются отъ сознательныхъ лишь по степени; спускаясь постепенно внизъ, онъ находитъ, что сознательныя представленія могутъ дойти до такой безконечно малой величины, когда они становятся недоступными сознанію. «Малыя перцепціи» однако играютъ гораздо бо́льшую роль, чѣмъ можно думать. «Они образуютъ это нѣчто, эти вкусы, эти образы, которые въ цѣломъ ясны, но въ частяхъ смутны... эту связь, соединяющую каждое существо съ остальной вселенной». Такова психологія Лейбница. Изъ нея непосредственно вытекаетъ его своеобразное ученіе о причинности и о свободѣ воли. Здѣсь, какъ и во всей философіи Лейбница, мы видимъ стремленіе устранить роковыя противорѣчія путемъ «гармоническаго» сочетанія противорѣчащихъ принциповъ. Лейбницъ разсѣкаетъ Гордіевъ узелъ, заявляя, что всякая воля опредѣлена закономъ причинности. Вполнѣ безусловной воли не существуетъ. Воля есть врожденное, присущее душѣ стремленіе. Нелѣпо (по мнѣнію Лейбница) утверждать, что наше хотѣніе опредѣлено опять таки хотѣніемъ. Мы не «хотимъ хотѣть», но «хотимъ дѣйствовать»; въ противномъ случаѣ можно было бы идти до безконечности, т. е. сказать, что мы «хотимъ хотѣть хотѣть» и т. д., а это не болѣе, какъ пустое сочетаніе словъ, потому что при такой удаляющейся въ безконечность волѣ мы никогда не дошли бы до ея осуществленія. Отвергая такъ называемое безразличное состояніе воли, Лейбницъ примѣняетъ къ нему басню объ ослѣ, который умеръ съ голода между двумя лугами сѣна, колеблясь въ выборѣ между тѣмъ и другимъ. Этотъ оселъ есть нѣчто нелѣпое и невозможное. На самомъ дѣлѣ ни двѣ половины вселенной, ни двѣ половины самого осла не абсолютно равны и не одинаковы расположены, а потому оселъ непремѣнно пойдетъ въ ту или въ другую сторону. То же относится и къ человѣческой волѣ, хотя она опредѣляется болѣе сложными мотивами, иногда до того сложными, что нашъ разумъ не въ состояніи охватить ихъ въ цѣломъ и анализировать по частямъ. Свобода человѣческой воли есть *независимость*, но не *произволъ*. Независимость эта состоитъ, по

Лейбницу, въ томъ, что человѣкъ, живя сознательной, духовной жизнью, находится подъ-вліяніемъ безчисленныхъ склонностей и стремленій, изъ которыхъ лишь часть представляется его сознанію, но всѣ дѣйствуютъ совокупно, при чемъ ихъ общая равнодѣйствующая и опредѣляетъ то или иное направленіе нашей дѣятельности. «Если я въ данный моментъ пишу эти строки,—говоритъ Лейбницъ,—этотъ мой актъ есть слѣдствіе «склонности», условія которой коренятся весьма глубоко въ моей прошлой душевной жизни. Въ этомъ смыслѣ мой настоящій актъ вполнѣ опредѣленъ и мотивированъ. Но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что онъ необходимъ въ томъ смыслѣ, что я не могъ бы желать во всякую минуту бросить писать, если бы захотѣлъ это сдѣлать? Стоитъ поставить этотъ вопросъ, чтобы отвергнуть такую необходимость».

Здѣсь Лейбницъ кореннымъ образомъ расходится и съ защитниками теоріи абсолютной свободы воли и съ детерминистами, которые повторяютъ изреченіе Спинозы: «человѣкъ полагающій, что онъ свободенъ, подобенъ брошенному камню, который вообразилъ бы, что онъ хочетъ летѣть».

Изъ предшествующаго можно догадаться, что для доказательства бытія верховнаго Существа Лейбницъ прибѣгаетъ къ доводамъ такъ называемаго «космологическаго характера». Существованіе міра, по мнѣнію Лейбница, само по себѣ не могло бы доказать существованія Бога; послѣднее выводится изъ наличности *мирового порядка* Безчисленныя монады—существа, вполнѣ независимыя между собою, развивающіяся каждая по закону своей индивидуальности. Какимъ же образомъ ихъ совмѣстное существованіе даетъ не хаосъ, а порядокъ? По мнѣнію Лейбница, это объяснимо лишь допущеніемъ единой всеобщей причины, направляющей ходъ вещей. Другое доказательство состоитъ въ томъ, что монады представляютъ безчисленныя ступени развитія, поэтому, думаетъ Лейбницъ, должна быть высшая ступень. Эта наивысшая монада и есть божество. Въ качествѣ наивысшей монады, оно обладаетъ и наивысшей свободой воли, наивысшимъ самоопредѣленіемъ. Подобно тому, какъ растеніе не можетъ познать животное, а животное не можетъ познать человѣка, такъ и нашему уму недоступно даже приблизительное познаніе наивысшей монады. Мы въ состояніи имѣть о ней лишь смутныя и неясныя представленія, можемъ понять ея совершенства лишь по аналогіи, сравнивая себя съ существами, которыя ниже насъ.

Всѣ монады, даже самая низшая, вполнѣ независимы по своей

дѣятельности, но не по своему *существованію*. Онѣ дѣйствуютъ собственной силой, но сила эта создана высшею монадою — божествомъ. Божество относится поэтому къ монадамъ во-первыхъ, какъ высшая сила къ низшимъ; во-вторыхъ — какъ творецъ къ своимъ созданіямъ. Какъ наивысшая монада, божество есть идеалъ, конечная цѣль, къ которой стремятся всѣ прочія монады; какъ творческое начало, оно есть конечная причина, производящая всѣ остальныя. Въ качествѣ конечной причины божество обусловливаетъ законъ механической причинности; въ качествѣ идеала, оно создаетъ, своею мудростью и благостью, нравственный законъ. *Механикъ* сооружаетъ машину, *правитель* міра устраиваетъ государство. Поэтому міръ есть не только совершеннѣйшій изъ міровъ по закону физической причинности, но и наилучшій изъ возможныхъ міровъ въ нормальномъ отношеніи. Здѣсь мы видимъ коренной источникъ оптимизма Лейбница. Міровой порядокъ есть дѣйствіе могущества и мудрости совершеннѣйшаго существа; это утвержденіе ставитъ Лейбница въ ряды деистовъ. Но не довольствуясь этимъ, онъ строитъ принципъ, по которому существующій міръ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и наилучшій изъ всѣхъ возможныхъ. Если представляется безчисленное множество возможностей, то лишь одна изъ нихъ можетъ осуществиться посредствомъ выбора. Наивысшее существо можетъ поступать лишь по законамъ благости, согласной съ мудростью, по законамъ справедливости. Творческій актъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ актъ правосудія. Поэтому божество и творитъ тотъ міръ, который имѣетъ наибольшія права на существованіе, т. е. наилучшій изъ возможныхъ міровъ. Всевозможныя возраженія противъ оптимизма, по мнѣнію Лейбница, опровергаются простымъ указаніемъ на существованіе міра. Разъ божество избрало этотъ міровой порядокъ, а не другой, стало быть, онъ и есть наилучшій изъ возможныхъ *).

Здѣсь-то мы наконецъ и встрѣчаемся съ знаменитой теоріей «предустановленной гармоніи». Міровая гармонія, по ученію Лейбница, есть не что иное, какъ актъ воли божества, превращающій физическую необходимость въ необходимость моральную, управляющую всѣми существами безъ различія. Каждая монада развивается собственными силами, но эти силы не только созданы, онѣ избраны божествомъ. Развитіе міра есть не только сохраненіе міра и дѣйствую-

*) Любопытно сравнить эту теорію съ весьма сходными утвержденіями эволюціонистовъ, у которыхъ роль божества играетъ механическое приспособленіе, создающее міръ, наиболѣе приспособленный.

щитъ въ немъ силъ, но и непрерывный творческій актъ, устанавливающій гармонію между творцомъ и міромъ.

Здѣсь не мѣсто разбирать возраженія, которыя противопоставлялись системѣ Лейбница. Достаточно напомнить, что сильнѣйшимъ противникомъ метафизической стороны этого ученія явился Кантъ, а остроумнѣйшимъ оппонентомъ моральнаго ученія Лейбница былъ Вольтеръ съ своимъ «Кандидомъ». Но для лучшаго пониманія оптимизма Лейбница не мѣшаетъ еще привести примѣръ, данный самимъ философомъ.

Аполлонъ предсказываетъ Сексту Тарквинію, что его преступленіе погубитъ царскую власть въ Римѣ и самого Секста. Секстъ жалуется на это. Аполлонъ,—божество, знающее все заранѣе, посылаетъ Секста къ Юпитеру,—божеству, все предопредѣляющему, и говоритъ при этомъ: «Знай, что боги дѣлаютъ каждаго такимъ, каковъ онъ есть—волка хищнымъ, осла глупымъ, льва храбрымъ. Юпитеръ далъ тебѣ злую душу, ты будешь дѣйствовать сообразно съ твоей природой, и Юпитеръ поступитъ съ тобою по дѣламъ твоимъ».

Секстъ является въ Дельфы и умоляетъ самого Юпитера измѣнить его судьбу и улучшить его душу. Богъ отвѣчаетъ: «Откажись отъ Рима, ты станешь добрымъ и счастливымъ». Но тутъ Секстъ упирается, онъ не желаетъ перестать быть тѣмъ, что онъ есть. Онъ добровольно избираетъ низкій поступокъ, который былъ предусмотрѣнъ и предопредѣленъ. Онъ совершаетъ преступленіе, но за то гибнетъ самъ, губитъ царскую власть и дѣлаетъ Римъ великимъ и свободнымъ.

Конечно, разъ Секстъ получилъ отъ природы злую душу, въ рѣшительную минуту не желающую «перестать быть собою», и разъ Римъ спасенъ гибелью Секста, то эта гибель сама по себѣ есть наименьше возможное зло, и въ результатѣ остается наибольше возможное благо. Но почему боги сотворили волка хищнымъ, а Секста злымъ, и почему именно эта доля хищничества или злобы оказалась необходимою для наилучшаго изъ міровъ? На эти и подобные вопросы ученіе Лейбница не даетъ удовлетворительнаго отвѣта.

IX.

Лейбницъ и Петръ Великій.—Послѣдніе годы жизни Лейбница.

Лейбницу было болѣе пятидесяти лѣтъ отъ роду, когда онъ впервые встрѣтился (іюль 1697 года) съ Петромъ Великимъ, въ то

время молодымъ человѣкомъ, предпринявшимъ путешествіе въ Голландію съ цѣлью изученія морского дѣла.

До этой встрѣчи Лейбницъ имѣлъ о Россіи понятія, господствовавшія въ то время на Западѣ Европы. Московское государство почти не отличали отъ Турціи, видя въ немъ въ лучшемъ случаѣ оплотъ противъ дикихъ татарскихъ ордъ. Когда шла рѣчь о поддержкѣ кандидатуры нѣмецкаго принца на польскій престолъ, ни одинъ изъ претендентовъ не вызвалъ противъ себя такого краснорѣчія со стороны Лейбница, какъ претендентъ московскій. «Гроза съ Востока—пишетъ Лейбницъ отъ имени литвина Уликовіуса—одинаково опасна Польшѣ и Германіи; противъ нея возстаетъ чувство самосохраненія». Москва на польскомъ престолѣ будетъ, по словамъ Лейбница, второй Турціей и, избравъ московскаго царя, Польша откроетъ дорогу варварству, которое подавитъ европейскую цивилизацію Это было написано въ 1669 году.

Шестнадцать лѣтъ спустя взгляды Лейбница значительно измѣняются. Въ 1695 году онъ, подъ вліяніемъ слуховъ о Петрѣ I, уже замышляетъ устроить союзъ между Бранденбургомъ и Московскимъ царствомъ. «Я думаю,—пишетъ Лейбницъ,—что Провидѣніе доставляетъ намъ прекрасный случай, если мы съумѣемъ имъ воспользоваться». Но понятія Лейбница о Московскомъ царствѣ все еще довольно смутны; такъ, онъ полагаетъ, что необходимо позаботиться объ устройствѣ миссій въ Россіи, и сносится по этому предмету съ архіепископомъ кэнтерберійскимъ, считая англійскихъ миссіонеровъ столь же удобными для своихъ цѣлей, какъ и германскихъ. Тутъ же Лейбницъ разсуждаетъ о миссіяхъ въ Китай и въ Абиссинію, съ которою онъ познакомился черезъ Людольфа. Сѣверная война положила конецъ этимъ планамъ и соображеніямъ.

Свиданіе Лейбница съ Петромъ I въ Ганноверѣ (1697) въ коппенбрюкскомъ дворцѣ было непродолжительно, но все таки успѣло ознакомить философа съ личностью, слишкомъ выдававшеюся для того, чтобы не произвести на него сильнѣйшее впечатлѣніе. Еще раньше, по случаю избранія Августа саксонскаго польскимъ королемъ, Лейбницъ написалъ латинское стихотвореніе, въ которомъ говорилъ: «И если судьба будетъ благопріятна, императоръ, царь и саксонскій король, соединясь, изгонятъ изъ Европы варварство».

Вслѣдъ затѣмъ Лейбницъ не имѣлъ случая встрѣтиться съ Петромъ I до 1711 года. Зато въ 1707 году философу пришлось имѣть свиданіе съ противникомъ царя, Карломъ XII. «Сѣверный Александръ», какъ называли этого чисто военнаго генія, стоялъ

лагеремъ въ Альтранштадтѣ. Русскимъ посланникомъ въ Дрезденѣ былъ злополучный Паткуль, котораго потомъ выдалъ шведамъ король Августъ. Лейбницъ много бесѣдовалъ съ Паткулемъ о Россіи и о планахъ Петра I. Его интересъ былъ возбужденъ этими бесѣдами въ высочайшей степени, и онъ въ свою очередь развивалъ свои планы. Въ іюнѣ 1707 г. философъ поѣхалъ въ шведскій лагерь, желая увидѣть Карла XII. Король долго не пріѣзжалъ, наконецъ пріѣхалъ и сѣлъ обѣдать. Впродолженіи получаса завоеватель ѣлъ съ большимъ аппетитомъ, все время не проронивъ ни слова. Лейбницъ не могъ болѣе ждать и уѣхалъ. «Я не зналъ, о чемъ съ нимъ говорить», писалъ онъ англійскому посланнику въ Берлинѣ, лорду Рэби.

Свиданіе Лейбница съ Петромъ I въ октябрѣ 1711 года произошло при новыхъ обстоятельствахъ. Одна изъ принцессъ брауншвейгской фамиліи, София-Христина, вышла замужъ за царевича Алексѣя. Софья Ганноверская писала по этому случаю Лейбницу: Царевичъ и его принцесса питаютъ другъ къ другу необычайную любовь». Бракъ состоялся въ октябрѣ. Дѣдъ невѣсты взялъ съ собою Лейбница, и философъ не заставилъ себя долго просить. «Мнѣ было чрезвычайно любопытно,—писалъ онъ Софьѣ Ганноверской,—увидѣть вблизи такого государя, какъ царь». По словамъ Людовици, писателя почти современнаго Лейбницу, философъ крайне интересовался «намѣреніемъ царя исторгнуть своихъ подданныхъ изъ состоянія варварства и насадить у нихъ науки и искусства». На этотъ разъ бесѣды царя съ Лейбницемъ были хотя не продолжительны, но богаты послѣдствіями. Петръ I просилъ Лейбница изложить всѣ соображенія, какія только онъ сочтетъ полезными. Лейбницъ между прочимъ предложилъ организацію наблюденій надъ магнитнымъ склоненіемъ, обрисовалъ въ общихъ чертахъ проэктъ законодательной реформы, указалъ на значеніе коллегіальнаго начала въ судѣ и администраціи, наконецъ набросалъ планъ реформы учебнаго дѣла и проэктъ учрежденія Петербургской академіи наукъ. «Я хочу быть издалека русскимъ Солономъ», писалъ Лейбницъ Софьѣ Ганноверской.

Осенью слѣдующаго, 1712 года, Петръ I прибылъ въ Карльсбадъ. Здѣсь Лейбницъ провелъ съ нимъ долгое время и поѣхалъ съ царемъ въ Теплицъ и Дрезденъ. Во время этого путешествія планъ академіи наукъ былъ выработанъ во всѣхъ подробностяхъ. Петръ I тогда же принялъ философа на русскую службу и назначилъ ему пенсію въ 2000 гульденовъ. Планы, проэкты и письма

Лейбница хранятся въ Московскомъ государственномъ архивѣ. Лейбницъ былъ чрезвычайно доволенъ своими отношеніями къ Петру I. «Покровительство наукамъ всегда было моей главной цѣлью,—писалъ онъ,—только не доставало великаго монарха, который достаточно интересовался бы этимъ дѣломъ».

Въ послѣдній разъ Лейбницъ видѣлъ Петра незадолго до своей смерти—въ 1716 году. Объ этомъ свиданіи Лейбницъ пишетъ:

«Я воспользовался нѣсколькими днями, чтобы провести ихъ съ великимъ русскимъ монархомъ, затѣмъ я поѣхалъ съ нимъ въ Герренгаузенъ подлѣ Ганновера и былъ съ нимъ тамъ два дня Удивляюсь въ этомъ государѣ столько же его гуманности, сколько познаніямъ и острому сужденію».

Если Петръ I съумѣлъ оцѣнить Лейбница, то нельзя этого сказать о всѣхъ германскихъ монархахъ. Георгъ I, по прежнему, смотрѣлъ на Лейбница только, какъ на своего придворнаго исторіографа, стоившаго ему много лишнихъ денегъ.

По смерти Софіи Ганноверской (матери Софіи-Шарлотты) единственнымъ близкимъ человѣкомъ для Лейбница стала принцесса Каролина, впослѣдствіи принцесса Уэльская. Еще при жизни королевы Софіи-Шарлотты, въ 1704 году, Лейбницъ познакомился съ этой принцессой, которая обожала прусскую королеву. Каролину прочили въ невѣсты эрцгерцогу Карлу, впослѣдствіи Карлу VI (онъ же испанскій король Карлъ III). Несмотря на то, что къ ней подослали ловкаго іезуита Орбана, принцесса отказалась перемѣнить вѣру, что̀ удивило даже Лейбница. Вскорѣ послѣ этого Каролина вышла замужъ за ганноверскаго принца, который, по вступленіи Георга I на англійскій престолъ, сталъ принцемъ Уэльскимъ.

Лейбницъ чрезвычайно привязался къ молодой принцессѣ. Ихъ связывали воспоминанія о покойной прусской королевѣ. Каролина по любви къ наукѣ немногимъ уступала Софіи-Шарлоттѣ. Черезъ ея посредство Лейбницъ велъ полемику съ ближайшимъ послѣдователемъ Ньютона, Кларкомъ.

Полемика эта была продолженіемъ и окончаніемъ знаменитаго спора о первенствѣ, возникшаго между Ньютономъ и Лейбницемъ изъза открытія метода флюксій и дифференціальнаго исчисленія. Сущность спора была уже выяснена; остается сказать нѣсколько словъ о самой полемикѣ, которая немного прибавила къ славѣ обоихъ великихъ людей, причемъ въ пользу Ньютона слѣдуетъ сказать, что онъ въ этомъ дѣлѣ поступилъ осмотрительнѣе и даже благороднѣе Лейбница, воздавъ ему должное въ своихъ безсмертныхъ *Principia*, тогда какъ Лейбницъ въ написанной имъ (вдобавокъ анонимной) статьѣ, появившейся въ лейпцигскихъ «Трудахъ», отозвался о

Ньютонѣ такимъ образомъ, какъ будто тотъ совершилъ у него плагіатъ. Какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, въ споръ вмѣшались разные третьестепенные ученые, изъ которыхъ одни писали пасквили на Лейбница, другіе—на Ньютона. Одинъ изъ такихъ пасквилей побудилъ Лейбница, какъ члена Лондонскаго королевскаго общества, предсѣдателемъ котораго былъ Ньютонъ, обратиться къ суду общества. Ньютонъ, хотя и не могъ быть судьею въ своемъ дѣлѣ, искусно подготовилъ свою защиту, тѣмъ болѣе, что по вопросу о первенствѣ былъ фактически правъ, хотя Лейбницъ обнародовалъ свое дифференціальное исчисленіе раньше появленія «Началъ» Ньютона. Лондонское королевское общество, разсмотрѣвъ дѣло, признало, что методъ Лейбница въ сущности тожественъ съ методомъ Ньютона, а поэтому первенство должно быть признано за англійскимъ математикомъ. Приговоръ этотъ, произнесенный 24-го апрѣля 1712 г. и въ высшей степени раздосадовавшій Лейбница, былъ конечно одностороненъ, такъ какъ аналитическій методъ Лейбница болѣе абстрактенъ и болѣе общъ, чѣмъ методъ флюксій. Но Лейбницъ, въ пылу полемики, въ свою очередь писалъ несправедливѣйшія вещи, совершенно отвергая права Ньютона. Сторону Лейбница держали братья Бернульи и многіе другіе математики континента; въ Англіи, частью и во Франціи, держали сторону Ньютона. Справедливѣе всѣхъ рѣшила этотъ споръ тогда же принцесса Каролина, которая всѣми силами, хотя и безуспѣшно, пыталась примирить противниковъ. Она писала Лейбницу:

«Съ настоящимъ прискорбіемъ вижу, что люди такой научной величины, какъ вы и Ньютонъ, не можете помириться. Міръ безконечно могъ бы выиграть, если бы можно было васъ сблизить, но великіе люди подобны женщинамъ, которыя ссорятся изъ-за любовниковъ. Вотъ мое сужденіе о вашемъ спорѣ, господа!» «Удивляюсь,—пишетъ она въ слѣдующемъ письмѣ,—неужели если вы или Ньютонъ открыли одно и то же одновременно или одинъ раньше, другой позднѣе, то изъ этого слѣдуетъ, чтобы вы растерзали другъ друга! Вы оба—величайшіе люди нашего времени. Доказывайте вы намъ, что міръ не имѣетъ нигдѣ пустоты; Ньютонъ и Кларкъ пусть доказываютъ пустоту. Мы, графиня Бюккебургъ, Пельницъ и я, будемъ присутствовать и изобразимъ въ оригиналѣ «Ученыхъ Женщинъ» Мольера».

Какъ сказано, полемика, затѣянная Лейбницемъ, черезъ посредство принцессы Каролины, съ англійскимъ богословомъ Кларкомъ, была лишь продолженіемъ борьбы съ Ньютономъ. Лейбницъ зналъ, что Кларкъ пишетъ если не подъ диктовку Ньютона, то по его указаніямъ. Это заставило германскаго философа писать необычайно запальчиво. Онъ дошелъ до того, что обвинялъ Ньютона чуть не въ атеизмѣ и безнравственности.

Принцесса Каролина чрезвычайно преклонялась предъ «Теодицеей» Лейбница: книга эта вообще произвела огромное впечатлѣніе, тотчасъ была переведена на латинскій языкъ и стала настольной книгой всѣхъ свѣтскихъ людей. Каролина хотѣла видѣть также англійскій переводъ «Теодицеи» и обратилась къ богослову Кларку, поклоннику Ньютона. Въ послѣдній годъ жизни Лейбница, съ ноября 1715 по ноябрь 1716, между нимъ и Кларкомъ завязалась философско-богословская полемика. Лейбницъ напалъ на всю англійскую школу: на Локка за его сенсуализмъ, на Ньютона—за его математическую философію природы и особенно за то, что Ньютонъ однажды высказалъ взглядъ на пространство, какъ на «чувствилище» (sensorium) божества, относящееся къ божеству, какъ мозгъ къ душѣ. Кларкъ въ свою очередь жестоко напалъ на «предустановленную гармонію», которая дѣлаетъ излишними дальнѣйшія вмѣшательства божества въ естественный ходъ вещей и, слѣдуя Ньютону, сравнивалъ божество съ часовщикомъ, періодически чистящимъ и починяющимъ построенный имъ механизмъ. Это въ области метафизики и богословія; что касается науки, Лейбницъ отвергалъ ученіе Ньютона о всемірномъ тяготѣніи и вмѣсто этого пытался подставить нѣчто вродѣ декартовскихъ вихрей.

Послѣднее (пятое) письмо Кларка было послано принцессой Лейбницу, но осталось безъ отвѣта. Не успѣвъ дать отвѣта, Лейбницъ умеръ.

Кромѣ полемики съ Ньютономъ и Кларкомъ, послѣдніе годы Лейбница были отравлены до невозможности утомившею его назойливостью Георга I, постоянно дѣлавшаго ему выговоры за неаккуратное составленіе исторіи его династіи. Этотъ король обезсмертилъ себя рескриптомъ на имя ганноверскаго правительства, гдѣ оффиціально выражено порицаніе Лейбницу, и великій философъ публично названъ человѣкомъ, которому не слѣдуетъ вѣрить. На этотъ рескриптъ Лейбницъ отвѣтилъ полнымъ достоинства письмомъ, въ которомъ пишетъ: «Никогда не думалъ, что первымъ моимъ актомъ по восшествіи вашего величества на престолъ (англійскій) будетъ апологія». Когда Лейбницъ написалъ девять десятыхъ всего труда, работая и день, и ночь, страдая глазами отъ архивныхъ занятій, которыя были ему не по возрасту, король утверждалъ, что Лейбницъ ничего не дѣлаетъ и забываетъ свои обѣщанія,—его досадовало, что исторія не доведена до его собственнаго благополучнаго царствованія. Послѣдніе два года жизни въ Ганноверѣ были для Лейбница настоящей пыткой. «Ганноверъ—моя тюрьма», сказалъ

онъ однажды. Въ довершеніе всего, приставленный къ Лейбницу помощникъ, Георгъ Эккардтъ, оказался однимъ изъ тѣхъ людей, о которыхъ сложилась пословица: «нѣтъ великаго человѣка для его лакея». Эккардтъ былъ все, что угодно: льстивъ и лукавъ, какъ лакей, и при случаѣ слѣдилъ за Лейбницемъ въ качествѣ шпіона, докладывая напр. королю и его министру Бернсторфу, что Лейбницъ, по дряхлости, недостаточно работаетъ. Когда Лейбницъ заболѣлъ продолжительной болѣзнью, Эккардтъ писалъ: «Ничто болѣе не поставитъ его на ноги, вотъ если царь и еще дюжина монарховъ дадутъ ему надежду на новыя пенсіи, тогда сразу начнетъ ходить». На другой день Лейбницъ умеръ.

Смерть Лейбница была обыкновеннымъ концомъ одинокаго холостяка, не имѣвшаго даже близкихъ людей, которые окружали напр. Ньютона въ его послѣдніе годы.

До 50-ти-лѣтняго возраста Лейбницъ рѣдко былъ боленъ. Отъ чрезчуръ сидячей жизни и неправильнаго питанія у него къ этому времени развилась подагра. Путешествія обыкновенно помогали ему; медицину онъ уважалъ въ принципѣ, но тогдашнее врачебное искусство цѣнилъ низко. Въ одномъ изъ писемъ онъ, послѣ прочтенія книжки врача Беренса «О достовѣрности и трудности врачебнаго искусства» сказалъ: «Дай Богъ, чтобы достовѣрность была такъ же велика, какъ и трудность».

Два послѣдніе года жизни Лейбницъ провелъ въ постоянныхъ физическихъ страданіяхъ. Въ началѣ августа 1716 года ему стало лучше, и Лейбницъ спѣшилъ въ Ганноверъ, желая наконецъ окончить пресловутую брауншвейгскую исторію. Онъ простудился, почувствовалъ приступъ подагры и ревматическія боли въ плечахъ. Изъ всѣхъ лекарствъ Лейбницъ довѣрялъ лишь одному, которое когда то подарилъ ему одинъ пріятель, іезуитъ. Лейбницъ принялъ на этотъ разъ слишкомъ большую дозу и почувствовалъ себя дурно. Прибывшій врачъ нашелъ положеніе настолько опаснымъ, что самъ побѣжалъ въ аптеку за лекарствомъ. Во время его отсутствія Лейбницъ хотѣлъ что то написать, но не могъ самъ прочесть написанное. Тогда онъ легъ въ постель, закрылъ глаза и умеръ. Это было 14-го ноября 1716 года.

Единственный наслѣдникъ Лейбница, его племянникъ, священникъ Леффлеръ, явился получать наслѣдство. Прекрасный портретъ дяди онъ продалъ за нѣсколько талеровъ и къ восхищенію своему получилъ въ наслѣдство значительную сумму денегъ. Когда этотъ племянникъ Лейбница возвратился домой, жена его, ожидавшая получить грошъ, до того обрадовалась, что съ нею сдѣлался ударъ.

Ганноверскіе граждане, исковеркавшіе имя Лейбница и называвшіе его Лёвеникъ, что по нижне-нѣмецки значитъ «ни во что не вѣритъ», ничѣмъ особеннымъ не выразили печали по такой утратѣ. Хоронили Лейбница такъ, что одинъ пріѣзжій шотландецъ возмутился и сказалъ: «его похоронили не какъ славу страны, а какъ разбойника».

Основанная Лейбницемъ Берлинская академія наукъ, давно уже избравшая другого президента, подъ предлогомъ, что Лейбницъ прекратилъ научную дѣятельность, въ то время ни словомъ не помянула своего основателя. Лондонское королевское общество считало неприличнымъ хвалить соперника Ньютона. Только въ Парижской академіи наукъ Фонтенелль прочелъ знаменитую похвальную рѣчь Лейбницу, въ которой признавъ его однимъ изъ величайшихъ ученыхъ и философовъ всѣхъ временъ.

Теперь по этому вопросу не можетъ быть двухъ разныхъ мнѣній. Можно указать на историковъ философіи, которые изъ ненависти къ преувеличенному оптимизму Лейбница готовы умалить значеніе его истинныхъ открытій. Но изобрѣтатель дифференціальнаго исчисленія, основатель ученія о безсознательныхъ представленіяхъ, первый провозвѣстникъ теоріи непрерывнаго развитія, реформаторъ въ области юриспруденціи, истинный основатель академіи—Берлинской и Петербургской, предшественникъ Лессинга и Канта по вопросу о религіозной терпимости и о свободѣ критики — этотъ всесторонній, всеобъемлющій умъ занялъ прочное мѣсто въ исторіи науки и философіи. Этой его позиціи не возьмутъ приступомъ самые ядовитые и самые мрачные пессимисты.

X

Наружность и характеръ Лейбница.

Въ философіи Лейбница индивидуальный принципъ играетъ такую роль, что біографическій очеркъ былъ бы не полонъ, если бы въ немъ не сказалось описанія личности Лейбница даже съ чисто-внѣшней стороны. Самъ Лейбницъ оставилъ намъ весьма подробное описаніе своей наружности и пытался также охарактеризовать себя съ психической стороны.

Лейбницъ былъ худощавъ, средняго роста и блѣднолицъ. Цвѣтъ лица его казался еще бѣлѣе вслѣдствіе контраста съ огромнымъ чернымъ, какъ смола, парикомъ, который онъ носилъ по обычаю того

времени. На первый взглядъ онъ производилъ впечатлѣніе довольно невзрачнаго человѣка.

Во время пребыванія Лейбница въ Парижѣ съ нимъ былъ такой случай. Лейбницъ зашелъ въ книжную лавку, желая купить сочиненіе Мальбранша «Объ изслѣдованіи истины». Нахальный книгопродавецъ, осмотрѣвъ его съ ногъ до головы, насмѣшливо спросилъ: «Неужели вы можете читать такія книги?» Тутъ явился самъ Мальбраншъ за покупками. Увидя Лейбница, съ которымъ онъ былъ хорошо знакомъ, Мальбраншъ привѣтствовалъ его съ изысканной вѣжливостью. Тогда книгопродавецъ и приказчики сообразили, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, и нахальный тонъ смѣнили приторными любезностями.

О своемъ темпераментѣ Лейбницъ пишетъ: «Его темпераментъ нельзя назвать сангвиническимъ, потому что онъ блѣденъ лицомъ и малоподвиженъ; но онъ и не холерикъ, потому что мало пьетъ, наоборотъ имѣетъ сильный позывъ къ ѣдѣ, крѣпко спитъ. Онъ и не флегматикъ, потому что любитъ душевное возбужденіе, худощавъ, энергиченъ. Онъ и не меланхоликъ, потому что не страдаетъ селезенкой, быстро думаетъ, имѣетъ живыя желанія. Холерическій темпераментъ въ немъ преобладаетъ».

Лейбницъ чрезвычайно любилъ сладкое, даже въ вино подмѣшивалъ сахаръ, но вообще пилъ мало вина, ѣлъ съ большимъ аппетитомъ безъ особеннаго разбора, могъ одинаково довольствоваться и скернымъ обѣдомъ, который ему приносили изъ гостинницы, и изысканными придворными блюдами. Ѣлъ онъ не въ какое либо опредѣленное время, а когда придется, спалъ также, какъ придется. Обыкновенно онъ ложился спать не раньше часу ночи и вставалъ не позднѣе семи часовъ утра. Такой образъ жизни онъ велъ до глубокой старости. Часто случалось, что Лейбницъ засыпалъ въ своемъ рабочемъ креслѣ отъ переутомленія, такъ и спалъ до самаго утра.

Лейбницъ былъ съ дѣтства близорукъ и полагалъ, что отъ этого зависѣло его сравнительно бѣдное воображеніе. Память у него была неровная: нѣкоторыя вещи онъ запоминалъ превосходно, другія—съ трудомъ. По его собственнымъ словамъ, «легкое было ему обыкновенно трудно, а самое трудное—легко». Онъ былъ вспыльчивъ, но гнѣвъ его легко прекращался, любилъ веселую бесѣду, но избѣгалъ упражненій, требующихъ сильнаго движенія. Онъ охотно путешествовалъ, любилъ и умѣлъ говорить съ людьми всѣхъ званій и профессій, любилъ дѣтей, искалъ общества женщинъ, но не думалъ о женитьбѣ. Еще до сближенія съ Софіей-Шарлоттой, въ 1696 году, Лейбницъ сдѣлалъ предложеніе одной дѣвицѣ, но та просила време-

ни подумать. Тѣмъ временемъ 50-ти-лѣтній Лейбницъ раздумалъ жениться и сказалъ: «до сихъ поръ я воображалъ, что всегда успѣю, а теперь оказывается, что опоздалъ».

Его душевное настроеніе вполнѣ гармонировало съ его философскимъ оптимизмомъ: Лейбницъ былъ почти всегда веселъ и оживленъ. Обо всѣхъ онъ отзывался хорошо, даже о Ньютонѣ до окончательной съ нимъ ссоры. По словамъ самого Лейбница, у него былъ недостатокъ «цензорскаго духа». Почти всякая книга ему нравилась, онъ искалъ и запоминалъ въ ней лишь самое лучшее. Онъ часто смѣялся, даже тогда, когда, по его словамъ, это былъ лишь наружный, а не внутренній смѣхъ. Онъ былъ обидчивъ, но не мстителенъ и легко было возбудить въ немъ чувство состраданія.

Лейбницъ не относился свысока ни къ какому ученію и ни къ какой сектѣ. По его словамъ, изъ всѣхъ знаній онъ отвергалъ только астрологію, да и то не безусловно. «Я отвергаю вліяніе свѣтилъ на моральный міръ,— говорилъ онъ,—но весьма возможно, что отъ расположенія свѣтилъ зависятъ разныя стихійныя явленія на землѣ». Въ алхиміи онъ отвергалъ нелѣпый символизмъ, но въ мысли о превращеніи другихъ металловъ въ золото не видѣлъ ничего нелѣпаго. До какихъ крайностей доводилъ Лейбница его оптимизмъ, видно изъ одного его письма къ Боссюэту, гдѣ онъ, говоря о злоупотребленіи пытками, замѣчаетъ, что бываютъ случаи, когда примѣненіе пытки необходимо для предотвращенія еще худшаго зла, которое произойдетъ отъ нераскрытія преступленія

Экгардтъ увѣряетъ, что Лейбницъ былъ скупъ; зная лживость Экгардта, можно этому и не повѣрить. Правда, по смерти Лейбница у него нашли 12,000 талеровъ, но въ его возрастѣ, при скромномъ образѣ жизни и пенсіи, получаемой имъ изъ Россіи, не трудно было собрать и большій капиталъ. Сверхъ того извѣстно, что Лейбницъ тратилъ много денегъ на книги и на модели своей ариѳметической машины и никогда не спрашивалъ отчета съ слугъ, которые его безбожно обирали.

По нѣкоторымъ даннымъ, у Лейбница былъ незаконный сынъ, служившій у него не то лакеемъ, не то секретаремъ и не отличавшійся способностями. Матерью его была быть можетъ служанка. Если это правда, то странно, почему Лейбницъ не обезпечилъ сына, оставивъ наслѣдство племяннику, который прославился лишь поразительной неблагодарностью и пренебреженіемъ къ памяти великаго дяди.